

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Барнаульский юридический институт МВД России

**ОТ КЛАССИЧЕСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА
К СОВРЕМЕННОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ.
ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ**

Сборник материалов Международной научно-практической конференции

Барнаул
2024

Об издании — [1](#), [2](#)

ББК 67.410.2я431

О–80 От классического уголовного процесса к современному судопроизводству. Вызовы времени : электронный сборник материалов Международной научно-практической конференции / под ред. Л. В. Черепановой. — Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. — 80 с.

Научное электронное издание

Редакционная коллегия:

Черепанова Л. В., к. ю. н., доцент — председатель (БЮИ МВД России),

Чечетин А. Е., д. ю. н., профессор (БЮИ МВД России),

Дежнев А. С., д. ю. н., профессор (ОМА МВД России),

Павлов А. В., к. ю. н., доцент (ОМА МВД России),

Пупышева Л. А., д. ю. н., доцент (ОМА МВД России),

Коробкова Е. Е., к. ю. н., доцент (ОМА МВД России),

Широва Э. Х., к. ю. н., доцент — ответственный секретарь (БЮИ МВД России).

ISBN 978-5-94552-586-3

В сборник включены тезисы докладов и выступлений участников Международной научно-практической конференции «От классического уголовного процесса к современному судопроизводству. Вызовы времени» (17–18 октября 2024 г.). В материалах конференции освещены актуальные проблемы уголовно-процессуального законодательства, практики его применения в России и странах ближнего зарубежья.

Сборник предназначен для сотрудников ОВД, преподавателей, научных сотрудников и адъюнктов образовательных организаций системы МВД России, а также ученых, занимающихся исследованием проблем в сфере уголовного судопроизводства.

Текстовое (символьное) электронное издание. Объем 1,42 Мб.

Дата подписания к использованию: 07.10.2024.

Системные требования:

PC, Intel 1 ГГц; 512 Мб опер. памяти; 30 Мб свобод. диск. пространства;

DVD-привод; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов.

Адрес: 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49.

ISBN 978-5-94552-586-3

© Барнаульский юридический институт МВД России, 2024

Научное издание

**От классического уголовного процесса
к современному судопроизводству. Вызовы времени**

Сборник материалов Международной научно-практической конференции

Под редакцией Л. В. Черепановой

Редактор	Е. Г. Авдюшкин
Корректурa, компьютерная верстка	М. В. Егерь
Дизайн обложки	П. Ю. Печенина

Дата подписания к использованию:
07.10.2024

Объем издания: 1,42 Мб
Комплектация издания: 1 электрон. опт. диск (DVD)
Тираж: 8 дисков

ФГКОУ ВО «Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»
656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49

СОДЕРЖАНИЕ

<u><i>Айдарбеков Ж. Т.</i> Судебный контроль в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Киргизской Республики.....</u>	6
<u><i>Арсенова Н. В.</i> Согласие государственного обвинителя как условие рассмотрения уголовного дела в суде в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением.....</u>	8
<u><i>Ахпанов А. Н., Хан А. Л.</i> Общие вопросы цифровизации досудебного расследования в Республике Казахстан.....</u>	10
<u><i>Бондаренко А. А.</i> Возбуждение уголовного дела в отношении «нового лица» — ошибка законодателя, которую превращают в существенное нарушение закона</u>	14
<u><i>Бондарь М. М.</i> Появление и историческое развитие содержания категории «уголовное преследование».....</u>	16
<u><i>Валюлин Р. Р.</i> Детализация и конкретизация некоторых мер пресечения в постановлениях Правительства Российской Федерации</u>	18
<u><i>Василькова Е. В.</i> К вопросу о расширении практики применения института присяжных заседателей.....</u>	20
<u><i>Власова С. В.</i> Анализ судебной практики судов Приволжского федерального округа о принятии решений о продлении срока содержания под стражей.....</u>	22
<u><i>Вытовтов А. Е.</i> Противоречие в деятельности оперативных подразделений МВД России, исполняющих обязанности органа дознания в уголовном судопроизводстве России.....</u>	24
<u><i>Гаврилов Б. Я.</i> Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: отвечают ли его процедуры современным вызовам?.....</u>	26
<u><i>Гапонова В. Н.</i> Особенности производства по делам частного обвинения</u>	29
<u><i>Диденко Н. С.</i> Уголовно-правовая характеристика задержания как меры пресечения</u>	30
<u><i>Жигалова И. В., Носкова Е. В.</i> Значение участия потерпевшего в судебном разбирательстве по уголовному делу.....</u>	32
<u><i>Климович Н. В.</i> К вопросу о реализации прав потерпевшего при прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа.....</u>	34
<u><i>Козлов В. В.</i> Особенности определения территориальной подследственности по уголовным делам о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.....</u>	36
<u><i>Коробкова Е. Е.</i> Формы участия психолога при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних.....</u>	38
<u><i>Кузнецова Е. В.</i> Об унификации полномочий прокурора на завершающем этапе расследования (в части обеспечения законности применения мер пресечения).....</u>	39
<u><i>Ламтева А. В.</i> Возобновление производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств</u>	41
<u><i>Лантух Н. В.</i> Тенденции развития современного российского уголовного процесса: классика и новые перспективы.....</u>	43

<u>Латыпов В. С. Размышления о вопросах реализации функции содействия правосудию в современном уголовном процессе России.....</u>	<u>44</u>
<u>Лебедев Н. Ю. К вопросу о невозможности участия государственных и муниципальных служащих в формировании коллегии присяжных заседателей.....</u>	<u>46</u>
<u>Лебедева Ю. В. Правовая неопределенность и, как следствие, бесполезность психолога в уголовном судопроизводстве</u>	<u>48</u>
<u>Логачев К. К. Деятельность следователя на этапе окончания предварительного следствия.....</u>	<u>49</u>
<u>Михайлова О. Г. О целесообразности предоставления права на возбуждение уголовного дела прокурору.....</u>	<u>51</u>
<u>Монид М. В. Проблемные аспекты защиты прав потерпевшего при рассмотрении уголовного дела в порядке, регламентированном главой 40 УПК РФ</u>	<u>53</u>
<u>Муравьев К. В. Законность и справедливость уголовно-процессуальной деятельности.....</u>	<u>55</u>
<u>Павлов А. В., Сковородко А. А. Особенности формулирования обвинительного тезиса при хищении с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств.....</u>	<u>57</u>
<u>Свяженина А. А. О необходимости дополнения отечественного законодательства нормой, предусматривающей уголовно-процессуальную дееспособность</u>	<u>59</u>
<u>Сологубов А. Ю. Удостоверение уголовно-процессуальных обращений, поданных в форме электронного документа в орган предварительного расследования.....</u>	<u>61</u>
<u>Телевицкая А. Ю. Место и назначение уголовного судопроизводства в уголовно-процессуальной природе</u>	<u>63</u>
<u>Топчиев А. А. К вопросу о порядке отвода судьи.....</u>	<u>64</u>
<u>Топчиева Т. В. Вновь к вопросу о статусе лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.....</u>	<u>66</u>
<u>Удовиченко В. С. Об использовании «немых свидетелей» в доказывании.....</u>	<u>67</u>
<u>Фельк А. А. Реализация полномочий следователя при направлении уголовного дела прокурору с обвинительным заключением</u>	<u>69</u>
<u>Фотьянов Н. В. Некоторые процессуальные аспекты временного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, лица, в отношении которого в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу</u>	<u>70</u>
<u>Царева Ю. В. Синергия уголовно-процессуальной доктрины и судебной практики по уголовным делам</u>	<u>72</u>
<u>Черепанова Л. В., Андриенко Ю. А. Правовая основа применения мер процессуального принуждения в стадии исполнения приговора</u>	<u>74</u>
<u>Черепанова Л. В., Торшков А. А. Участковый уполномоченный полиции — самостоятельный участник современного уголовного судопроизводства (вопросы алгоритмизации действий при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела).....</u>	<u>76</u>
<u>Широва Э. Х., Ситникова С. А. Осмотр жилища и осмотр места происшествия в жилище: к вопросу о целеполагании.....</u>	<u>78</u>

СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ж. Т. Айдарбеков,

кандидат юридических наук, доцент

Академия МВД Киргизской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева

На современном этапе в Киргизской Республике наряду с установлением демократических принципов государственного управления остро стоит вопрос о создании независимых судов, отличающихся объективностью судей, осуществляющих правосудие исключительно на принципах законности и справедливости. Во времена Советского государства общепринятой практикой являлся контроль исполнительной ветви власти над всей судебной системой. Это заключалось в зависимости судебной системы в материальном плане и по вопросам кадровой политики от Министерства юстиции. Предполагалось, что с обретением независимости будет устранено всякое внешнее воздействие на деятельность судей при принятии ими решений, а также укреплено положение судей и всей судебной системы в целом. И действительно, в Конституции Киргизской Республики 1993 г. предусматривалось разделение властей на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную, что на тот момент позволило говорить об институциональной независимости судебной ветви в системе государственной власти. Начались радикальные судебно-правовые реформы в плане утверждения правового положения судей с учетом международных стандартов. Был принят ряд законов: конституционные законы Киргизской Республики «О статусе судей», «О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах», закон Киргизской Республики «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» и т. д.

В международных и внутригосударственных нормативных правовых актах сформулированы основополагающие принципы, отражающие правовой статус судьи. В основных принципах независимости судебных органов, принятых седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, указано:

1. Независимость судебных органов гарантируется государством и закрепляется в Конституции и других законах. Все государственные

органы и учреждения обязаны соблюдать и уважать независимость судебных органов.

2. Судебные органы должны беспристрастно решать переданные им дела на основе фактов и в соответствии с законом.

3. Принцип независимости судебных органов дает право требовать от них ведения справедливого судебного разбирательства и соблюдения прав сторон.

Формирование авторитетной судебной власти в стране составляет неотъемлемую часть современной политики развития Киргизии и является одной из важнейших проблем государства и общества. Для обеспечения судьям основных гарантий защиты не только принципов независимости и беспристрастности, но и нормальных условий труда, безопасности и профессиональной подготовки каждое государство должно вести непрестанную работу по совершенствованию своей судебной системы. «Новая Конституция республики сделала большой шаг в сторону предоставления независимости судебной ветви власти, повышена роль совета судей Кыргызской Республики как органа судейского самоуправления, и кому быть в среде судей, а с кем предстоит распрощаться — решаете вы», — обращалась к судьям экс-президент Киргизской Республики Р. И. Отунбаева. Продолжая идею необходимости реформирования уголовного судопроизводства, нынешний Президент Киргизской Республики С. Н. Жапаров в своем выступлении на заседании Жогорку Кенеша отметил следующее: «Первоочередным требованием народа остается обеспечение справедливого и объективного судопроизводства. Но, к сожалению, до сих пор не решены вопросы судебно-правовой реформы и обновления состава судей. Наше общество должно очиститься от негативных явлений, а это невозможно без очищения судебной системы. Поэтому необходимо провести судебно-правовую реформу, создать справедливую, ответственную судебную власть», подтверждением чему стал Указ Президента Киргизской Республики «О мерах по совершенствованию правосудия в Кыргызской Республике».

В. А. Михайлов справедливо отмечает, что «Конституцией и действующим законодательством определен правовой статус судебной власти, которая по своей сущности едина, однако с учетом многообразия ее функций дифференцирована на конституционно-судебную, уголовно-судебную, административно-судебную и гражданско-судебную власть. Уголовно-судебная власть, будучи разновидностью государственной власти, осуществляется посредством уголовного судопроизводства, выступающего в качестве правовой формы применения Российским государством уголовного закона в целях охраны общественных отношений, нарушаемых путем совершения преступлений. Уголовно-судебная власть — это установленное Конституцией исключительное право судов общей юрисдикции на осуществление от имени государства правосудия в каждом случае совершения виновным преступления, предусмотренного Особенной частью Уголовного кодекса РФ». Вместе с тем судебная власть по уголовным делам не ограничивается только осуществлением судами правосудия, она включает также иную судебную деятельность, которая реализуется в досудебных стадиях уголовного процесса и именуется судебным контролем.

Судебный контроль является самостоятельной функцией суда, одним из средств реализации судебной власти. Целью судебного контроля является максимальная защита личности, вовлеченной в уголовный процесс.

К задачам судебного контроля следует отнести:

– охрану прав, свобод и законных интересов личности, т. е. создание эффективного правового механизма по реализации процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, в частности на письменное получение своих прав на языке, которым они владеют свободно, на возмещение ущерба, причиненного преступлением, в оптимально короткие сроки, на защиту

в случае посткриминального воздействия на того или иного участника.

– придание юридической силы результатам правомерных решений и действий следователя, прокурора, органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, т. е. проверка и оценка доказательств с точки зрения их относимости и допустимости.

Одной из наиболее актуальных проблем, связанных с полномочиями суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, является дача разрешения судьей на производство отдельных следственных действий и на применение мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста. Возможно, судебные процедуры получения разрешения на производство следственных действий, применение мер уголовно-процессуального принуждения, прослушивание телефонных и иных переговоров, их контроль и запись достаточно просты (закрытое судебное разбирательство). Однако к ним закрыт доступ стороны защиты, которая, имея возможность реализовать новую систему принципов уголовного судопроизводства в полном объеме, еще не уверенно использует свободу обжалования, не берет за основу состязательность сторон, в частности в досудебном производстве, и не обжалует действия должностных лиц в том необходимом объеме, который использует сторона обвинения, обращаясь к институту судебного контроля. Необходимо отметить мнение Э. М. Мурадяна о том, что чем легче процедура, тем выше риск судебной ошибки и ответственность судьи за обвинительные выводы и решения.

В качестве одной из трудностей следует обозначить штатную численность судов, в частности районного звена. И для более полной реализации таких принципов судопроизводства, как объективность и беспристрастность, считаем, необходимо решить вопрос об увеличении штатной численности уже существующих в республике судов.

Литература

1. Гуськова А. П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ. Оренбург, 2002.
2. О введении в действие Уголовного кодекса Кыргызской Республики, Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях и внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики: закон Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 126. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112305> (дата обращения: 05.10.2023).
3. Томин В. Т., Поляков М. П., Попов А. П. Очерки теории эффективного уголовного процесса. Пятигорск, 2000.
4. Шестакова С. Д., Иманалиева У. Э. Следственный судья — новый участник уголовного судопроизводства Кыргызской Республики // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3.

СОГЛАСИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ КАК УСЛОВИЕ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУДЕ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ОБВИНЕНИЕМ

Н. В. Арсенова,

кандидат юридических наук

*Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Институт особого порядка судебного рассмотрения уголовных дел при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ) в течение всего периода его применения не перестает вызывать дискуссии среди ученых и правоприменителей. Отдельные положения данного института неоднозначно толкуются правоприменителем, что влечет за собой противоречивую судебную практику в различных субъектах Российской Федерации.

Анализ статистики применения особого порядка, предусмотренного гл. 40 УПК РФ, свидетельствует о тенденции к снижению показателей его использования. Так, судами общей юрисдикции в 2019 г. особый порядок производства применялся по 431,3 тыс. уголовных дел, что составило 52,3 % от общего числа рассмотренных дел, в 2020 г. — 348,9 тыс., или 44,8 %; в 2021 г. — 311,3 тыс., или 39,8 %; в 2022 г. — 289,6 тыс., или 37,3 %; в 2023 г. — 251,8 тыс., или 34,9 % [5].

Данная тенденция обусловлена, в первую очередь, изменением категории преступлений, по которым возможен рассматриваемый особый порядок. В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 20.07.2020 № 224-ФЗ к ним относятся лишь преступления небольшой и средней тяжести [2].

Другой причиной снижения количества рассматриваемых уголовных дел в особом порядке, по нашему мнению, является изменение отношения органов прокуратуры к даче согласия на особый порядок.

Обязательным условием производства по уголовному делу в особом порядке является согласие прокурора (п. 3 ч. 2 ст. 314 УПК РФ). Однако в законодательстве не конкретизированы основания возражения прокурора против заявленного обвиняемым ходатайства об особом порядке. Приказ Генпрокуратуры РФ от 30 июня 2021 г. № 376 лишь предписывает государственным обвинителям при даче согласия на особый порядок судебного разбирательства руководствоваться предписаниями закона об условиях применения такой формы [3].

В связи с этим интересным представляется отношение прокурора к особому порядку, регламентированному гл. 40 УПК РФ. Прокурор с целью соблюдения порядка и обеспечения прав как потерпевшего, так и обвиняемого активно принимает участие в оценке соблюдения условий особого порядка и, наряду с судом, узнает у подсудимого его отношение к содеянному (признает ли он вину), обращает внимание на его поведение как в ходе досудебного производства, так и в суде. Если, по мнению прокурора, условия не соблюдены, то он возражает против сокращенного производства и дело рассматривается в общем порядке.

В настоящее время гособвинители все чаще возражают против особого порядка, если усматривают, например, психические отклонения, не исключающие вменяемость, наличие таких заболеваний, как алкоголизм, наркомания. В данном случае есть основания полагать, что обвиняемый не осознает характер и последствия заявленного им ходатайства. Верховный Суд Российской Федерации поддерживает данную позицию [4].

Практика применения особого порядка судебного разбирательства, а также анализ допущенных в ходе него нарушений позволили органам прокуратуры сформулировать перечень обстоятельств, которые могут служить основанием для отказа в его применении.

Так, например, практика органов прокуратуры Алтайского края предусматривает запрет давать согласие на рассмотрение дела в особом порядке в следующих случаях:

- обвиняемый в ходе предварительного расследования (на любом его этапе) не признавал вину в совершении преступления;
- обвиняемый, в целом признавая вину в содеянном, не признавал отдельные моменты совершения преступления, например количество нанесенных ударов, количество похищенного, форму вины и т. д.;
- обвиняемый признавал вину в совершении преступления, но от дачи показаний отказался на основании ст. 51 Конституции РФ;

– подсудимый имеет психические расстройства и расстройства поведения, в т. ч. связанные с употреблением психоактивных веществ;

– потерпевший имеет психические расстройства;

– имеются сомнения в правильности квалификации, или есть противоречия между собранными по уголовному делу доказательствами [3, с. 19–20].

В целом положительно оценивая сложившуюся практику, стоит отметить дискуссионность отдельных обозначенных оснований. Так, в частности, отрицание причастности своей виновности в совершении преступления либо отказ от дачи показаний на первоначальном этапе расследования, полагаем, не являются препятствием для рассмотрения уголовного дела в особом порядке в случае, если обвиняемый в последующем в ходе предварительного расследования полностью признает свою вину в совершении преступления, дает показания.

Сложившаяся ситуация порождает вопрос: не нарушает ли права обвиняемого отказ прокурора по надуманным основаниям? Ведь зачастую при возражении прокурора и рассмотрении уго-

ловного дела в общем порядке результатом судебного разбирательства является обвинительный приговор в рамках предъявленного обвинения. В итоге обвиняемый лишен возможности сокращения срока наказания, освобождения от уплаты процессуальных издержек. Судебное производство при этом осуществляется в более длительные сроки, что в целом не способствует достижению назначения уголовного судопроизводства.

Отсутствие надлежащей правовой регламентации и единообразного подхода по рассматриваемой проблеме влечет неоднородную судебную практику, разные подходы к определению перечня обстоятельств, которые могут служить основанием отказа в применении особого порядка судебного разбирательства.

Решение данной проблемы, полагаем, возможно путем формирования примерного перечня таких оснований в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 № 60. Это позволит избежать произвольного толкования прокурорами оснований возражения, что будет способствовать обеспечению прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Литература

1. Голиков С. Проблемы судебного разбирательства уголовных дел в особом порядке // Законность. 2018. № 12. С. 18–20.
2. О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 20.07.2020 № 224-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]: приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 376. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 октября 2021 г. № 83-УДП21-24-К1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2024. № 2. С. 11–13.
5. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 20.08.2024).

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

А. Н. Ахпанов,

доктор юридических наук, профессор

Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан;

А. Л. Хан,

кандидат юридических наук, доцент

Академия «Bolashak» (Республика Казахстан)

В работе поднимаются актуальные вопросы, возникающие вследствие цифровизации основных направлений деятельности государственных органов Республики Казахстан и неизбежного проникновения новейших технологий в сферу уголовного судопроизводства. Авторы подвергают исследованию последствия перехода досудебного расследования в электронный формат, рассматривая позиции как российских, так и казахстанских ученых: pro et contra электронного уголовного дела, программный модуль которого (е-УД) с 2017 г. используется в досудебном производстве Казахстана. Рассматривается перспектива создания единого Кодекса о доказательствах в судопроизводстве¹.

При написании статьи использовались универсальные и юридические методы научных исследований, инструменты прикладной аналитики. Достигнутые результаты выражаются в том, что авторы формулируют собственную точку зрения на процесс цифровизации уголовного процесса, соглашаясь с мнением российских ученых о том, что любые интеллектуальные системы не в состоянии заменить живого человека, но для того, чтобы эффективно их использовать, требуются дополнительные меры по обучению сотрудников следствия и дознания новейшим цифровым технологиям.

В результате исследования авторы приходят к выводу о том, что на сегодняшний день использование цифровых технологий в досудебном расследовании возможно лишь по правонарушениям небольшой или средней тяжести, основной вид наказаний за совершение которых предусматривает штраф или иные наказания, не связанные с лишением свободы.

¹ Данная статья опубликована за счет проекта BR24992826 «Инновационные подходы обеспечения доступности правосудия населению Республики Казахстан, с использованием инструментов искусственного интеллекта» (источник финансирования — Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан).

Introduction

С 2017 г. в Республике Казахстан уголовное судопроизводство ведется в бумажном и (или) электронном форматах (ст. 42-1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее — УПК РК)).

С этого же года в рамках реализации государственной программы «Цифровой Казахстан» Генеральной прокуратурой на базе информационной системы «Единый реестр досудебных расследований» в 2017 г. был разработан модуль «Электронное уголовное дело» (е-УД), применение которого значительно упростило процесс расследования, существенно снизив нагрузку на следователей и дознавателей. Подобное положение способствовало появлению опасной тенденции, направленной на попытки замены источника доказательств его приложением. В этой связи возникла необходимость корректировки системы прав человека путем включения в нее положения о приоритете человека над искусственным интеллектом в судебных и иных системах, с одновременным определением границ возможного вторжения в его права и свободы при использовании искусственных интеллектуальных систем [4].

Methods and materials

При исследовании проблем авторы оперировали такими методами научного познания, как структурно-функциональный анализ и синтез, дедукция и индукция, аналогия закона, сравнительно-правовое исследование, перспективное моделирование, позволившими им выделить концепт, сущность, систему, наиболее значимые основания применения цифровых технологий в досудебном расследовании. Выявлению нормативных и прикладных проблем способствовали исследование материалов обобщения отечественной судебной и следственной практики, изучение специальной уголовно-процессуальной литературы, метод включенного наблюдения при

общении с правоприменителями, обращение к зарубежному опыту законодательства.

Особое внимание уделено этимологическому, герменевтическому и логическому толкованию правовых норм, регламентирующих формат судопроизводства и процедуры производства следственных действий.

Results and discussion

Оценивая роль искусственных интеллектуальных систем в различных сферах общественной жизни, Л. В. Бертовский отмечал, что наряду с традиционными формами судопроизводства в эту деятельность неуклонно проникают технологии, ключевым фактором которых выступают данные в цифровом виде, а их обработка и использование полученных результатов позволяют значительно повысить его эффективность [5]. При этом он отмечал, что основными проблемами цифрового производства, на которые следует обратить внимание при теоретических исследованиях, а в дальнейшем и в законодательстве, выступают последовательные процессы, соответствующие следующим этапам:

- получение и переработка релевантной для целей судопроизводства информации в машиночитаемую и ее накопление на едином носителе;
- техническая обработка и анализ полученных сведений в целях формирования предполагаемого решения;
- обратная трансформация машинописных сведений в человекочитаемую, оценка полученной информации и использование ее результатов.

Подобный подход, по его мнению, потребует существенного переосмысления парадигмы судебных доказательств в различных процессах с последующей их унификацией, поскольку системы искусственного интеллекта должны не только не противоречить общечеловеческим ценностям и целям, но и соответствовать им. В результате он предлагает рассмотреть вопрос о принятии Кодекса доказательств и доказывания в судопроизводствах [4].

Безусловно, предложение Л. В. Бертовского как никогда актуально, но принятие нового Кодекса — это революционная перспектива, достижение которой возможно только эволюционным путем по мере апробирования уже имеющихся цифровых технологий в судопроизводстве с учетом последовательного движения научно-технического прогресса и обеспечения органов судопроизводства соответствующими программами и техническим оборудованием, исключая возникновение дополнительных рисков, способных ограничить право граждан на доступ к правосудию.

Полагаем, что к основным условиям использования в уголовном процессе цифровых технологий (независимо от стадий) должны относиться следующие:

- процесс получения достоверных сведений должен быть обеспечен высоким уровнем информационной безопасности, исключающим риск фальсификации при собирании доказательств;
- использование интегрированных систем электронных каналов взаимодействия для всех участников уголовного судопроизводства;
- обеспечение идентификации заявителя при получении информации из электронных ресурсов об уголовно-процессуальной деятельности посредством введения дополнительных средств контроля (биометрическая идентификация);
- возможность использования охраняемых законами о государственной тайне и государственных секретах электронных каналов специальных органов и должностных лиц в целях достижения задач судопроизводства.

Помимо этого, как справедливо отмечает А. Ф. Абдулвалиев, потребуется систематическое обучение (переквалификация) сотрудников правоохранительных органов с одновременным созданием условий доступа к электронному производству для лиц, не владеющих навыками использования компьютерных технологий [1, с. 163]. Принятие и реализация устойчивой и основанной на стандартах стратегии подготовки сотрудников правоохранительных органов означает, что они должны будут проходить подготовку на должном уровне, чтобы иметь возможность идентифицировать и применять электронную информацию при доказывании, расследовании преступления, связанные с использованием современных технологий, а отдельные сотрудники — обладать навыками, способствующими расследованию киберпреступлений и проведению судебно-криминалистических экспертиз электронных доказательств [13]. Следует учитывать и тот факт, что в электронном производстве основным способом документирования в электронном документе выступает не письменность, а экранность [12, с. 112], а это имеет и обратную сторону, т. к. касается носителей информации и их амортизационного износа. «Нет ничего более эфемерного, чем долговременные носители информации. Мы все еще можем прочитать текст, напечатанный пять веков назад. Однако мы не можем посмотреть видеокассету или CD-ROM, которому всего несколько лет. Если только мы не держим в подвале старые компьютеры» [9, с. 26]. Поэтому при подготовке соответствующих кадров не обойти проблемы формирова-

ния постоянного резерва программистов при каждом правоохранительном органе, способных трансформировать информацию с любого электронного носителя на современный язык.

В этой связи значение процедурных моментов (процессуальная форма) применения информационных технологий как средства фиксации получаемой информации в досудебном расследовании существенно возрастает. Полагаем, что допустимость указанных действий и их достоверность может быть достигнута путем соблюдения участниками правил, прописанных в соответствующих инструкциях, приказах, методических и иных указаниях. В частности, должны строго соблюдаться правила производства следственных действий: установление субъекта и других участников следственного действия и их правового статуса, предупреждение о возможности санкций за отказ или недобросовестное исполнение предъявляемых требований, добровольность получения информации, сопряженная с обязательством подтверждения в ходе официального, судебного допроса, проведение в режиме реального времени и т. д. Должны быть прописаны и условия проведения таких действий: например, ограничение круга субъектов, возможность применения индивидуальных средств связи или персональных компьютеров для решения организационных или согласительных процедур (вызов, информирование, получение согласия вышестоящего или надзирающего органа и т. д.), границы применения мер информационной безопасности от несанкционированного доступа и т. д. Помимо этого, остро встает проблема отождествления полученных электронным способом документов с их бумажным оригиналом.

Полагаем, что указанные проблемы характерны для всех стран, перешедших на электронный документооборот в уголовном судопроизводстве. Не является исключением и Республика Казахстан, где с 2017 г. уголовное судопроизводство ведется в бумажном и (или) электронном форматах (ст. 42-1 УПК РК) и в рамках реализации государственной программы «Цифровой Казахстан» Генеральной прокуратурой на базе информационной системы «Единый реестр досудебных расследований» в 2017 г. был разработан модуль «Электронное уголовное дело» (е-УД) [8], анализ применения которого, а также его преимущества и недостатки были подробно рассмотрены в работах как российских, так и казахстанских ученых [3, 6, 8, 11, 14]. В частности, С. В. Зуев отмечал, что в электронном уголовном деле все удобно, компактно, мобильно и легко управляемо и оно может рассматриваться как

конечный продукт проведенного расследования. Однако применение такой тщательно разработанной программы посягает на внутреннее убеждение правоприменителя (следователя, дознавателя, судьи), а также возникает опасность стирания грани между информацией и доказательствами. Подобное положение порождает угрозу разрушения стереотипного восприятия фундаментальных основ права и может рассматриваться и как отрицательный момент, и как необходимость развития уголовно-процессуального законодательства [7].

Ранее нами уже отмечалось, что основные функции участников возникающих правоотношений неуклонно перемещаются в электронную сферу, порождая необходимость деформализации действующих процедур доказывания правонарушения (преступления) и необходимость их адаптации в цифровой (электронной) сфере, сопровождающейся заменой ряда традиционных источников доказывания принципиально новыми источниками [2]. Между тем прослеживается тенденция попытки замены письменного осмысления следователем (дознавателем) полученной информации в протоколе следственного действия скрупулезной фиксацией этого следственного действия посредством цифровых технологий (ч. 3 ст. 199 УПК РК: краткий протокол следственного действия). В результате коллективное познание заменяется индивидуальным, и это, естественно, отражается на полноте и всесторонности проводимого расследования события правонарушения. То, на что может обратить внимание следователь (дознаватель) (например, на несоответствие расположения объектов или отсутствие логической связи в рассматриваемом событии), никакой искусственный интеллект определить не в силах. Как в дегустации, где разницу между «вкусно» и «невкусно» может определить только человеческий язык, так и цифровизация судопроизводства не в силах заменить непосредственное восприятие рассматриваемого события (явления) лицом, оценивающим проведенный процесс доказывания, на основе которого он формирует свое внутреннее убеждение, позволяющее принять (вынести) справедливое, законное и обоснованное итоговое решение. Поэтому мы против тотального замещения непосредственного поиска и закрепления доказательственной информации следователем (дознавателем), прокурором, судьей с помощью искусственного интеллекта либо иных новейших цифровых технологий. Использование и применение цифровых технологий лишь способ, позволяющий беспристрастно зафиксировать рассматриваемое событие (явление), но никак не

средство его оценки, результаты которого могут быть положены в основу решения, посягающего на конституционные права и свободы любой личности.

Theoretical conclusions

Информация, полученная посредством применения цифровых технологий (при должном соблюдении предусмотренной процессуальной формы), должна применяться не вместо, а наряду с процессом доказывания и может быть использована как безусловное доказательство только при расследовании и судебном рассмотрении очевидных правонарушений небольшой или средней тяжести, санкция за совершение которых предусматривает штраф в качестве основного наказания либо иные меры, не связанные с лишением свободы.

Гарантией достоверности зафиксированных подобным способом доказательств должна выступать обязательность последующих экспертных исследований по ходатайству заинтересованной стороны. Полученный результат должен быть окончательным и не подлежащим обжалованию.

По остальным категориям правонарушений упрощенные процедуры обнаружения и собирания доказательственной информации при помощи цифровых технологий должны носить обеспечивающий (предварительный) характер, влекущий обязательность непосредственного и устного подтверждения достоверности зафиксированных (полученных) сведений соответствующим лицом (лицами) в ходе досудебного или судебного разбирательства.

Литература

1. Абдулвалиев А. Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Юридические исследования. 2013. № 5.
2. Ахпанов А. Н. Звуко-, видеозапись как приложение к протоколу следственного действия // Вестник академии правосудия. 2023. № 4. С. 41–47.
3. Беляева И. М., Кусаинова А. К., Нургалиев Б. М. Проблемы внедрения электронного формата уголовного расследования в Республике Казахстан // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. «Право». 2018. Т. 18, № 2. С. 7–12.
4. Бертовский Л. В. Высокотехнологическое право: точка бифуркации // Высокотехнологическое право: точка бифуркации: мат-лы V Междунар. научно-практ. конф-ции (Москва, 16 февраля 2024 г.). Т. 1. М., 2024. С. 3–15.
5. Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–230.
6. Задорожная В. А. Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // Правопорядок: история, теория и практика. 2018. № 4 (19). С. 70–75.
7. Зуев С. В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория и практика. 2018. № 4 (19). С. 6–12.
8. Зуев С. В. Электронно-технические средства уголовно-процессуального доказывания // Правопорядок: история, теория и практика. 2016. № 24 (11). С. 51–53.
9. Карьер Ж.-К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг! Интервью Ж.-Ф. де Тоннака / пер. с фр. и примеч. О. Акимовой. СПб.: Симпозиум, 2010.
10. Об утверждении Инструкции о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате: приказ Генерального прокурора Республики Казахстан от 3 января 2018 г. № 2. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 23 января 2018 г. № 16268. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1800016268> (дата обращения: 24.05.2024).
11. Петкевич Т. В. Электронное уголовное дело в решении вопроса о соблюдении разумных сроков предварительного расследования // Крымский научный вестник. 2019. № 1 (22). С. 65–68.
12. Степанов О. А., Тюрина Е. Н. Электронный документ как объект правоотношений в деятельности органов внутренних дел // Теоретические, организационные, учебно-методические и правовые проблемы информатизации и информационной безопасности: мат-лы научно-практ. конф-ции. М., 2011.
13. Стратегия обучения сотрудников правоохранительных органов. Выдержки из докладов стран Восточного партнерства (Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина). URL: http://www.coe.int/t/dghl/cooperation/economiccrime/cybercrime/cy_project_eap/Chisinau_International_Conference_Nov2014/EAP_Chisinau_WS.asp (дата обращения: 01.06.2024).
14. Шульгин Е. П. К вопросу о деятельности органов досудебного расследования МВД Республики Казахстан, осуществляющих производство в электронном формате // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 1 (43). С. 34–36.

ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ «НОВОГО ЛИЦА» — ОШИБКА ЗАКОНОДАТЕЛЯ, КОТОРУЮ ПРЕВРАЩАЮТ В СУЩЕСТВЕННОЕ НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА

А. А. Бондаренко,

кандидат юридических наук

Омская академия МВД России

Опираясь на решение Верховного Суда Российской Федерации (определение от 16 августа 2023 г. по делу № 45-УД23-27-К7), в научной литературе актуализирован вопрос об обязательности / необязательности возбуждения нового уголовного дела при установлении в ходе предварительного расследования новых соучастников преступления или новых лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых [1, с. 65–71; 2, с. 89–93].

В основе представленного решения довольно часто встречающаяся в правоприменительной практике ситуация: органами предварительного расследования возбуждено уголовное дело в отношении гражданина Т. по факту совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ. При этом действия Т. были сформулированы таким образом, как будто он действовал единолично. В процессе дознания было установлено, что преступление совершено совместно с У., что нашло отражение в постановлении о переквалификации действий Т. С этого же решения начато официальное уголовное преследование У. Впоследствии Т. и У. осуждены за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью потерпевшему Р., совершенное группой лиц (п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ).

Рассматривая жалобы заинтересованных лиц по представленному делу, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что уголовное дело в отношении У. не возбуждалось, а его уголовное преследование признано не отвечающим требованиям уголовно-процессуального закона. Со ссылкой на правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (определения от 18 июля 2006 г. № 343-О, от 21 декабря 2006 г. № 533-О и др.) указано следующее: стадия возбуждения уголовного дела является обязательной; согласно положениям ст. 146 УПК РФ уголовное дело воз-

буждается как по факту совершения преступления, так и в отношении конкретного лица; в случае указания в мотивировочной части постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица (в данном случае — гражданина Т.) оснований считать, что дело возбуждалось по факту преступления, не имеется.

По понятным причинам представленное решение поддерживается в адвокатском сообществе, однако, несмотря на использование в обосновании правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, считаем его спорным по следующим причинам:

1. Используемые в обосновании правовые позиции органа конституционного контроля посвящены ситуациям, когда в ходе предварительного расследования устанавливаются признаки нового преступления: возбуждать новое уголовное дело по признакам конкретного преступления или нет, являются ли они самостоятельными с точки зрения уголовного закона или представляют собой составную часть единого сложного преступного деяния (длящегося, продолжаемого, составное и т. д.). Другими словами, обязано ли в конкретной ситуации должностное лицо создать новую оболочку в виде уголовного дела, в рамках которого можно будет реализовывать персонифицированное уголовное преследование установленных лиц? О том, что в отношении каждого лица, привлекаемого впоследствии в качестве обвиняемого, должен быть вынесен акт о возбуждении уголовного дела, Конституционный Суд Российской Федерации не просто не высказывался, перед ним и вопросов таких не ставили.

2. Положения ст. 146 УПК РФ не имеют в своем содержании противопоставления решений «о возбуждении уголовного дела по факту совершения преступления» и «о возбуждении уголовного дела в отношении лица». Как отмеча-

ет К. В. Муравьев, законодатель действительно использует формулировки «возбуждение уголовного дела в отношении лица» (ст. 46, 154, 448 УПК РФ и др.) и «по факту совершения преступления (деяния)» (ст. 223.1, 448 УПК РФ и др.) в качестве антонимов, однако, согласимся с ученым, это является некорректным, поскольку любое возбуждение дела в отношении лица является разновидностью начала расследования «по факту совершения преступления» [3, с. 106–112].

Анализ и иных нормативных положений подтверждает представленный вывод. Например, (1) в ч. 1 ст. 448 УПК РФ указано, что при наличии уже возбужденного уголовного дела лица, перечисленные в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, привлекаются к производству по уголовному делу путем их привлечения в качестве обвиняемых, а не новым актом о возбуждении персонального уголовного дела; (2) в 2018 г. возможности подозреваемого дополнены правом на получение копии постановления о возбуждении уголовного дела [5] (п. 4 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), что требует от следователя вручать уголовно преследуемому лицу копии соответствующего решения, вынесенного в т. ч. в отношении *иных лиц* [4, с. 78–82]; (3) в 2007 г. уголовно-процессуальное законодательство дополнено новым способом начала персонального уголовного преследования — уведомление о подозрении (ст. 223¹ УПК РФ), что вряд ли было бы целесообразным при наличии императивного требования о возбуждении уголовного дела в отношении каждого нового лица-соучастника.

3. Особенностью появления в уголовном процессе подозреваемого является то, что вынесение отдельного постановления о его признании таковым не предусмотрено. Другими словами, уголовное преследование подозреваемого начинается постольку, поскольку принято одно из решений, указанных в п. 1–3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ (например, если принято решение о применении меры принуждения в целях недопущения уклонения от органов расследования либо возбуждено уголовное дело, то лицо считается подозреваемым) [5, с. 107–111]. Как видим, начало официального уголовного преследования не является неотделимой частью постановления о возбуждении уголовного дела, это лишь одно из решений,

которое может выступить соответствующей процессуальной оболочкой¹.

Таким образом, возбуждение уголовного дела в отношении лица — это правовой акт, выражающийся в *последовательном* вынесении уполномоченным должностным лицом решений о возбуждении дела по факту совершения преступления и признании определенного лица подозреваемым в связи с установлением достаточных доказательств, указывающих на совершение этим лицом деяния, запрещенного уголовным законом [3, с. 106–112].

На наш взгляд, дефиниция вполне понятная и имеющая потенциал устранить имеющееся противоречие правоприменительной практики. Мешает этому, как нам представляется, возросшая роль акта о возбуждении уголовного дела как обязательного начального момента уголовного преследования, а также откровенная ошибочность отдельных положений закона.

Так, в части 3 ст. 154 УПК РФ указано: «...Если уголовное дело выделено в отдельное производство для производства предварительного расследования нового преступления или в отношении *нового лица* (выделено нами. — Б. А.), то в постановлении должно содержаться решение о возбуждении уголовного дела...». Можно ли выделить уголовное преследование в отношении лица без уголовного преследования по преступлению? Ответ на данный вопрос может быть только отрицательным. Если *новое лицо* имеет отношение к новому преступлению, то будет разрешаться вопрос о возбуждении *нового дела*, а если *новое лицо* является участником преступления, по которому уголовное дело уже возбуждалось, то выносить такое же решение заново выглядит нецелесообразным и не отвечающим требованиям уголовно-процессуального законодательства.

¹ В таком же качестве постановление о возбуждении уголовного дела выступает для решений следователя о принятии дела к своему производству, о направлении уголовного дела руководителю следственного органа для направления по подследственности, о создании следственной группы.

Литература

1. Азаренок Н. В. Реализация права подозреваемого на получение копии постановления о возбуждении уголовного дела: анализ новеллы // Уголовное право. 2019. № 1.
2. Булатов Б. Б., Кальницкий В. В. Привлечение лица к уголовному преследованию в качестве подозреваемого // Уголовное право. 2010. № 2.
3. Мельчаев А. А. Нарушения при возбуждении уголовного дела. Что проверить защитнику // Уголовный процесс. 2024. № 4.
4. Муравьев К. В. Сущность процессуального акта о возбуждении уголовного дела в отношении лица // Уголовное право. 2013. № 1.
5. Паспорт проекта федерального закона № 976899-6 «О внесении изменения в статью 46 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об уточнении права подозреваемого получать копию постановления о возбуждении уголовного дела)» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Чупилкин Ю. Б. Постановление о возбуждении дела: когда указывать подозреваемого и как оформить новые эпизоды // Уголовный процесс. 2024. № 1.

ПОЯВЛЕНИЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СОДЕРЖАНИЯ КАТЕГОРИИ «УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ»

М. М. Бондарь

Волгоградская академия МВД России

Термин «уголовное преследование» в действующем Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержится в п. 55 ст. 5 и определен как деятельность стороны обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления. Как видится, такое определение понятия «уголовное преследование» представляется недостаточным для понимания его сущности и содержания, а также порождает неопределенность в вопросах начала и окончания уголовного преследования и соотношения понятий «уголовное преследование» и «обвинение».

В рассматриваемом контексте интересным представляется комментарий к уголовно-процессуальному закону Д. Н. Козака и Е. Б. Мизулиной [5, с. 27], которые указали, что понятие «уголовное преследование» в кодексе используется как идентичное понятию «функция обвинения». В то же время они указали, что уголовное преследование включает в себя процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в ходе досудебного производства, и процессуальную деятельность по поддержанию обвинения в ходе судебного производства по уголовному делу. При этом авторами отмечается, что понятие «изобличение подозреваемого, обвиняемого» означает доказывание виновности,

обвинение уликами, доказательствами обвинительного свойства.

История употребления категории «уголовное преследование» в российской законодательной лексике весьма богата, однако прямому введению в текст нормативных актов данного термина предшествовал период описания иными словами той самой деятельности, которую мы в современных условиях ассоциируем с уголовным преследованием.

Так, следует согласиться с Р. В. Мазюком, который провел специальное историческое исследование данного вопроса [6, с. 8] и выяснил, что уже Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. содержал терминологию, которая отражает сущность уголовного преследования [1].

В Своде законов Российской империи («Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках» (Книга вторая)) [8] уголовное преследование как самостоятельный термин не регламентировано, однако описывается деятельность, именуемая сегодня как уголовное преследование: *уголовный иск*, основания для вовлечения личности в уголовный процесс в случае ее подозрения. Обращает на себя внимание такое выражение, как «подвергнуть его уголовному следствию», что соотносимо с со-

временным понятием «подвергнуть его уголовному преследованию».

Необходимо отметить, что еще до принятия Устава уголовного судопроизводства (далее — УУС) [9] в работах Я. И. Баршева [2] освещались вопросы уголовного преследования. Кроме того, рассматриваемые вопросы нашли свое отражение в работах П. И. Дегая, чему автор посвятил отдельный параграф, именуемый «О лицах, на коих возложено преследование и исследование преступлений» и осуществил «различие между частным обвинением и преследованием по должности, *ex officio*» [3, с. 47].

В УУС, где регулярно употреблялся термин «преследование», на фоне реформы органов предварительного расследования и раскрывается правовая природа уголовно-процессуальной деятельности следователя в контексте современного понимания уголовного преследования [7, 10].

Видится, что в УУС выделялось, наряду с нейтральным названием «уголовное преследование»¹, еще и преследование судебное, подразумевающее действия суда по преданию обвиняемых суду, разрешению уголовных дел, а также процессуальную деятельность публичных субъектов (прокуроров, товарищей прокуроров — ст. 5 УУС) в связи с изобличением обвиняемого (подозреваемого).

Исследуя употребление термина «уголовное преследование» в УУС, стоит отметить, что в зависимости от инициатора выделялось прокурорское и частное преследование. Данные обстоятельства могут свидетельствовать о достаточно высоком уровне теоретического обоснования видов уголовного преследования в юридической литературе и отражении в нормах УУС.

Исследования относительно понятия «уголовное преследование», которые отражены

в работе И. Я. Фойницкого «Курс уголовного судопроизводства», дают возможность сделать вывод о том, что автор считал синонимами такие понятия, как преследование, обвинение и уголовный иск. При этом уголовное преследование включает в себя обвинение, предъявление обвинения суду и принятие такого обвинения судом. Однако автором проводится четкое разграничение возбуждения преследования и начала дела в судебном порядке, а также деление обвинения на первоначальное и окончательное (на возбуждение уголовного преследования и обличение перед судом) [11, с. 2–10].

М. В. Духовской ассоциировал поводы для возбуждения уголовного преследования с «законными поводами к начатию предварительного следствия», не разделял эти понятия. Рассуждая «о приостановке обвинения», автор говорил о приостановлении расследования [4, с. 167–174].

Таким образом, можно констатировать, что в рассмотренных работах российских авторов периода Российской империи заложена прочная теоретическая основа для включения в уголовно-процессуальное законодательство категории «уголовное преследование». Кроме того, данные работы послужили базисом для дальнейшего изучения различных форм проявления правоприменительной деятельности в рамках уголовного преследования. Перспективы, обозначенные в изученных источниках, явились ориентиром не только для создания нормативных основ уголовного преследования при принятии нормативных правовых актов, регулирующих уголовно-процессуальную деятельность в советский и постсоветский периоды, но и для теоретической разработки категории «уголовное преследование».

¹ По мнению Р. В. Мазюка, «термин “уголовное преследование” являлся более узким по значению, чем термин “судебное преследование”, и включал в себя только предъявление и поддержание обвинения в суде» [6, с. 28].

Литература

1. Артикул воинский. Утвержденный царем Петром I 26 апреля 1715 г. // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М.: Юрид. лит., 1986. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 30.08.2023).
2. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841. 297 с.
3. Дегай П. И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. СПб., 1847. 335 с.
4. Духовской М. В. Русский уголовный процесс: издание для студентов. М., 1910. 448 с.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д. Н. Козак, Е. Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. Юристь, 2004. 302 с.
6. Мазюк Р. В. Возникновение, становление и развитие понятия «уголовное преследование» в российском уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. 79 с.
7. Наказ судебным следователям от 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). Т. 35. 1860. С. 716. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 01.09.2023).
8. Свод законов Российской империи. Том пятнадцатый. Законы уголовные. СПб., 1857. 964 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book7372/388232/> (дата обращения: 01.09.2023).
9. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения 13.02.2015).
10. Учреждение судебных следователей: именным указ, данный Правительствующему Сенату 8 июня 1860 г. // Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881). Т. 35. 1860. С. 713. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 01.09.2023).
11. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. 3-е изд. Т. 2. СПб., 1910. 573 с.

ДЕТАЛИЗАЦИЯ И КОНКРЕТИЗАЦИЯ НЕКОТОРЫХ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ПОСТАНОВЛЕНИЯХ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Р. Р. Валюлин

Барнаульский юридический институт МВД России

Очевидно, что институт принуждения регулируется нормами кодифицированного акта — УПК РФ. Однако несколько норм в данной сфере носят бланкетный характер и получают нормативную поддержку со стороны подзаконных актов — постановлений Правительства Российской Федерации.

Так, Правительством РФ 18 апреля 2013 г. принято постановление № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог». Оно включает собственно перечень технических средств контроля, а также правила их применения.

В научной литературе им неоднократно уделялось внимание [6, с. 106; 7, с. 89]. Подчеркивалось, что без применения электронного мониторинга надзор превращается в нечто вялотекущее, сугубо формальное явление [4, с. 1], в принципе не имеющее никакого смысла [5, с. 175].

Анализ рассматриваемого подзаконного акта позволяет сделать вывод, что его нормы направлены на уточнение и конкретизацию положений УПК РФ в части регламентации контроля за исполнением домашнего ареста или запрета определенных действий при назначении домашнего ареста или залога путем регламентации применения технических и иных средств контроля.

В целом анализ постановления Правительства РФ № 134 в ряде случаев позволяет сделать вывод, что его нормы не только конкретизируют предписания федерального закона (в данном случае — УПК РФ), но и в некоторых случаях фактически устанавливают особые правила осу-

ществления процессуальных действий и принятия решений соответствующими субъектами.

Еще одной мерой уголовно-процессуального принуждения, которая реализуется в правовом поле, включающем постановления Правительства РФ, является залог.

Часть 3 ст. 106 УПК РФ представляет собой бланкетную норму, отсылающую к подзаконному акту, принимаемому на уровне Правительства РФ. Данное предписание уголовно-процессуального закона реализовано в постановлении Правительства РФ от 13 июля 2011 г. № 569 «Об утверждении положения об оценке, содержании предмета залога по уголовному делу, управлении им и обеспечении его сохранности».

В рассматриваемом подзаконном акте регулируются многие вопросы, связанные с производством оценки специализированными оценщиками с соответствующим оформлением результатов в виде отчета, что исключает вариант приобщения к уголовному делу недопустимого доказательства. Кроме этого, подзаконный акт устанавливает конкретные сроки проведения отдельных действий, связанных с оценкой, содержанием, управлением и сохранением предмета залога по уголовному делу [3, с. 345].

Таким образом, соблюдение установленного подзаконным актом порядка действий, связанных залогом, влияет на возникновение, изменение и прекращение уголовно-процессуальных отношений.

Самой строгой мерой пресечения в уголовном процессе является заключение под стражу (ст. 109 УПК РФ). В соответствии с ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ данная мера пресечения может быть изменена на более мягкую в случае выявления у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелого заболевания, которое препятствует его содержанию под стражей. Заболевание должно быть удостоверено медицинским заключением, выносимым по результатам медицинского освидетельствования.

Уголовно-процессуальным законом предусмотрено утверждение постановлением Правительства РФ перечня тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, порядка их медицинского освидетельствования и формы медицинского заключения.

Правительством РФ в постановлении от 14 января 2011 г. № 3 «О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в со-

вершении преступлений», принятом в соответствии со ст. 110 УПК РФ, перечисленные документы были утверждены.

Перечень и форма медицинского заключения не содержат положений, относящихся к уголовно-процессуальному праву. Порядок медицинского освидетельствования изложен в Правилах медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений. Они регламентируют основания производства медицинского освидетельствования; возможные решения, принимаемые по рассматриваемому заявлению (ходатайству); сроки рассмотрения заявления (ходатайства), сроки направления подозреваемого (обвиняемого) на медицинское освидетельствование после принятия соответствующего решения и сроки производства самого освидетельствования; уведомление о принятии соответствующих решений. Их отдельные положения можно охарактеризовать как близкие к уголовно-процессуальным [2, с. 84].

Таким образом, исследование правовой природы положений некоторых постановлений Правительства РФ кроме научного, теоретического значения имеет и практический смысл. В зависимости от того, как она будет определяться, могут быть решены, например, прикладные проблемы: каким должен быть порядок обжалования отказа в направлении на медицинское освидетельствование — в уголовном, гражданском или административном судопроизводстве. На страницах литературы указывается, что суды придают таким решениям техническое значение, что не совсем правильно.

Понятие уголовного преследования не может трактоваться слишком узко, оно также охватывает действия и решения должностных лиц, формально не являющиеся процессуальными (предусмотренными УПК РФ), но нарушающие конституционные права и требующие судебной защиты еще во время досудебного производства [1, с. 63].

Также возникает вопрос о необходимости уведомления об обжаловании отказа в направлении на медицинское освидетельствование следователя. По нашему мнению, уведомление следователя необходимо. Обжалование может повлечь отмену или изменение меры пресечения. Это не должно стать для следователя неожиданностью, т. к. возникнет необходимость избрания им иной меры пресечения.

Литература

1. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Медицинское освидетельствование обвиняемого для установления заболевания, препятствующего содержанию его под стражей // *Законы России*. 2020. № 7. С. 63–69.
2. Валюлин Р. Р. Влияние постановления Правительства РФ на решение вопроса о содержании под стражей подозреваемого, обвиняемого в порядке ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ // *Преемственность и новации в юридической науке: мат-лы Всерос. научной конф-ции адъюнктов, аспирантов и соискателей / отв. за выпуск И. В. Сидорова*. Омск, 2021. С. 83–85.
3. Валюлин Р. Р. Об оценке предмета залога, его содержании, управлении им и обеспечении его сохранности в порядке ст. 106 УПК РФ // *Евразийский юридический журнал*. 2022. № 10. С. 345–347.
4. Головкин Л. В. Альтернатива лишению свободы — очередная химера? // *ЭЖ-Юрист*. 2010. № 3. С. 1 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Непомнящая Т. В. Проблемы назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы // *Вестник Омского университета*. Сер. «Право». 2010. № 3. С. 175–178.
6. Романова С. В. Практика применения электронных браслетов: история и современность // *Концепт*. 2015. № 2. С. 106–110.
7. Шапошников С. Г. Об эффективности полицейского электронного слежения: мировой опыт и возможность применения в отношении поднадзорных лиц в Российской Федерации // *Академическая мысль*. 2021. № 3. С. 89–91.

К ВОПРОСУ О РАСШИРЕНИИ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Е. В. Василькова

Барнаульский юридический институт МВД России

Рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей представляет собой один из наиболее дискуссионных и противоречивых вопросов, в настоящее время исследуемых в науке уголовно-процессуального права. Несмотря на то, что впервые суд присяжных появился в Российской империи в 1864 г., научные споры о целесообразности его наличия или чуждости самого его существа концептуальным основам отечественного уголовного судопроизводства не утихают и в настоящее время. С новой силой дискуссии о целесообразности расширения практики применения исследуемого института стали вестись после вступления в силу с 01.06.2018 изменений в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее — УПК РФ), обусловивших расширение практики применения суда с участием присяжных заседателей [4].

Анализ статистических сведений о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции, предоставленных Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, свидетельствует о стабильно высоком числе ходатайств о рассмотрении уголовных дел с участием присяжных за-

седателей: в 2022 г. их количество (по числу лиц) составило 1051 (из них отозвано 115, отклонено — 28, не рассматривалось в связи с возвращением уголовного дела прокурору или прекращением производства по делу на предварительном слушании — 25), в то время как за 2023 г. подано 917 (по числу лиц) ходатайств аналогичного содержания (из которых отозвано — 138, отклонено — 51, не рассматривалось в силу приведенных выше причин — 40) [2].

Сейчас уголовно-процессуальный закон предусматривает два варианта рассмотрения уголовных дел с присяжными: коллегией из восьми (по уголовным делам о преступлениях, закрепленных в двадцати статьях Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) — п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ) или шести человек (по уголовным делам о противоправных деяниях, предусмотренных в девяти статьях УК РФ — п. 2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ), когда преступление совершено лицом, достигшим возраста восемнадцати лет (по общему правилу) [5]. При этом по ходатайству обвиняемого к производству с участием присяжных заседателей возможно прибегнуть лишь при рассмотрении уголовного дела по первой инстанции: в апелляционном

или кассационном производстве такая возможность отсутствует (закон в данном случае указывает на необходимость участия в рассмотрении суда в составе трех судей) [5]. Фактически, даже принимая во внимание попытки законодателя расширить практику применения института присяжных заседателей, в настоящее время число составов, по которым присутствует реальная возможность для этого, остается невысоким.

С учетом того, что уголовно-процессуальные законы иностранных государств (например, Федеративной Республики Германия, Французской Республики и др.) свидетельствуют о куда большей вариативности применения исследуемого правового института [1, 3], целесообразным видится дальнейшее совершенствование отечественного законодательства в приведенном направлении.

В частности, считаем разумным осуществить привязку возможности по ходатайству обвиняемого прибегнуть к рассмотрению уголовного дела с участием присяжных заседателей не к конкретному, закрепленному законом перечню статей УК РФ, а к такой совокупности факторов, как тяжесть совершенного деяния и отношение лица к предъявленному обвинению, допуская, таким образом, применение рассматриваемого института к категории тяжких и особо тяжких преступлений при непризнании обвиняемым вины.

Указанное законодательное изменение, с одной стороны, будет способствовать более полной реализации закрепленных в ст. 46–49 Конституции Российской Федерации принципов правосудия, а с другой — позволит (с учетом заявленного законодателем вектора расширения практики применения рассматриваемого правового института) большему числу лиц прибегнуть к возможности участия в рассмотрении уголовного дела о совершении ими преступления присяжных заседателей.

Отметим, однако, что в данном исследовании приведен лишь один, точечный вариант совершенствования комплекса норм, посвященных участию присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве. Широкий перечень иных вопросов, требующих как методического, так и законодательного разрешения (к примеру, проблемные аспекты формирования списков кандидатов в присяжные заседатели, отсутствие связующего звена между судьей и непрофессиональными участниками судопроизводства, необходимость повышения уровня правосознания последних, поиск оптимальных вариантов решения бытовых и иных организационных вопросов, возникающих ввиду участия лица в рассмотрении уголовного дела в качестве присяжного заседателя и т. д.), надлежит изучить в ходе дальнейших научных изысканий.

Литература

1. Бандурина Д. А. Процесс становления и развития суда присяжных заседателей в России и Франции: историко-сравнительный анализ // Эволюция российского права: мат-лы XIX Междунар. научной конф-ции молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 2021. С. 120–125.
2. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 19.05.2024).
3. Леонкина А. А. Суд присяжных в федеративных странах (на примере США, Германии, России) // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5, № 2 (18). С. 116–125.
4. О внесении изменений в статьи 30 и 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статью 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей»: федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2017 № 467-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. I). Ст. 51.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2024) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. Ст. 1.

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ СУДОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА О ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ О ПРОДЛЕНИИ СРОКА СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ

С. В. Власова,

кандидат юридических наук, доцент

Нижегородская академия МВД России

При продлении срока содержания под стражей в уголовном процессе важно сбалансировать интересы государства, потерпевших лиц и обвиняемых [7, с. 47–49]. Государство стремится обеспечить справедливость, защитить общественную безопасность и предотвратить совершение новых преступлений, в свою очередь, лица, потерпевшие от преступлений, ожидают справедливого рассмотрения дела, возмещения ущерба и защиты своих прав. При принятии решения о продлении срока содержания под стражей суд должен учитывать все стороны дела. Суд при рассмотрении запроса о продлении содержания под стражей должен учитывать все обстоятельства дела, включая характер преступления, доказательства вины обвиняемого, риск совершения новых преступлений, наличие угрозы для общественной безопасности и возможность влияния на свидетелей. Важно соблюдать принцип пропорциональности и необходимости, чтобы избежать необоснованного ограничения свободы личности. Интересы государства, интересы потерпевших лиц при продлении срока содержания под стражей ставятся в приоритет.

Согласно п. 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» судам после поступления жалобы и (или) представления на постановление судьи о продлении срока действия мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или запрета определенных действий необходимо незамедлительно направлять соответствующие материалы для апелляционного рассмотрения.

Имели место случаи, когда суд первой инстанции не соблюдал указанные требования. Так, поступившая 07.11.2022 в Самарский областной суд жалоба на постановление указанного суда от 31.10.2022 о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемого Г.М.С. вместе с приложенными к ней материалами была

направлена в апелляционный суд только 21.11.2022 [1].

Поступившая 29.08.2022 в Самарский областной суд жалоба на постановление указанного суда от 24.08.2022 о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемого У.Р.П. вместе с приложенными к ней материалами была направлена в апелляционный суд только 22.09.2022 [2].

Поступившая 05.12.2022 в Нижегородский областной суд жалоба на постановление указанного суда от 30.11.2022 о продлении срока содержания под стражей в отношении обвиняемого Б.З.А. вместе с приложенными к ней материалами была направлена в апелляционный суд только 20.12.2022 [3].

Судья, принимая решение по первой инстанции о продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, всегда обращает внимание на категорию преступления. Одна лишь тяжесть совершенного преступления не может являться основанием для продления срока содержания под стражей, и адвокаты на это неоднократно указывают в своих апелляционных жалобах. Так, к примеру, защитник в своей апелляционной жалобе указывает, что согласно ч. 3 ст. 109 УПК РФ срок содержания под стражей свыше 12 месяцев может быть продлен лишь в исключительных случаях в отношении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Однако суд первой инстанции, принимая решение о продлении срока содержания под стражей Б.О.Б. на срок свыше 12 месяцев — на 12 месяцев 22 суток, не указал, в чем именно заключается исключительность случая продления указанного срока, отсутствуют ссылки на конкретные, фактические обстоятельства. В обжалуемом акте не указано, в чем конкретно и определенно выразилась особая сложность уголовного дела, как того требует ч. 2 ст. 109 УПК РФ, отсутствуют указания в конкретных цифрах, отсутствует указание на объем уголовного дела, в чем именно выразилась объемность уголовного дела, которая повлияла на необходимость продления меры пресечения. Судом пер-

вой инстанции оставлена без проверки и оценки в судебном решении обоснованность причастности лица к вмененному преступлению, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, а именно ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Не указано, какие потерпевшие, свидетели с указанием фамилии, имени и отчества, какие заключения экспертов и т. д. обосновывают причастность лица к инкриминируемому деянию, оценки этому в судебном решении не дано [4].

В соответствии с ч. 8 ст. 109 УПК РФ судья принимает решение по ходатайству следователя на основании оценки приведенных в нем мотивов, а также с учетом правовой и фактической сложности материалов уголовного дела, общей продолжительности досудебного производства, эффективности действий должностных лиц органов предварительного расследования и своевременности производства следственных и иных процессуальных действий.

Безусловно, судья при принятии решения о продлении срока содержания под стражей обращает внимание на тяжесть совершенного преступления, на сложность уголовного дела, т. е. количество томов, количество лиц, привлеченных в качестве обвиняемого, особенности уголовного дела, какие следственные действия необходимо провести. Судья изучает данные о личности обвиняемого, т. к. это является обязательным условием, которое должно быть выполнено судом при решении вопроса о продлении срока содержания под стражей. Судом также проверяется обоснованность подозрения лица в совершении указанного преступления. Так, по уголовному делу по обвинению В.Д. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 210, ч. 4 ст. 159 УК РФ, суд указал, что обоснованность подозрения В.Д. в причастности к инкриминируемым преступлениям подтверждена копиями представленных материалов уголовного дела. Кроме того, суд также верно указал, что вопросы доказанности вины не являются предметом проверки в настоящем судебном заседа-

нии, т. к. подлежат проверке судом при рассмотрении уголовного дела по существу [5]. С учетом взаимосвязанных положений п. 2 и 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 наличие обоснованного подозрения в совершении лицом преступления является необходимым условием законности содержания лица под стражей, что должно быть подтверждено конкретными сведениями, получившими оценку в судебном решении. Еще один пример, согласно которому апелляционным постановлением изменено постановление Верховного суда Республики Мордовия от 8 февраля 2023 г. в отношении обвиняемых А.Г.Г., П.В.В. и Х.М.В., с сокращением срока их содержания под стражей с трех до двух месяцев, поскольку вывод суда первой инстанции о том, что для завершения процедуры ознакомления обвиняемых и их защитников с материалами уголовного дела объемом 14 томов необходимо продлить срок содержания под стражей на 3 месяца, не основан на правовой и фактической сложности уголовного дела и сделан без учета эффективности действий следователя по своевременному ознакомлению обвиняемых с его материалами [6].

Хотя иногда суды ошибочно указывают в своих решениях данные о том, что виновность лица подтверждается такими-то доказательствами, т. е. как бы уже предрешая судьбу обвиняемого по уголовному делу, это является явным нарушением, ввиду того что вопросы доказанности вины не являются предметом проверки в судебном заседании при разрешении вопроса о продлении срока содержания под стражей.

Вместе с тем иногда проверка судом обоснованности подозрения в причастности лица к инкриминируемому деянию сводится к формальной ссылке суда на подтверждение указанной причастности представленными суду материалами, которые в отдельных случаях не оглашались в ходе заседаний судов как первой, так и апелляционной инстанций.

Литература

1. Материал апелляционного производства № 55к-652/2022 // Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции, 2022.
2. Материал апелляционного производства № 55к-554/2022 // Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции, 2022.
3. Материал апелляционного производства № 55к-709/2022 // Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции, 2022.
4. Материал апелляционного производства № 55К-504/2023 // Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции, 2023.
5. Материал апелляционного производства № 55К-671/2022 // Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции, 2022.

6. Материал апелляционного производства № 55к-128/2023 // Четвертый апелляционный суд общей юрисдикции, 2023.

7. Фетищева Л. М. Анализ практики применения мер уголовно-процессуального пресечения в отношении лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 3 (78). С. 47–49.

ПРОТИВОРЕЧИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ, ИСПОЛНЯЮЩИХ ОБЯЗАННОСТИ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

А. Е. Вытовтов,

кандидат юридических наук

Восточно-Сибирский институт МВД России

Вопросы о проблемах, возникающих при использовании оперативных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации в качестве органа дознания, на страницах научной литературы поднимались неоднократно [2, 4, 5, 7].

Но, несмотря на достаточно частое озвучивание имеющихся правовых коллизий в рассматриваемой сфере, законодатель не стремится исправлять положение органа дознания в части уточнения понимания тех подразделений органов внутренних дел, сотрудники которых могут исполнять функции дознавателя в конкретно сложившейся ситуации. В рамках частных бесед выпускники нашего института 3–4-годичной давности нередко возмущаются: «Нас учили тактике, стратегии оперативно-розыскной деятельности, применению негласных методов борьбы с преступностью с лихо закрученным сюжетом, а фактически мы занимаемся рассмотрением заявлений и обращений, а это довольно-таки скучно...».

Как известно, дознание, существовавшее в дореволюционный период, по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. являлось службой, лица которой участвовали в производстве предварительного следствия, оказывая содействие судебным следователям [8, с. 34]. Так, функции полицейского дознания заключались в принятии мер для предотвращения уничтожения следов преступления; при сомнении в наличии признаков преступления необходимо было выяснить, что случилось, и установить наличие признаков преступления или проступка; в случае обнаружения совершившегося преступного деяния, а также до прибытия на место происшествия судебного следователя и имеющейся угрозы уничтожения следов преступления полиция заменяла судебного следователя во всех след-

ственных действиях, не терпящих отлагательств, и т. д. [8, с. 34–35]. В этих частично указанных элементах деятельности служащих полиции позапрошлого века достаточно отчетливо видна историческая связь с деятельностью современных исполняющих обязанности дознавателя должностных лиц — сотрудников оперативных подразделений, т. к. последние, согласно уголовно-процессуальному законодательству России, относятся к органам дознания. На это неоднократно обращает внимание и С. Б. Россинский, в частности, он отмечает, что обстоятельства, сопутствовавшие развитию советской и постсоветской государственности, позволили сформировать уникальную модель досудебного производства, понимая под этим передачу классических судебно-следственных полномочий в ведение исполнительно-распорядительных органов, в первую очередь силовых министерств и ведомств полицейского типа, что является частичной интеграцией функции полиции и юстиции. При этом Сергей Борисович констатирует, что полицейская природа более всего проявляется в производстве органом дознания неотложных следственных действий и выполнении отдельных поручений следователя, подчеркивая, что данные полномочия отнесены уголовно-процессуальным законодательством не к дознавателю, а к компетенции органа дознания как коллективного участника уголовно-процессуальной деятельности [3, с. 180–181].

Хочется поделиться имеющимся опытом практической деятельности. В середине 2000-х гг. автор этих строк являлся сотрудником оперативного подразделения и в ходе рассмотрения заявления об экономическом преступлении принял решение о возбуждении уголовного дела самостоятельно, как орган дознания. Подготовив постановление о возбуждении уголовного дела

и постановление о передаче по подследственности, подписав их как временно исполняющий обязанности дознавателя, согласовав с курирующим прокурором, автор передал соответствующие документы в статистический отдел для регистрации и, соответственно, получения номера уголовного дела. Но его не выдали, а сообщили руководителю отдела дознания о том, что «опера» дело уголовное возбуждают, и последний в свою очередь выразил категорическое несогласие с такой постановкой вопроса, мотивируя тем, что возбуждение уголовного дела не компетенция оперативных подразделений. Таким образом, несмотря на наличие возможности в законе, в действительности подразделения, наделенные полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, не могут выполнять все должностные обязанности органа дознания вследствие негласного запрета, и это, на наш взгляд, правильно, т. к. дознаватель — субъект уголовно-процессуальной деятельности, а не оперативно-розыскной, и в его профессиональные обязанности входит принятие решения в рамках ст. 144–145 УПК РФ. Сотрудники оперативного подразделения не являются субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Но при этом вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела поставлено на поток, в т. ч. даже по статьям Уголовного кодекса, предварительное следствие по которым подследственно следователям органов внутренних дел (в Иркутской области такая практика еще сохраняется, в отличие от западных областей). Таким образом, на сегодняшний день не определены четкие границы органа дознания и соответствующих органов исполнительной власти, наделенных полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности, что приводит к противоречивости законодательства и, соответственно, к ошибкам, лишним трудозатратам и нередко запутывает процесс досудебного производства.

Представляется, что решить рассматриваемую проблему возможно путем обращения к историческим началам регулирования сыскной и процессуальной деятельности. Несмотря на трансформирование духовной, социальной, экономической структуры общества, влекущее соответствующие изменения способов совершения преступлений, подход к первоначальным механизмам фиксации следов преступления, установления очевидцев и т. п., по своей сути остается прежним: это выезд определенной

группы лиц на место совершения преступления и осуществление действий по сбору первичных сведений о совершенном деянии. И здесь является важным оперативное реагирование на поступившее сообщение о преступлении, а учитывая загруженность следственно-оперативных групп, большие расстояния, считаем, что вопрос о таком реагировании с целью получения информации о преступлении по горячим следам имеет важное значение. На это обращает внимание и Н. С. Железняк, отмечая, что функцией выполнения неотложных следственных действий по уголовным делам должны быть наделены должностные лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при этом предлагая отказаться от проведения дознания этими лицами [4, с. 31–32].

Кроме того, существенно может повысить качество доследственной проверки осуществление ее только непосредственно органами дознания. В 2013 г. в ГУ МВД России по Иркутской области в течение года проводился эксперимент, при котором находившиеся в составе следственно-оперативных групп дознаватели осуществляли рассмотрение поступивших заявлений по ст. 144–145 УПК РФ в дежурные сутки, проводили по ним доследственную проверку и принимали правовое решение, освободив от данной обязанности оперуполномоченных уголовного розыска, участковых уполномоченных, сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних. По итогам эксперимента в три раза снизилось число возвращенных в орган дознания прокурором материалов с отменой постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Также отмечалось высокое качество собранных материалов уголовных дел, возбужденных сотрудниками подразделений дознания ОВД по сообщениям о преступлениях, по которым ими же осуществлялись доследственные действия [5, с. 19].

Таким образом, четкая законодательная позиция по вопросам осуществления должностных полномочий органом дознания и оперативно-розыскными подразделениями способна урегулировать существующие противоречия в этой сфере, что позволит освободить от лишних обязанностей оперативных работников и повысить качество проведения доследственной проверки путем использования юридической компетентности дознавателей в вопросах уголовного судопроизводства.

Литература

1. Афонькин Г. П., Габзалилов В. Ф., Кузнецов Е. В. О целесообразности освобождения сотрудников подразделений уголовного розыска от обязанности проводить в уголовно-процессуальном порядке проверку сообщений о преступлениях // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2 (18). С. 11–21.
2. Дикарев И. С. Аномалии правового положения органов дознания // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 2 (72). С. 97–104.
3. Железняк Н. С. О соотношении понятий «орган дознания» и «орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 2 (31). С. 28–33.
4. Зникин В. К., Раззорова И. Н. Об опыте проведения эксперимента по рассмотрению сообщений о преступлениях только следователями и дознавателями // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 26. С. 59–65.
5. Россинский С. Б. Орган дознания как объект уголовно-процессуального регулирования // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 101–109.
6. Россинский С. Б. О причинах наделения органа дознания непроцессуальными полномочиями полицейского характера // Правовая парадигма. 2022. Т. 21, № 4. С. 178–184.
7. Супрун С. В. Оперативно-розыскные полномочия органов дознания — миф или реальность? // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: мат-лы Всерос. научно-практ. конф-ции с междунар. участием (Иркутск, 2 декабря 2022 г.). Иркутск: Иркутский ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2023. С. 86–90.
8. Устав Уголовного судопроизводства 1864 г. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/?ysclid=lz7rpebaei156502546> (дата обращения: 23.04.2024).

ИНСТИТУТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО: ОТВЕЧАЮТ ЛИ ЕГО ПРОЦЕДУРЫ СОВРЕМЕННЫМ ВЫЗОВАМ?

Б. Я. Гаврилов,

доктор юридических наук, профессор

Академия управления МВД России

Ведя речь о современном состоянии института привлечения в качестве обвиняемого и предложениях научной общественности и правоприменителей по его реорганизации, автор публикации исходит из необходимости учитывать ряд обстоятельств, заключающихся в том, что, с одной стороны, формулируемое в ходе предварительного расследования обвинение может изменяться, прекращаться как в полном объеме, так и частично, что направлено на достижение назначения (задач) уголовного судопроизводства, сформулированных в ст. 6 УПК РФ. С другой стороны, нельзя не учитывать произошедшие за последние десятилетия существенные изменения уголовно-процессуального законодательства, направленные на создание правовых условий обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, включая гарантированное ст. 48 Конституции РФ право каждого гражданина на получение квалифицированной юридической помощи, в т. ч. бесплатно. В отношении лица, подвергающегося

уголовному преследованию, сегодня такая помощь в соответствии с внесенными в УПК РФ изменениями федеральным законом Российской Федерации от 04.03.2013 № 23-ФЗ со стороны адвоката (защитника) предусмотрена с момента проведения в отношении такого лица следственных и иных процессуальных действий (например, получение объяснения и др.), что непосредственно предусмотрено ч. 1 и 1¹ ст. 144 УПК РФ. Следует также учитывать российский исторический (Устав уголовного судопроизводства 1864 г.) и современный зарубежный опыт государств с устоявшейся системой уголовного правосудия, в т. ч. государств постсоветского пространства.

Ответы на ряд этих вопросов высказывались русскими юристами-правоведами. Так, анализ форм и обрядов судопроизводства, перечня нарушений и их многообразии позволили Н. А. Буцковскому обобщить ошибки и предложить основания для отмены судебных решений [1, с. 49–56, 63–65, 118–123]. О правовых по-

следствиях ошибочного обвинения характерно и четко говорил И. Я. Фойницкий [12, с. 9, 26], отмечая, что нет той ценности, которая могла бы выкупить душевные страдания, начавшиеся для человека после того, как за ним закрылись тюремные запоры; позор судимости, отчаяние семьи привлеченного к суду и т. д. То же свойство принадлежит и более ранним актам судебной уголовной деятельности [12, с. 9–10].

В этой связи представляется, что процедура «выдвижения» обвинения должна быть законодательно сформулирована в едином формате реализации прав сторон при предъявлении обвинения. О гносеологической сущности познания фактических данных и ее значении при квалификации деяния неоднократно говорили ученые. Так, А. А. Давлетов считает, что процесс уголовно-процессуального познания устанавливает виды юридических обстоятельств и, прежде всего, факт (событие) преступления и уголовно-правовую квалификацию (состав преступления) [5, с. 84–85].

В многочисленных обвинительных актах предварительного расследования (постановление о возбуждении уголовного дела, о продлении срока расследования, о розыске, о применении меры пресечения и иных мер принуждения и др.) приводится квалификация исходя из положений конкретных уголовно-правовых норм. Так, в досудебном производстве при возбуждении уголовного дела квалификация деяния охватывается основанием для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), где закон позволяет правоприменителю использовать юридическую терминологию «наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления» и в пределах компетенции принять решение (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В данном случае материально-правовая структура возбуждения уголовного дела обязывает обосновать возбуждение уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ). В УПК РФ не запрещено и отказать в приеме сообщения о преступлении, который может быть обжалован прокурору или в суд (ч. 5 ст. 144 УПК РФ).

Таким образом, закон предусмотрел дифференцированное отношение к обвинению: с одной стороны, это утверждение о преступном деянии конкретного лица, а с другой — возможность его изменения, дополнения или прекращения без указания причин и правовых последствий, которые также существуют, но в других разделах УПК РФ (основания, реабилитация, примирение, судебный штраф и т. д.). В этой связи в самом широком смысле понимания объективной оценки деяния можно предположить, что в основе всего лежит квалификационная ошибка, и, соот-

ветственно, необходим единый регламент исправления ошибочной квалификации. Необходимость применения правового механизма исправления квалификационных ошибок в уголовном судопроизводстве обосновали П. А. Лупинская [7], И. Д. Перлов [10], Э. Ф. Куцова [6].

Ведя речь о вкладе в теорию исправления процессуальных и квалификационных ошибок, профессор Н. Г. Муратова [9, с. 50–54] выделяет работу профессора Ф. Н. Фаткуллина. Так, в его работе «Обвинение и изменение его в суде» была обоснована концепция принципов обвинения и общих условий его изменения [11, с. 144]. Предметом пристального внимания профессора Ф. Н. Фаткуллина была и проблема формулирования первоначального обвинения, озвученная им в работе «Изменение обвинения», в которой отмечалось, что при формулировании обвинения факты, входящие в конструктивные признаки данного конкретного состава преступления, должны быть достоверными [8, с. 94–98]. Современный законодатель воспринял эту формулу, и в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, относятся к недопустимым доказательствам.

Автор в части процессуальной регламентации института привлечения в качестве обвиняемого, начиная еще в 2000–2001 гг. (в период подготовки и принятия УПК РФ во втором и третьем чтениях), высказывал более радикальное мнение, вплоть до возможности его исключения из УПК РФ. Частично решение данной проблемы законодателем было реализовано в ст. 223¹ УПК РФ «Уведомление о подозрении в совершении преступления» (введена указанным выше федеральным законом Российской Федерации от 06.06.2007 № 90-ФЗ) применительно к форме предварительного расследования в виде дознания.

В публикациях автора настоящей статьи [2, с. 7–14; 3, с. 45–53; 4, с. 88–96] приводятся аргументы, обосновывающие востребованность и решение данной проблемы, заключающееся в принципиальном пересмотре института привлечения лица в качестве обвиняемого на действующий сегодня при расследовании уголовных дел в форме дознания процессуальный порядок уведомления лица о подозрении в совершении преступления. В числе аргументов также: отсутствие данного института в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (далее — Устав), нормы которого в качестве обвиняемого рассматривали лицо, задержанное на месте совершения преступления; лицо, заключенное судебным следователем под стражу (ст. 283 Устава), а также

лицо, вызванное повесткой к судебному следователю (ст. 377 Устава).

В период действия УПК РСФСР 1922, 1923 гг., УПК РСФСР 1960 г. и УПК РФ 2001 г. с момента привлечения лица в качестве обвиняемого к участию в уголовном деле привлекался защитник. Однако сегодня участие адвоката с принятием федерального закона Российской Федерации от 04.03.2013 № 23-ФЗ допускается уже на этапе проверки сообщения о преступлении. Кроме того, введение данным законом института уведомления о подозрении в совершении преступлений обеспечили направление в суд без «классического» предъявления обвинения нескольких миллионов уголовных дел, расследованных в форме дознания. И никто из осужденных не обратился в Конституционный Суд Российской Федерации о нарушении их конституционного права знать, в чем они обвиняются.

При этом следует исходить из того, что конституционное понятие «обвиняемый» (ч. 2 ст. 47 Конституции РФ) должно включать в себя лицо, в отношении которого должностными лицами

органов предварительного расследования и органов дознания начато уголовное преследование, которое сегодня фактически осуществляется с момента получения объяснения с заподозренного лица или начала производства следственных или иных процессуальных действий в отношении данного лица.

Выводы. Необходим единый законодательный регламент формулирования, изменения и дополнения обвинения, который может быть реализован в следующих процессуальных правилах: во-первых, определить термины, связанные с характеристикой обвинения, его выдвижением и утверждением об уголовно наказуемом деянии и о его правовых последствиях; во-вторых, сформировать более четкий перечень обстоятельств, свидетельствующих о квалификационной ошибке при выдвижении обвинения; в-третьих, четко определить перечень прав сторон при реализации полномочий при предъявлении обвинения, и, в-четвертых, необходим принципиальный пересмотр процедуры выдвижения обвинения.

Литература

1. Буцковский Н. А. Очерки судебных порядков по Уставам 20 ноября 1864 года. (Очерк кассационного порядка отмены решений). СПб., 1874. 616 с.
2. Гаврилов Б. Я., Бурмагин С. В., Барабанов П. К. Правовые модели изменения обвинения в суде: сравнительно-правовой анализ процедур российского и зарубежного судопроизводства // Государство и право. 2022. № 12. С. 45–53.
3. Гаврилов Б. Я. 20 лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным воззрениям и требованиям правоприменителя // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 7–14.
4. Гаврилов Б. Я., Красильников А. В. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 88–96.
5. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск: Уральский ун-т, 1991. 152 с.
6. Куцова Э. Ф. Советская кассация как гарантия законности в правосудии. М.: Госюриздат, 1957. 227 с.
7. Лупинская П. А. Пересмотр приговоров, определений и постановлений, вступивших в законную силу, в порядке судебного надзора: учеб. пособие. М.: ВЮЗИ, 1978. 52 с.
8. Муратова Н. Г. Апелляционный процесс и его перспективы в России // Ученые записки Казанского государственного университета. 1996. Т. 132. С. 94–98.
9. Муратова Н. Г. Проблемы обвинения в трудах профессора Ф. Н. Фаткуллина // Уголовный процесс: проблемы и идеи: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Б. Я. Гаврилова. М.: Юрлитинформ, 2021. 464 с.
10. Перлов И. Д. Кассационное производство в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1968. 395 с.
11. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. 531 с.
12. Фойницкий И. Я. О вознаграждении невинно к суду уголовному привлекаемых. СПб., 1884. 110 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

В. Н. Гапонова,

кандидат юридических наук, доцент

Восточно-Сибирский институт МВД России

В действующем УПК РФ круг преступлений, которые определены как уголовные дела частного обвинения, сужен до трех. Их количество периодически изменяется, данное явление напрямую связано с процессами криминализации и декриминализации преступлений.

В силу положений ч. 2 ст. 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) по заявлению потерпевшего или его законного представителя возбуждаются уголовные дела, ответственность за совершение которых предусмотрена ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), т. е. за умышленное причинение легкого вреда здоровью, нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость, и клевету. Особенностью дел частного обвинения является наличие возможности прекратить по ним производство в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым.

И. П. Казанцева полагает, что отграничение в отдельную группу дел частного обвинения обусловлено признанием государства необходимости осуществлять минимальное вмешательство в частную жизнь граждан. Однако в процессе формирования круга уголовных дел, которые должны возбуждаться и рассматриваться в порядке частного обвинения, неоднократно допускались просчеты. В этом ряду закрепление на определенный период времени причинения легкого вреда здоровью из хулиганских побуждений в числе дел частного обвинения, что в итоге привело к возникновению множества проблем практического плана [3, с. 84].

Мнение И. П. Казанцевой представляется правильным. Дела частного обвинения специфичны в силу того, что обязанность по осуществлению доказывания возлагается непосредственно на потерпевшего. Исключения составляют случаи беспомощности потерпевшего, когда государственные органы признают наличие необходимости вмешаться.

Рассмотрим подробнее особенности производства по делам частного обвинения. Уголовные дела частного обвинения возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем

заявления в суд, которое одновременно является обвинительным актом, содержащим сущность обвинения.

Отсюда возникает вопрос: с какого момента возбуждено уголовное дело по делам частного обвинения? Не представляется возможным точно ответить на данный вопрос, поскольку в равной мере можно считать и момент подачи заявления частным обвинителем, и момент вынесения постановления мирового судьи о возбуждении уголовного дела частного обвинения. Между тем эти два действия не тождественны во времени, при этом срок для вынесения постановления о принятии заявления частного обвинения к производству мирового судьи УПК РФ не указан. Закон содержит только предписания о сроке начала судебного разбирательства.

И. В. Головинская и М. Ж. Поликарпова считают логичным признать дело возбужденным с момента вынесения мировым судьей постановления о принятии заявления к своему производству. Конкретизация указанного момента в ст. 318 УПК РФ исключила бы двусмысленность ее понимания и предполагала бы наличие как повода, так и оснований к возбуждению уголовного дела [2, с. 86].

Следует обратить внимание на проявление публичных начал при осуществлении уголовного судопроизводства по делам частного обвинения. Е. А. Артамонова полагает, что публичное начало уголовного процесса подразумевает обслуживание не только публичных интересов, т. е. интересов государства и общества в целом, но и интересы личности [3, с. 34].

Спорным нам видится и статус пострадавшего (частного обвинителя): лицо, осуществляющее уголовное преследование, является должностным, специально уполномоченным на то законом, которое в пределах своей компетенции обеспечивает неотвратимость наказания за совершенное преступление и реализует ее при расследовании преступлений. Частный же обвинитель, в свою очередь, не обладает специальными компетенциями, более того, к нему практически не предъявляются никакие требования, например такие как наличие высшего образования или образования юриста, опыт работы в правовой области и т. д.

Отсюда следует и еще одна проблема, которая заключается в отсутствии юридического опыта частного обвинителя. Следовательно, возникает сложность в его самостоятельной способности осуществить защиту своих прав, а также собрать необходимые доказательства по делу, составить процессуальные документы. Непростым является, как показывает практика, и направление в суд заявления, которое содержит обязательные реквизиты, указанные в ч. 5 ст. 318 УПК РФ, несоблюдение которых влечет возвращение заявления лицу, его подавшему.

Вместе с тем частный обвинитель очень ограничен в аспекте возможности доказывания. Проведение следственных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий фактически исключается. В результате у потерпевшего остается скудный ресурс показаний свидетелей, письменные и вещественные доказательства. К тому же потерпевший обязан представить сведения о лице, которого он обвиняет в совершении преступления, а подобные сведения достаточно сложно собрать самостоятельно. Даже личность установить проблематично, если речь не идет о знакомых людях. В итоге доказывание вины становится крайне затруднительным, что

ограничивает доступ потерпевших к правосудию.

В связи с тем что потерпевший ограничен в собирании доказательств, ч. 2 ст. 319 УПК РФ предусматривает, что по ходатайству сторон мировой судья вправе оказать им содействие в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно. Таким образом, на суд возлагаются полномочия органов, осуществляющих уголовное преследование, что противоречит конституционному принципу разделения властей.

В процессе исследования выявлено множество проблем и противоречий, возникающих при разрешении дел частного обвинения, связанных с определением момента возбуждения уголовного дела, сложностью в собирании доказательств частным обвинителем и т. д. В настоящее время институт частного обвинения далек от совершенства. Решение проблемы видится в упразднении уголовного преследования, осуществляемого в частном порядке, поскольку осуществлять уголовное преследование должны компетентные должностные лица, уполномоченные на то государством.

Литература

1. Артамонова Е. А. Частное начало в российском уголовном судопроизводстве. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2004.
2. Головинская И. В., Поликарпова М. Ж. Проблемы возбуждения и рассмотрения уголовных дел частного обвинения // Современное право. 2020. № 5.
3. Казанцева И. А. К вопросу о необходимости усиления публичного начала при возбуждении уголовного дела частного обвинения // Вопросы российской юстиции. 2019. № 3.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАДЕРЖАНИЯ КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Н. С. Диденко,

кандидат юридических наук, доцент

Ростовский юридический институт МВД России

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации регламентирует действия, предпринимаемые следователями и дознавателями самостоятельно, в т. ч. и задержание подозреваемого, в гл. 12 УПК РФ [4, с. 171–173].

Суть уголовно-процессуальной системы задержания подозреваемых в совершении преступлений заключается во временном (краткосрочном) ограничении свободы лиц, подозреваемых в совершении преступлений, и направлении их в специальные государственные учреждения для

временного содержания. Его цель состоит в том, чтобы временно предоставить возможность следователю или дознавателю проводить все необходимые процессуальные действия с участием подозреваемого в требуемые сроки. Все процессуальные действия следователя или дознавателя связаны со сбором доказательств для предъявления обвинения и в последующем выбора иных процессуально-принудительных мер. В связи с этим важно отметить, что задержание применяется в досудебном порядке и носит временный

характер, можно сказать, является элементом уголовного преследования.

Во время задержания устанавливаются практически все необходимые данные, позволяющие доказать виновность или невиновность лица. Однако задержание требуется также в тех случаях, когда лицо пытается скрыться от следствия или препятствует расследованию преступления, т. е. уничтожает доказательства, которые могут указать на его виновность. В некоторых случаях преступник несет угрозу для свидетелей преступления, т. е. может их шантажировать, угрожать их жизни и здоровью или жизни и здоровью их близких.

Задержание — это очень сложный уголовно-процессуальный механизм, целью которого является, среди прочего, прекращение противоправных действий лиц, подозреваемых в совершении преступлений. Законодатель связывает задержание человека с его правовым статусом подозреваемого.

Согласно положениям уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, лицо приобретает статус подозреваемого не с момента фактического задержания, а с момента составления процессуального документа о задержании. Продолжительность зависит от решения уполномоченного лица, но не должна превышать трех часов. При этом лексическое значение термина «задержание подозреваемого» должно быть в полной мере применимо к ситуации, когда лицо сначала приобретает процессуальный статус подозреваемого и только после этого задерживается.

Таким образом, использование термина «задержание подозреваемых» не в полной мере соответствует смыслу, данному законодателем, и не соответствует требованиям четкости и конкретизации юридических материалов.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержит перечень оснований. Так, С. Д. Ферзилаева справедливо указала: «Существует два способа определения содержания оснований для задержания: в первом случае основаниями считаются обстоятельства, указанные в законе; во втором — фактические данные (информация) о наличии обстоятельств, установленных законом» [2]. Поэтому в соответствии с п. 1 ст. 91 УПК РФ задержание подозреваемого допускается при следующих обстоятельствах: если лицо застигнуто в момент совершения преступления или сразу после совершения преступления; если потерпевший или свидетель указывают на то, что это лицо совершило преступление; если явные следы преступ-

ления найдены на этом человеке, его одежде, у него дома или в его квартире.

Очевидно, что основания для современного задержания аналогичны ранее предложенным основаниям для подозрения в совершении кем-либо уголовного преступления. Анализ таких источников права, как Русская Правда и Псковская судная грамота, показывает нам, что, создавая первый институт предварительного расследования, полиция оставляла за собой право задерживать на короткое время лиц, подозреваемых в совершении уголовных преступлений.

Позже, по словам В. Т. Томина и М. П. Полякова, основания для задержания лица были изложены в Уголовно-процессуальном кодексе 1864 г., первом в России действительном уголовно-процессуальном кодексе. Причины, изложенные в ст. 257, кажутся очень знакомыми современным следователям с точки зрения задержания. Удачна формулировка этой статьи, которая также относится к современному уголовному процессу: полиция принимает меры для предотвращения уклонения от расследования подозреваемых в совершении преступления [3].

С момента фактического задержания лица исчисляется трехчасовой срок, в течение которого уполномоченное должностное лицо должно составить протокол задержания. Протокол задержания является процессуальным отражением акта задержания и правовой основы для задержания подозреваемых. Эти протоколы позволяют потенциальным судам, прокурорам, другим участникам уголовного процесса понять содержание, направление и динамику проводимых следственных и процессуальных действий, а затем изучить и проанализировать их результаты, чтобы оценить достоверность полученных данных. С. Б. Россинский отметил, что «каждый специалист в области уголовного судопроизводства должен полностью понимать, что форма протокола для определения решения о задержании подозреваемого не соответствует его процессуальному характеру» [1]. В одной из своих работ С. Н. Чурилов предложил отказаться от формы протокола и предусматривать задержание и регистрацию подозреваемых постановлениями, мотивируя это тем, что последний «является документом, более соответствующим вышеуказанным процедурам» [3]. Однако мы с этим мнением не согласны, т. к. протокол фиксирует весь порядок задержания. В нем отражается много аспектов, например, оказывало ли лицо сопротивление при задержании, пыталось ли в этот момент скрыться.

Согласно нормам УПК РФ в течение 12 часов с момента задержания следователь или до-

знаватель обязаны оповестить родственников и прокурора о задержании данного лица. Если лицо является специальным субъектом, т. е. военнослужащим или иностранным лицом, то уведомляться могут и представители командования или должностные лица иностранных дипломатических ведомств. При этом необходимо также и уведомить защитника данного лица, если оно того требует.

Эти необходимые меры требуются для обеспечения прав и свобод подозреваемых, защиты их интересов, привлечения защитника, который будет присутствовать в процессе реализации всех последующих следственных действий с участием подозреваемого. Он будет вносить ходатайства и жалобы в тех случаях, когда права подозреваемого были нарушены следственным органом.

В случае если лицо не отказывается давать показания в присутствии защитника, то в течение 24 часов ему должен быть предоставлен защитник, и перед дачей показаний он имеет право на конфиденциальную встречу с ним, которая в некоторых случаях не может быть более двух часов.

После этого необходимо поместить подозреваемого в изолятор временного содержания. Максимальный срок задержания составляет 48 часов, однако в некоторых случаях по судному решению данный срок может быть продлен до 72 часов. Такие меры требуются для предоставления следственному органу времени по сбору данных и информации, подтверждающей необходимость вынесения иной процессуальной меры принуждения, в некоторых случаях связанной с ограничением свободы личности (заключение под стражу) или свободы передвижения (домашний арест).

В заключение следует отметить, что задержание является мерой принуждения, применяемой в уголовном судопроизводстве для обеспечения справедливого рассмотрения дела. Эта мера должна соответствовать принципам справедливости, соразмерности и уважения прав и свобод подозреваемого или обвиняемого лица. Подозреваемый или обвиняемый имеет право на защиту и справедливое судебное разбирательство, а решение о задержании может быть обжаловано, изменено или отменено на основании представленных доказательств.

Литература

1. Россинский С. Б. Протокол — лишнее звено в механизме задержания лица по подозрению в совершении преступления // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 150–165.
2. Ферзилаева С. Д. Задержание подозреваемого в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 163–165.
3. Чурилов С. Н. Институт задержания подозреваемого нуждается в реформировании // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2022. № 1. С. 13–20.
4. Шамсутдинов М. М. Некоторые проблемы задержания по УПК РФ // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 2. С. 171–173.

ЗНАЧЕНИЕ УЧАСТИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

И. В. Жигалова

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия;

Е. В. Носкова,

кандидат юридических наук

Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия

Потерпевший в судебном разбирательстве обладает обширным объемом процессуальных прав, предусмотренных УПК РФ (ст. 42, 44, 45), что позволяет ему активно участвовать в процессе осуществления правосудия. Однако значительная часть потерпевших этими правами пренебрегает или сознательно игнорирует их. Вме-

сте с тем в предусмотренных законом случаях он должен быть заранее предупрежден об уголовной ответственности в соответствии со ст. 161 УПК РФ (недопустимость разглашения данных предварительного расследования). Потенциально процессуальные права потерпевшего призваны обеспечить ему возможность полноценно участ-

воват в ходе защиты собственных прав и законных интересов, однако согласно ч. 6 ст. 42 УПК РФ при неявке потерпевшего по вызову без уважительных причин он может быть подвергнут принудительному приводу. Принудительный привод, предусмотренный ст. 113 УПК РФ (законодатель подчеркивает важность активного участия потерпевшего в процессе), позволяет обеспечить явку потерпевшего в суд, чтобы не допустить нарушения принципов состязательности и непосредственности в уголовном судопроизводстве. Несомненно, применение принудительного привода должно быть оправданно и обосновано судом в соответствующем постановлении. Суд должен тщательно оценить обстоятельства неявки потерпевшего и принять во внимание все возможные причины, включая уважительные.

В рамках подготовки настоящего исследования было обработано 107 уголовных дел, рассмотренных мировым судьей судебного участка № 7 Октябрьского судебного района г. Томска в период с ноября 2020 г. по июнь 2024 г. В них потерпевшими были признаны 147 человек. Явка в судебные заседания составила 21 %; в судебное заседание не явились (явка не была обязательной, просили о рассмотрении дела в свое отсутствие) 76 %; отказ от явки — 3 %, который был в основном мотивирован: нежеланием (страхом) встречаться еще раз с подсудимым (риск вторичной травматизации), своей занятостью; заявлены гражданские иски в 38 % случаях, которые при вынесении приговора были удовлетворены, однако в 62 % исследуемых дел потерпевшие исковых требований не предъявляли и в большинстве случаев не обращались за выдачей исполнительных листов после вынесения приговора.

Обращает на себя внимание яркий пример двух уголовных дел в отношении гражданки, осужденной по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 159 УК РФ — мошенничество, в отношении 24 потерпевших [1, 2]. Анализ судебной практики выявил проблемы извещения о назначенном судебном заседании. Потерпевшими выступают юридические лица, микрокредитные организации, предоставляющие свои услуги в интернет-пространстве, с местом нахождения в различных регионах России. При попытке извещения по указанным номерам в списке лиц, вызываемых в суд, были получены сообщения, что абоненты отключены от сети либо «такого номера не существует», некоторые организации сменили наименование. Приговоры по всем уголовным делам были вынесены в 2022 г. и судом удовлетворены все 24 заявленных гражданских иска, тем не менее ни один из

потерпевших до сих пор не обратился за исполнительным листом для возмещения материального ущерба.

Данные случаи не являются редкостью и служат ярким примером пренебрежения потерпевшими своими правами, ведь уголовные дела возбуждены по заявлениям потерпевших и защищались их интересы в первую очередь. Извещение потерпевшего в подобных случаях представляется для суда весьма затруднительным, что препятствует осуществлению правосудия, поскольку ненадлежащее извещение в уголовном процессе недопустимо.

Исходя из анализа эмпирической базы, дважды за исследуемый период судьей были вынесены постановления о принудительном приводе потерпевших [3, 4]. В первом случае постановление о принудительном приводе выносилось два раза, но исполнено не было, в результате показания потерпевшего были оглашены ввиду надлежащего извещения и отсутствия возражений у стороны защиты. Во втором случае один потерпевший явился добровольно и был допрошен в судебном заседании, однако вопросов у стороны защиты не было, а второй потерпевший подвергся принудительному приводу вместе со свидетелем. Они были допрошены в судебном заседании, но, к сожалению, вопросов от стороны защиты не поступило. Думается, подобное злоупотребление своими правами потерпевшими влечет затягивание сроков рассмотрения уголовного дела судом и ограничивает реализацию ряда принципов уголовного процесса.

Кроме того, согласно эмпирическим данным, потерпевшие заявили ходатайство о прекращении уголовного дела в связи с примирением по нереабилитирующим основаниям в 10 % случаев, однако заявленные ходатайства были удовлетворены в 64 % случаев, в 36 % случаев имелись основания, препятствующие их удовлетворению, например п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Вместе с тем активное и инициативное участие потерпевшего в судебном разбирательстве имеет важное значение для исхода уголовного процесса для обеих сторон.

Делая вывод о значении участия потерпевшего в судебном процессе, можно сказать следующее.

Неявка потерпевшего может повлиять на возможность оглашения его ранее данных им показаний и на принятие решения об особом порядке судебного разбирательства. Пренебрежение потерпевшим своими правами в процессе судебного разбирательства по уголовному делу способно повлечь серьезные последствия как для самого потерпевшего, так и для судебного раз-

бирательства. Активная позиция потерпевшего может не только способствовать наказанию виновных, но и стать примером для других жертв преступлений, показывая, что их права важны и подлежат первостепенной защите. Пассивное поведение может привести к тому, что суд будет вынужден принимать решения без учета интересов потерпевшего, что в конечном итоге приводит к несправедливому исходу дела. Кроме того, игнорирование потерпевшим своих прав увеличивает возможности подсудимого для защиты своих интересов, и, возможно, он избежит ответственности за совершенное преступление. В таких случаях потерпевший может утратить перспективу восстановить справедливость и получить компенсацию за причиненный вред. Таким образом, важно, чтобы потерпевшие были осведомлены о своих правах и обязанностях в рамках уголовного судопроизводства и принимали активное участие в судебном процессе. Это позволит обеспечить справедливое рассмотрение дела в разумные сроки и защиту интересов потерпев-

шего. Неявка может привести к нарушению порядка производства в суде, что потенциально повлечет основание для обжалования решений суда и их отмены.

Своевременная явка участников процесса способствует более эффективному рассмотрению дел, что, в свою очередь, повышает доверие общества к судебной системе, реализацию воспитательной и превентивной функций уголовного процесса. В конечном итоге повышается эффективность правосудия.

В целом участие потерпевшего в судебном процессе является значимым аспектом с точки зрения как доктрины, так и правоприменительной практики, требующим тщательного исследования и выработки рекомендаций, направленных на устранение проблем. Суд должен действовать в соответствии с принципами законности, справедливости и защиты прав и законных интересов всех участников процесса, не допуская переко-

Литература

1. Архив мирового судьи судебного участка № 7 Октябрьского судебного района г. Томска. Д. № 1-2/2024(7).
2. Архив мирового судьи судебного участка № 7 Октябрьского судебного района г. Томска. Д. № 1-1/2024(7).
3. Архив мирового судьи судебного участка № 7 Октябрьского судебного района г. Томска. Д. № 1-26/2022(7).
4. Архив мирового судьи судебного участка № 7 Октябрьского судебного района г. Томска. Д. № 1-31/2022(7).

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Н. В. Климович

Барнаульский юридический институт МВД России

Обеспечение общечеловеческих ценностей, прав и свобод граждан является первостепенной задачей правоприменителя. Нормы отечественного законодательства направлены на защиту потерпевшего и восстановление его прав и свобод, нарушенных преступными посягательствами. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, обязанность государства — обеспечивать восстановление прав потерпевшего от преступления и осуществление уголовного преследования [4].

Положения, содержащиеся в ст. 25.1 УК РФ и гл. 51.1 УПК РФ, предусматривают, что суд

вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначить ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Мнение потерпевшего в данном случае не учитывается.

Следуя букве закона, судьи применяют данную меру уголовно-правового характера независимо от того, согласен ли потерпевший на прекращение уголовного дела или нет [3, 5].

При рассмотрении уголовного дела в суде мнение потерпевшего подтверждает одно из условий, закрепленных в ст. 25.1 УПК РФ, одна-

ко его обязательное участие в судебном заседании не предусматривает ни одно из положений УПК РФ. Таким образом, если потерпевший не явится в суд, то его позиция относительно заглаживания вреда будет подтверждаться материалами уголовного дела и показаниями стороны защиты. Видится, что права потерпевшего в таких случаях остаются защищенными не в полном объеме.

Для опровержения позиции виновного в случае невозмещения им ущерба потерпевший вправе не только заявлять ходатайства на стадии предварительного расследования, но и принимать участие в судебном заседании. Существенность влияния на его последствия, правовое положение решения о прекращении уголовного дела говорит о том, что участие потерпевшего обязательно.

Представители научного сообщества высказывают разные точки зрения относительно рассматриваемой нами проблематики. Одни высказывают мнения о том, что если потерпевший против примирения (по ст. 76.2 УК РФ), но вред (ущерб), причиненный ему преступлением, возмещен, то судебный штраф может применяться в качестве основания освобождения от уголовной ответственности [2, с. 116–117; 6, с. 135]. Другие считают, что в целях защиты прав потерпевшего в принятии решения о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа необходимо получить его согласие [1, с. 188].

Мы разделяем позицию ученых, которые предлагают прекращать уголовные дела с назначением судебного штрафа, при этом заручив-

шись согласием потерпевшей стороны. Представляется, что принятие такого решения в законе исключит ряд вопросов как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства.

Полагаем, что с целью недопущения возможности нарушения прав и свобод потерпевшей стороны при прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа целесообразно изложить положения ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ в следующей редакции: «Суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, в порядке, установленном настоящим Кодексом, в случаях, предусмотренных ст. 76.2 УК РФ, на основании заявления потерпевшего или его законного представителя вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и назначить данному лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа».

Представляется, что предложенные изменения будут способствовать реализации прав потерпевшего в полном объеме, помогут избежать противоречий при рассмотрении уголовного дела в суде и способствовать быстрому урегулированию уголовно-правового конфликта без нарушения прав и законных интересов виновного и потерпевшей стороны.

Литература

1. Баранова М. А., Косарева А. М. К вопросу об эффективности судебного штрафа (статья 25.1 УПК РФ) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 3 (116). С. 185–190.
2. Кувалдина Ю. В. Обеспечение конституционных прав потерпевшего в процедуре прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4, № 3. С. 115–117.
3. Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.07.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л. М. Запорожец: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.04.2003 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2003. № 18. Ст. 1748.
5. Постановление Бородинского городского суда Красноярского края № 1-84/2020 от 9 ноября 2020 г. по делу № 1-84/2020. URL: sudact.ru/regular/doc/t0dFQ461dudE/ (дата обращения: 20.08.2024).
6. Ченцов В. В. Производство по уголовному делу с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: проблемы правоприменения // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47). С. 133–136.

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. В. Козлов

Барнаульский юридический институт МВД России

Развитие технологий в XXI в. предопределило увеличение роста преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет», средств мобильной связи, а также платежных карт, что, в свою очередь, породило возникновение немалого количества проблемных вопросов, связанных с раскрытием и расследованием противоправных деяний данного вида.

Один из таких вопросов связан с определением территориальной подсудности при возбуждении уголовных дел и их дальнейшем расследовании.

Наличие на практике различных подходов относительно определения места совершения преступлений рассматриваемой категории может приводить к злоупотреблениям при направлении материалов доследственных проверок и уголовных дел по признаку территориальности, что, в свою очередь, негативно сказывается на эффективности раскрытия и расследования уголовных дел, влечет нарушения принципа разумного срока уголовного судопроизводства, затрудняет гражданам доступ к правосудию.

Исследователями высказаны различные мнения по существу данной проблемы. Одни авторы придерживаются позиции, согласно которой уголовные дела по дистанционным хищениям следует возбуждать и расследовать по месту перечисления потерпевшим денежных средств на счета преступников [7, с. 51–53]. Другие авторы местом совершения подобных хищений денежных средств считают местонахождение злоумышленника и с ним же отождествляют место предварительного расследования [2, с. 43–44].

Кроме того, в практической деятельности подсудность по делам рассматриваемой категории определяют по месту обналичивания денежных средств преступником, либо месту открытия счета, с которого произошло их списание, либо месту открытия счета, на который произошло зачисление.

Каждая из указанных позиций обосновывается различным толкованием требований ст. 152 УПК РФ.

В 2017 г. Пленум Верховного Суда Российской Федерации сформировал позицию относительно хищений, совершенных с использованием средств связи, согласно которой такие преступления следует считать оконченными с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб. Местом окончания мошенничества, состоящего в хищении безналичных денежных средств, согласно начальной редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ, являлось место нахождения подразделения банка или иной организации, в котором владельцем денежных средств был открыт банковский счет или велся учет электронных денежных средств без открытия счета [6].

Однако ряд ученых небезосновательно указывают на недопустимость отождествления места совершения преступления с точкой открытия счета в банке, т. к. денежные активы, которые являются предметом преступления, физически не перемещаются в пространстве и не прибывают в конкретное место. Баланс банковского счета является единым для всей платежной системы кредитной организации, управление данным счетом и его обслуживание возможны из любого отделения банка, в котором он открыт, а с возможностями современных технологий — из любой точки мира при помощи сети «Интернет» [1, с. 96–100].

Впоследствии Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 15 декабря 2022 г. № 37, исходя из особенностей предмета и способа рассматриваемого вида мошенничества, определил местом совершения хищения — место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие безналичных денежных средств [4]. По такому же принципу определяется и территориальная подсудность уголовных дел по данным преступлениям.

Ввиду того, что в большинстве случаев при возбуждении уголовного дела личность преступ-

ника и его местонахождение в момент совершения преступления не известны, остающиеся открытыми на уровне федерального законодательства вопросы о территориальной подследственности в настоящее время урегулированы на ведомственном уровне.

Так, в соответствии с приказом МВД России от 03.04.2018 № 196 органам дознания и предварительного следствия по преступлениям, предусмотренным ст. 158, 159–159.3, 159.5, 159.6 УК РФ, совершенным с использованием платежных карт, средств мобильной связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», надлежит проводить проверку и принимать решения о возбуждении уголовного дела в органе внутренних дел Российской Федерации, в который поступило сообщение о преступлении, при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступлений. При этом надлежит незамедлительно принимать исчерпывающие меры к раскрытию преступлений и установлению лиц, их совершивших, направлять в установленном порядке запросы в кредитные организации, операторам связи, оказывающим услуги связи, в т. ч. по передаче данных и предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и только после вы-

полнения всех возможных процессуальных действий по месту возбуждения уголовного дела и получения достаточных доказательств о совершении преступления на территории обслуживания другого территориального органа МВД России направлять уголовные дела в порядке, предусмотренном ст. 152 УПК РФ [5].

Таким образом, при расследовании телефонных мошенничеств сложилась практика определения территориальной подследственности *по месту обращения потерпевшего в территориальный правоохранительный орган, уполномоченный принять сообщение о преступлении, возбудить уголовное дело и произвести расследование.*

Только выполнив все необходимые следственные и иные процессуальные действия, в случае установления места совершения преступления, которым может являться территория другого района, в т. ч. и другого субъекта РФ, следователь (дознаватель) должен, в соответствии со ст. 152 УПК РФ, направить уголовное дело по территориальной подследственности [3, с. 8–9], уведомив при этом прокурора по месту направления и непосредственно надзирающего за ним прокурора.

Литература

1. Багаутдинов Ф. Н., Журба С. М. Актуальные проблемы определения территориальной подследственности мошенничеств, совершаемых с использованием современных средств связи // Уголовное право. 2019. № 3. С. 96–100.
2. Лукинов А. Место расследования телефонного мошенничества // Законность. 2014. № 9. С. 43–44.
3. Наседкин В. А. Где эффективно расследовать телефонные мошенничества, или Еще раз о подследственности // Законность. 2018. № 10. С. 8–9.
4. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 2022 г. № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О некоторых мерах по совершенствованию организации раскрытия и расследования отдельных видов хищений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 03.04.2018 № 196. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Фрост С., Федосов А. Проблемы определения места расследования мошенничества с использованием электронных форм платежей // Законность. 2015. № 1. С. 51–53.

ФОРМЫ УЧАСТИЯ ПСИХОЛОГА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Е. Е. Коробкова,

кандидат юридических наук

Омская академия МВД России

Психолог — лицо, обладающее специальными знаниями в области психологии и привлекаемое следователем для содействия в доказывании при расследовании уголовного дела с участием несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства.

Анализ нормативного содержания ст. 425 УПК РФ, где и упоминается такой участник, как психолог, позволяет дать этому лицу представленное, надо сказать, весьма скупое определение. Дело в том, что в обозначенной статье упоминается лишь: а) основание привлечения психолога — возраст обвиняемого до шестнадцати лет или наличие психического расстройства у несовершеннолетнего; б) следственное действие, в рамках которого работает психолог — допрос; в) четыре процессуальные возможности: задавать вопросы с разрешения следователя, знакомиться с протоколом следственного действия, делать замечания по его содержанию и получать разъяснение от следователя перечисленных прав.

Даже беглое прочтение показывает, что этого недостаточно для формирования процессуального статуса участника, как правило, определяющего место участника среди иных субъектов процесса, процессуальные права и обязанности, а также ответственность за ненадлежащее исполнение последних. Если рассмотреть для примера процессуальный статус гражданина, привлекаемого к участию в деле в качестве понятого, то обнаруживается самостоятельное нормативное регулирование (ст. 170 УПК РФ) и даже оформление статуса при последующей даче показаний — понятой допрашивается в качестве свидетеля и пользуется правами, предусмотренными ст. 56 УПК РФ.

Целью участия психолога при производстве по уголовному делу является содействие следователю в получении показаний от несовершеннолетнего. В то же время достижение указанной цели возможно в различных формах. Полагаем, именно по форме (процедуре) вовлечения психолога и необходимо определять его процессуальный статус. Рассмотрим их.

Нормативно определено, что психолог привлекается следователем для участия при производстве допроса несовершеннолетнего. Сравне-

ние ст. 425 и ст. 58 УПК РФ (специалист) показывает близость роли психолога со специалистом, оказывающим содействие в обнаружении, фиксации и изъятии предметов и документов. Только психолог имеет дело со следами идеальными (показания), а не материальными, выполняя следующие действия: 1) отслеживает эмоциональное состояние несовершеннолетнего и контролирует уровень его психического напряжения; 2) предотвращает возможное избыточное неблагоприятное воздействие на психику несовершеннолетнего; 3) смягчает действие психотравмирующих факторов; 4) психологически готовит несовершеннолетнего к допросу; 5) устанавливает наличие зависимости несовершеннолетнего от иных лиц; 6) диагностирует способность несовершеннолетнего давать показания. Как видим, условно эти действия также можно именовать обнаружением и фиксацией доказательственных сведений¹.

Анализ правоприменительной практики показывает, что следователи (дознаватели) не ограничиваются нормативной формой привлечения психолога.

Так, достаточно часто психологи вовлекаются в производство по уголовным делам с участием несовершеннолетних, с последующим их допросом в качестве *свидетелей* по обстоятельствам оказания психологического сопровождения отдельных следственных действий с участием лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста [1, 2, 4, 5]. Приведенная фактическая ситуация похожа на обозначенный пример с понятым, вместе с тем предмет допроса понятого и психолога отличается. Если первый описывает свое участие в следственном действии, то психолог, кроме собственно подтверждения участия, прежде всего, поясняет касающиеся профиля его специальных знаний обстоятельства — подтверждает возможность состоявшегося получения

¹ Кроме допроса, показания как вид доказательства (с учетом правил их оглашения в судебном разбирательстве) могут быть получены при производстве очной ставки, проверки показаний на месте, предъявлении для опознания и иных действий, сопряженных с дачей устных пояснений.

показаний от несовершеннолетнего, подтверждает их правдивость или, наоборот, возможную неточность ввиду психоэмоционального состояния допрашиваемого и т. д. Последнее указывает на то, что психолог не становится свидетелем по делу, он продолжает оставаться носителем специальных знаний, которые задействованы уже не в процессе собирания доказательств, а при последующей их оценке в процессе доказывания.

Кроме допроса, психолог привлекается для дачи заключения. Дело в том, что дать соответствующие пояснения без оценки личности несовершеннолетнего лично или путем изучения медицинских и иных документов не всегда возможно. При наличии информации о наличии у несовершеннолетнего отклонений в психическом состоянии следователь, дознаватель, суд должны ссылаться не на показания психолога, допрошенного в качестве свидетеля, а на соответствующее исследование — как результат, заключение специалиста (психолога) [3].

Наличие в материалах дела подобного заключения позволяет отдельно говорить о самостоятельной форме участия психолога при производстве по уголовному делу — допрос в качестве специалиста. Указанная форма в данном случае имеет аксессуарную природу по отноше-

нию к ранее данному заключению, поэтому ее необходимо отличать от допроса, обозначенного выше. В частности, существенно различается предмет получаемых устных сведений, который ограничен имеющимся заключением; если даже заключения предшествовало психофизиологическое или иное исследование, оно также может стать предметом получения показаний специалиста.

Краткое описание форм участия психолога при производстве по уголовному делу позволяет заключить следующее. Процессуальный статус психолога тяготеет к процессуальному статусу специалиста, обозначенного в ст. 58 УПК РФ. Это подтверждает содержание части первой обозначенной нормы и приведенный перечень фактических ситуаций, возникающих в правоприменении. Представляется, законодатель в ст. 425 УПК РФ лишь уточнил область специальных знаний специалиста, который привлекается для участия в производстве по уголовному делу с участием несовершеннолетних. Последнее позволяет утверждать, что элементы процессуального статуса специалиста, указанного в ст. 58 УПК РФ, в равной степени распространяются и на психолога.

Литература

1. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 6 июля 2015 г. по делу № 33-3164/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 5 февраля 2019 г. по делу № 22-225/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Баранов А. М., Коробкова Е. Е. Участие психолога при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних (постановка проблемы) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2024. № 1 (66).
4. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2023 г. № 77-1314/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 1 ноября 2022 г. № 77-5519/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ОБ УНИФИКАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ ПРОКУРОРА НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ (В ЧАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ)

Е. В. Кузнецова

Уральский юридический институт МВД России

Меры процессуального принуждения необходимы для успешного решения задач стадии предварительного расследования. Так сложилось, что существенную роль в применении мер

процессуального принуждения играет в настоящее время суд, гораздо менее выраженным является участие в этом процессе прокурора, т. к. без итогового решения суда, хоть и есть согласие

прокурора, мера пресечения, которая требует для ее избрания судебного решения, не будет назначена. Однако Н. С. Манова считает иначе, утверждая, что прокурор при избрании меры пресечения должен занимать ведущую роль, т. к. ему в дальнейшем предстоит поддерживать обвинение в суде [1, с. 21–22]. Не можем не согласиться с указанной точкой зрения и полагаем, что прокурор является одним из главных участников уголовного судопроизводства при реализации института мер принуждения наравне со следователем, дознавателем и судом.

Поэтому целесообразно остановиться на анализе имеющихся в распоряжении прокурора процессуальных средств, касающихся применения мер принуждения на завершающем этапе предварительного расследования, как в форме следствия, так и дознания, оценив их достаточность в обеспечении законности применения. Следует полагать, что уголовно-процессуальная деятельность прокурора должна определенным образом «встраиваться» в установленный законом механизм применения мер процессуального принуждения, являясь дополнительной гарантией обеспечения публичного интереса, а также законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 221 УПК РФ прокурор, установив, что предельный срок содержания обвиняемого под стражей истек, отменяет данную меру. Законодатель в данном случае наделяет прокурора правом на отмену только такой меры, как заключение под стражу. Однако может быть избрана другая мера пресечения, например запрет определенных действий, предельный срок которой регламентирован ч. 10 ст. 105¹ УПК РФ, или домашний арест, предельный срок которого определен ч. 2.1 ст. 107 УПК РФ. На этапе проверки прокурором материалов уголовного дела с итоговым решением — обвинительным заключением, актом данные сроки уже могут истечь, однако прокурор не вправе отменить запрет определенных действий и домашний арест, что в результате нарушает права и свободы уголовно преследуемого лица. Считаем целесообразным закрепить в ч. 2 ст. 221 УПК РФ право прокурора на отмену такой меры пресечения, как заключение под стражу, а также дать возможность прокурору отменять запрет определенных действий и домашний арест в случае истечения предельных сроков их избрания.

Также при анализе ст. 226 УПК РФ напрашивается вывод о том, что прокурор при проверке материалов уголовного дела с поступившим к нему обвинительным актом не имеет права от-

менять те меры пресечения, по которым истек предельный срок.

Учитывая изложенное, полагаем, что приведенная выше система полномочий прокурора достаточно сложна, противоречива и внутренне асимметрична в плане сравнения правовых возможностей его влияния на избрание мер процессуального принуждения в ходе следствия и дознания. Считаем, что следует привести содержание норм УПК РФ в соответствие с требованиями логики и добавить в ст. 226 УПК РФ положения, касающиеся отмены прокурором таких мер пресечения, как заключение под стражу, домашний арест, запрет определенных действий.

А. В. Спиринов также выражает согласие с тем, что ограниченный объем правовых средств у прокурора по избранию мер уголовного принуждения и их отмене не исключает его участие в принятии соответствующих решений в уголовном судопроизводстве. Разделение полномочий прокурора при выборе мер принуждения в следствии и дознании кажется абсурдным, поскольку он впоследствии должен решить вопрос о направлении уголовного дела в суд и поддержании обвинения по данному вопросу в суде [2, с. 196].

Подводя итог вышесказанному, предлагаем:

1. Закрепить за прокурором право отмены не только меры пресечения в виде заключения под стражу, но и иных мер пресечения, избираемых по судебному решению и имеющих предельный срок, в том случае, если он истек на момент поступления к прокурору материалов уголовного дела с обвинительным заключением, актом.

2. Унифицировать процессуальный порядок, а именно полномочия прокурора по отмене некоторых мер пресечения на завершающем этапе предварительного расследования при любой форме его осуществления. То есть при проверке прокурором материалов уголовного дела с обвинительным актом, по нашему мнению, необходимо также дать прокурору право на отмену мер пресечения, избираемых по судебному решению и имеющих предельный срок, аналогично положениям ст. 221 УПК РФ. Полагаем, что полномочия прокурора не могут и не должны зависеть от формы предварительного расследования. Если у прокурора есть определенные полномочия по обеспечению законности при применении меры пресечения в предварительном следствии, то аналогичные полномочия ему необходимы и во взаимоотношениях с органом дознания.

Делая вывод, можем предположить, что это поспособствует совершенствованию института

мер процессуального принуждения, усилению прокурорского надзора на завершающем этапе предварительного расследования за процессуальной деятельностью следователя, дознавателя,

а также надлежащему обеспечению прав и свобод уголовно преследуемого лица в ходе предварительного расследования.

Литература

1. Манова Н. С. Возможно ли принятие судом решения о применении меры пресечения при отказе прокурора поддержать ходатайство следователя? // Российский судья. 2019. № 5.
2. Спирин А. В. Уголовно-процессуальная деятельность прокурора: учеб. пособие. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2022. 147 с.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВВИДУ НОВЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

А. В. Ламтева,

кандидат юридических наук

Нижегородская академия МВД России

Новые обстоятельства — это обстоятельства, которые не были известны суду в момент вынесения приговора и установлены быть не могли, поскольку стороны, например, не знали о существовании свидетеля, либо еще не наступили более опасные последствия совершенного деяния.

Новые обстоятельства содержат в себе как позитивный, так и негативный концепт. Данная стадия позволяет как улучшить положение осужденного, так и ухудшить. Улучшение положения осужденного процессуальными сроками не ограничено (концепция *in favorem* — в пользу осужденного). Ухудшение процессуального положения лица сроками ограничено — в течение одного года (этот срок начинает течь с того момента, как прокурор подписал заключение о том, что необходимо возобновить производство из-за появления новых обстоятельств в соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.12.2021 № 43 (далее — ППВС РФ № 43)) и в рамках сроков давности (2, 6, 10, 15 лет с учетом категории совершенного преступления).

В пункте 5 указанного постановления изложено три новых основания. Согласно ч. 4 ст. 413 в УПК РФ также имеет место три новых основания для возобновления, но они не тождественны положениям Пленума.

Все новые основания профессор Л. В. Головкин относит к двум категориям: к *юридическим*, когда идет речь, например, о правовой коллизии между Конституцией РФ и УПК РФ. Остальные новые основания приравниваются к *фактическим* основаниям [1, с. 1167].

Рассмотрим подробнее каждое из новых обстоятельств.

1) **Иные новые обстоятельства.** К ним могут быть отнесены: а) обстоятельства, которые свидетельствуют о **непричастности** осужденного к совершенному противоправному деянию и которые ранее были не известны суду; б) обстоятельства, свидетельствующие о совершении **менее тяжкого преступления**. Отметим, что согласно ч. 1 ст. 414 УПК РФ пересмотр судебного решения для улучшения положения осужденного процессуальными сроками не ограничен. Кроме того, даже в случае смерти осужденного инициировать процедуру возобновления возможно для реабилитации умершего.

С учетом того, что предусмотреть всю вариативность гипотетически возможных новых обстоятельств не представляется возможным, законодатель, помимо таких оснований, как исключение уголовной ответственности, ее усиление и признание нормативного акта не соответствующим Конституции РФ, либо использованным не в том толковании, которое дано Конституционным Судом РФ, предусмотрел основание, охватывающее своим объемом все остальные юридические факты, позволяющие возобновить производство по уголовному делу ввиду новых обстоятельств.

2) Случаи, когда **Конституционный Суд Российской Федерации своим постановлением признает примененный нормативный акт полностью или в части не соответствующим Конституции РФ**, либо соответствующим, но его применение расходится с его официальным толкованием. Данный механизм проверки за-

кона на предмет соответствия Конституции РФ может быть запущен как самим заинтересованным лицом, к которому был применен данный акт, так и после обращения иного лица.

3) Наступление новых, более опасных, последствий, которые могут повлечь за собой предъявление обвинения по более тяжкому преступлению.

Например, гражданин был осужден за причинение тяжкого вреда здоровью, а затем в случае смерти потерпевшего, наступившей вследствие травм, может появиться основание для возобновления производства.

4) ППВС РФ предусмотрено еще одно основание для возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств — «обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния» (п. 5 ППВС РФ № 43). К ним можно отнести основания для прекращения производства по уголовному делу (ст. 24 УПК РФ), а также амнистию и помилование. Например, в случае, когда лицо было осуждено за деяние, которое оно не совершало, можно говорить об отсутствии события преступления, а это позволит в соответствии с п. 5 ППВС РФ № 43 возобновить производство в связи *наличием обстоятельств, исключающих преступность деяния*, либо можно возобновить производство по *иным обстоятельствам*. К этому основанию относятся в т. ч. случаи, когда устанавливается непричастность осужденного к вмененному ему деянию.

В этой связи можно высказать гипотезу о том, что иногда для возобновления производства по уголовному делу подходят одновременно два новых обстоятельства. Полагаем, что в такой ситуации нужно руководствоваться конкретным обстоятельством, а именно ст. 24 УПК РФ, в которой дан перечень оснований прекращения возбужденного уголовного дела, поскольку такое основание, как «иные обстоятельства», должно охватывать все те случаи, которые не нашли своего отражения в тексте закона, поскольку законодатель их спрогнозировать не смог.

Предлагаем девятую по счету стадию уголовного судопроизводства именовать *инновационным производством по уголовному делу*, т. к. у сотрудников правоохранительных органов по-

являются новые доказательства, которые могут оказать влияние на вынесение итогового решения по делу.

Также предлагаем авторскую классификацию всей системы оснований (как новых, так и вновь открывшихся), позволяющих инициировать процедуру возобновления производства. *В зависимости от субъекта, причастного к совершению противоправного деяния:*

– **должностные:** преступные деяния, совершенные должностными лицами, которые повлияли на исход производства по уголовному делу; здесь же судебные ошибки, связанные с неустановлением объективной истины по делу, и, как следствие, вынесение неправомерного приговора.

– **вспомогательные:** когда противоправные действия совершены иными участниками (переводчиками, экспертами и др.).

– **личностные:** когда подсудимый признался в деянии, которое не совершал, или совершал в соучастии, но скрыл данный факт от судебных следственных органов; случаи, когда после совершения преступления наступили более тяжкие последствия, меняющие его квалификацию.

Всю совокупность имеющихся оснований можно подразделить на те, что улучшают процессуальное положение осужденного (например, выяснилось, что осужденный не совершал преступления), и на те, что его положение ухудшают (наступили более опасные последствия совершенного деяния). В основании данной классификации лежит процессуальное положение лица.

Предлагаем добавить пункт 4 в ч. 4 ст. 413 УПК РФ в систему новых обстоятельств: в случае признания судом решения прокурора о завершении производства по возобновленному делу и об отказе в подготовке заключения незаконным.

Полагаем, что именно система новых оснований действительно является потенциальным фактором, позволяющим отменить ранее вынесенный судебный приговор и разрешить дело по существу повторно с учетом обновления доказательственной базы (появление нового свидетеля, осуществление переводчиком правильного перевода, с учетом правильного экспертного заключения, без учета подложных вещественных доказательств).

Литература

1. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017.
2. О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 декабря 2021 г. № 43 // Российская газета. 2021. 22 дек. № 290.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: КЛАССИКА И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. В. Лантух,

кандидат юридических наук, доцент

Санкт-Петербургский университет МВД России

Классический уголовный процесс в нашем представлении — это те незыблемые, устоявшиеся основы отправления правосудия, производства по уголовным делам, которые послужили образцом для национальных процессуальных систем в различные исторические эпохи и в период преобразований и которые позволяют достичь его целей наиболее эффективно. Результативность процесса при определенном выстроенном правовом механизме указывает на возможность его «вечного употребления». Тернистый путь поиска такого механизма закономерно приводит законодателя и правоприменителя к «золотому сечению» уголовно-процессуального права, с помощью которого каждое следующее поколение юристов соизмеряет современность и прошлое.

С классикой уголовного процесса связаны, например, идеи состязательности и презумпции невиновности, верховенство суда и его независимость, баланс интересов сторон, а также разнообразные «гибкие» формы судопроизводства, в рамках которых целесообразнее осуществлять уголовно-процессуальную деятельность.

Несмотря на меняющиеся исторические, социально-экономические и политические условия, процессуальная классика остается почти математической константой для построения системы современных уголовно-процессуальных институтов.

В этой связи представляется, что и в настоящее время российское уголовное судопроизводство вряд ли отойдет от главных классических постулатов, форм и средств при организации и функционировании процессуальной системы. Безусловно, возникающие в последние годы вызовы преступности и возможности ответа на них со стороны государства ставят вопрос: по какому новому вектору будет развиваться современный уголовный процесс?

В настоящее время назрела необходимость пересмотра некоторых представлений о существующих устоявшихся институтах уголовно-процессуального права, требуют переосмысления те концепции, которые были сформированы еще в советский период, а также те, которые появились перед принятием современного Уголов-

но-процессуального кодекса Российской Федерации [3, с. 57–58]. Следует проанализировать качество и динамику проведенных за последние 20 лет преобразований [2, с. 43–44]. Некоторые реформы показали свою эффективность, поэтому их плоды следует упрочить и довести до крайней степени четкости и ясности [4, с. 129]. Другие же реформы, которые были сопряжены с непоследовательностью в создании уголовно-процессуальных институтов и норм, отождествляемые порой с проводимым в правовом пространстве глобальным «экспериментом», надо подвергнуть ревизии и пересмотреть. Вместе с тем, учитывая совершенно новые реалии, возникающие в процессуальной сфере, необходимо создание современных правовых конструкций, обеспечивающих надлежащий порядок производства по уголовным делам [1, с. 17–18].

Анализ правоприменительной деятельности позволяет отметить следующие тенденции в постановке вопросов, ожидающих своего разрешения в теории и законодательстве:

- стремление к деформализации и универсальности уголовного процесса;
- расширение границ и возможностей в сфере доказательств и доказывания;
- ориентир на применение альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов;
- разрешение организационных и функциональных аспектов досудебного производства;
- создание определенности и упорядоченности в законодательной регламентации процессуального статуса субъектов уголовно-процессуальной деятельности;
- современные возможности применения новых научно-технических средств в процессе исследования обстоятельств уголовных дел; взаимодействия между субъектами уголовного судопроизводства и фиксации процессуально, криминалистически значимой информации.

Возможно, что в настоящий момент назрела необходимость в создании четко продуманной, структурированной, экономически обусловленной концепции досудебного производства, разработке доктрины процессуальных полномочий

следователя и дознавателя, изменения парадигмы доказательств.

Таким образом, классические теоретические конструкции требуют на сегодняшний день об-

новления и пополнения новыми идеями и разработками.

Литература

1. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
2. Григорьев В. Н. Уголовно-процессуальная форма или административный регламент: современные тренды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. С. 42–51.
3. Дорошков В. В. Стратегия развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 57–58.
4. Савельев К. А. Доктрина следственных судей нежизнеспособна (на примере «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права РФ» и «Гипотетической синтезирующей модели предварительного расследования» А. В. Смирнова) // Вестник Самарского университета. 2016. Т. 2. С. 128–130.
5. Черняев Н. А. Некоторые тенденции развития российского уголовного процесса // Молодой ученый. 2023. № 19 (466). С. 436–438. URL: <https://moluch.ru/archive/466/102469/> (дата обращения: 10.06.2024).

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИИ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В. С. Латыпов,

доктор юридических наук, доцент

Уфимский юридический институт МВД России

Современное уголовное судопроизводство России, регламентированное принятым в 2001 г. Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее — УПК РФ), позиционируется как состязательное, основанное на равенстве сторон. Однако всем, кто интересуется уголовным процессом с научной позиции, применяется закон, известно, что состязательность он приобретает лишь на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Существующая законодательно закрепленная правовая асимметрия в доступе сторон к возможности формирования доказательств по расследуемым уголовным делам, а тем более материалам уголовных дел на этапе проверки сообщения о совершенном или готовящемся преступлении свидетельствует о ярко выраженной монополии стороны обвинения в осуществлении процессуальной деятельности, основанной на равноправии сторон.

Озвученный процессуальный парадокс объясним **публично-правовым характером уголовно-процессуальной деятельности с ведущей ролью органов предварительного расследования, так называемых властных субъектов уголовно-процессуальных отношений**, а также

несовершенством подхода в определении трехзвенной системы процессуальных функций (ст. 15 УПК РФ).

Невозможно полноценное функционирование сложной, многогранной по своей правовой природе системы уголовно-процессуальных отношений между всевозможными участниками и субъектами уголовного процесса исключительно за счет реализации функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела.

Проведенные нами исследования позволили расширить представление о современной системе уголовно-процессуальных функций за счет выделения самостоятельной по отношению к основным функциям функции содействия правосудию [1].

Содержанием названной функции является процессуальная деятельность лиц с нейтральным по отношению к сторонам процессуальным статусом и не наделенных властными полномочиями, направленная на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду, способствующей установлению обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела по существу,

лицами, не наделенными властными полномочиями.

Указанная деятельность лиц, именуемых законодателем «иные» (гл. 8 УПК РФ), зачастую играет ключевую роль в отправлении правосудия, обеспечении равноправного, состязательного, всестороннего уголовного процесса, принятии законных и обоснованных процессуальных решений. К примеру, сложно представить хоть одно уголовное дело, в котором бы не было показаний свидетеля.

Подчеркнем, что проведенное историко-правовое исследование позволило установить, что к помощи лиц, оказывающих содействие правосудию, но не преследующих личный интерес в уголовно-правовых спорах, законодатель прибегал всегда. Даже в период разрешения правовых споров по законам первого писанного источника права — Русской Правды, — в эпоху Древней Руси, ключевая роль отводилась послухам и видокам, при отправлении правосудия в отношении «чужеземцев», торговцев, не знавших русского языка привлекались толмачи. На протяжении всех исторических этапов развития нашего государства вне зависимости от формы правления, политических режимов, правовой государственной идеологии законодательство всегда содержало нормы, регламентирующие привлечение и участие лиц, оказывающих содействие правосудию.

Вместе с тем следует констатировать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство нормативно не регламентирует данную функцию, в отличие, к примеру, от ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ.

Тема проводимой конференции заявлена как вызовы времени «от классического уголовного процесса к современному судопроизводству». Безусловно, вопрос о том, что следует считать классическим уголовным процессом, является дискуссионным, однако выделить одну из очевидных на сегодняшний день тенденций современного уголовного судопроизводства стоит. Речь идет о всестороннем применении информационных технологий. И, к сожалению, всесторонность заключается не только в возможности использования цифровых технологий в обработке больших объемов информации, оптимизации процесса фиксации или документооборота в целом, но и в способах совершения преступлений. Официальная статистика в этой части выглядит весьма тревожной. Так, согласно данным, представленным на сайте МВД России, за 2023 г., «каждое третье преступление совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В этой сфере зарегистри-

ровано на 29,7 % больше уголовно наказуемых деяний, чем в январе — декабре прошлого года» [2]. Качественное эффективное расследование уголовных дел по преступлениям, совершенным с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ), невозможно без применения специальных знаний сведущих лиц.

Выделение в общей системе уголовно-процессуальных функций нейтральной по отношению к основным функции содействия правосудию позволяет выявить особую роль лиц, оказывающих данное содействие.

Современная доктрина уголовно-процессуального права содержит в себе большое количество разного уровня исследований, посвященных анализу отдельно взятых аспектов вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие правосудию. Однако указанные исследования, как правило, не раскрывают сущность реализуемой данными лицами процессуальной деятельности, что позволило бы существенно дополнить и усилить полученные результаты. Учитывая, что институт содействия правосудию является межотраслевым, сложным, комплексным правовым институтом, включающим в свою структуру достаточно большое количество иных процессуальных институтов (институт свидетельских показаний, судебных экспертиз, понятий и пр.), и ввиду ограниченности формата проводимого исследования позволим себе выделить лишь некоторые перспективные с научной и практической точки зрения направления для дальнейших исследований, направленных:

– на определение субъектного состава лиц, оказывающих содействие уголовному правосудию, как обладающих установленным законом процессуальным статусом, так и не имеющих такового (педагог, психолог, врач и пр.);

– соотношение процессуальных прав, обязанностей, ответственности, условий и форм вовлечения лиц, оказывающих содействие правосудию в рамках уголовно-процессуального законодательства и Федерального закона Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»;

– определение исторических этапов развития института содействия уголовному правосудию;

– определение концептуальных основ межотраслевой конвергенции института содействия правосудию;

– выявление особенности правового регулирования деятельности, направленной на содействие правосудию, в зарубежных моделях уголовного судопроизводства;

– проведение структурного анализа порядка мер безопасности в отношении лиц, оказывающих содействие правосудию и условий применения уголовно-процессуальных

Литература

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 11.05.2024).
2. Латыпов В. С. Содействие отправлению правосудия в уголовном процессе России: концептуальные и нормативно-правовые основы: монография. М.: Юрлитинформ, 2024.

К ВОПРОСУ О НЕВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ В ФОРМИРОВАНИИ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Н. Ю. Лебедев,

доктор юридических наук, доцент

*Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации*

Уголовно-процессуальный институт, регулирующий порядок рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, на протяжении всего своего существования всегда находился в центре внимания как ученых, так практиков.

Позиции и мнения о целесообразности и эффективности исследования доказательств коллегией присяжных заседателей, а также объективности и справедливости принимаемого вердикта и на его основе вынесенного приговора во многом прямо противоположны. Условно ученых можно разделить на три группы. К первой группе можно отнести авторов, которые говорят о суде присяжных как о самом справедливом и беспристрастном суде, ко второй группе можно отнести ученых, наоборот, подвергающих данный суд самой жесткой критике, приводя факты его непрофессионализма, неэффективности и даже говоря о нем, как о причиняющем вред самой концепции осуществления правосудия.

В третью группу мы можем включить тех авторов, которые не отрицают саму идею существования суда присяжных, но указывают на различные проблемные аспекты, препятствующие эффективному его функционированию.

Например, Н. А. Дудко в своей публикации рассматривает вопросы соотношения терминов «суд присяжных» и «суд с участием присяжных заседателей», обосновывая вывод, что данные термины являются равнозначными и взаимозаменяемыми, обозначающими осуществление судебной деятельности присяжными заседателями [2, с. 26].

Интересным представляется сравнительно-правовой анализ регулирования деятельности суда присяжных в России и Великобритании, проведенный С. М. Курбатовой, который свидетельствует о том, что во многом причины, затрудняющие процесс формирования коллегии присяжных заседателей, схожи и связаны с игнорированием приглашений участвовать в осуществлении правосудия в качестве присяжного заседателя [3, с. 29].

По мнению Е. Б. Гришиной, несовершенство суда присяжных заключается в юридической некомпетентности самих присяжных заседателей, что приводит к вынесению необоснованных вердиктов [1, с. 60].

Учитывая, что суду присяжных подсудны уголовные дела особой тяжести, то немаловажными являются проблемные вопросы, связанные с обеспечением безопасности членов коллегии присяжных заседателей [4, с. 67].

Обеспокоенность ученых — процессуалистов и криминалистов несовершенством рассматриваемого института просматривается в разнообразии опубликованных работ.

В настоящих тезисах автором предпринята попытка представить еще один из проблемных аспектов рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей. Законодатель, хотя и не вводит прямого запрета на участие государственных и муниципальных служащих в коллегии присяжных заседателей, но совокупность норм, регулирующих порядок осуществления деятельности указанных лиц, при всем желании не позволит им принять предложение участвовать в формировании коллегии. Выделим два

аспекта, характеризующих данное обстоятельство и влияющих на возникновение правовых конфликтов.

Первый аспект связан с тем, что после утверждения коллегии присяжных заседателей каждый член коллегии по своему правовому положению приравнивается к судье и на него не только возлагается выполнение функции осуществления правосудия, но и он по своему положению приравнивается к статусу федерального государственного служащего. Соответственно, если даже представить, что государственный (муниципальный) служащий утверждается членом коллегии присяжных заседателей, возникает правовой конфликт, связанный с тем, что одно и то же лицо не может одновременно занимать две должности данного уровня. И хотя в Трудовом кодексе предусмотрена норма (ст. 170 ТК РФ), обязывающая работодателя освобождать работника от работы с сохранением за ним места работы на время исполнения им государственных или общественных обязанностей в случаях, если в соответствии с Трудовым кодексом и иными федеральными законами эти обязанности должны исполняться в рабочее время, но вряд ли было бы оправданно привлекать человека к выполнению одних государственных обязанностей с освобождением от других государственных обязанностей.

Второй аспект напрямую связан с первым, т. к. отправление правосудия членом коллегии присяжных заседателей предполагает его нахождение не по основному месту работы, а в зале судебного заседания, что по трудовому законодательству не является уважительной причиной отсутствия государственного (муниципального) служащего на работе. В то же время, даже если проработать законность отсутствия государственного служащего на рабочем месте во время

судебного заседания коллегии присяжных заседателей, нельзя забывать, что работа в коллегии предполагает компенсационное вознаграждение в размере одной второй части должностного оклада судьи этого суда пропорционально числу дней участия присяжного заседателя в осуществлении правосудия, но не менее среднего заработка присяжного заседателя по месту его основной работы за такой период, соответственно, государственный служащий одновременно будет получать две заработные платы из государственного бюджета при отсутствии на рабочем месте по основному месту работы (государственной службы).

Исходя из изложенного можно сделать вывод, что современная правовая конструкция регулирования деятельности государственных и муниципальных служащих препятствует возможности включения в коллегию присяжных заседателей определенной социальной группы лиц, не просто имеющих высшее образование, но и обладающих высокими профессиональными, управленческими и организационными компетенциями.

Решение данной проблемы видится во внесении соответствующих изменений как в уголовно-процессуальное, так и в трудовое законодательство.

Корректировки должны быть направлены на закрепление приоритетов в сторону участия государственных и муниципальных служащих в отправлении правосудия в качестве присяжных заседателей с возложением на них данных обязанностей без права отказаться, если нет других оснований для заявления отвода или самоотвода, с временным освобождением их от выполнения государственных обязанностей по основному месту работы на время разрешения уголовного дела.

Литература

1. Гришина Е. Б. Проблемы осуществления правосудия судом присяжных и тенденции развития суда присяжных в России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2020. № 3 (84). С. 59–64.
2. Дудко Н. А. Суд присяжных или суд с участием присяжных заседателей: проблемы терминологии // Юрислингвистика. 2022. № 26 (37). С. 26–32.
3. Курбатова С. М. Некоторые организационно-правовые аспекты суда присяжных по уголовным делам в Великобритании: обеспечение присяжными заседателями // Актуальные вопросы российского судопроизводства: сб. науч. тр. Красноярск, 2023. С. 29–32.
4. Петрова О. А., Кулаков А. Ф. Вопросы обеспечения безопасности присяжных заседателей в связи с расширением применения института присяжных заседателей в Российской Федерации // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 4 (18). С. 67–72.

ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И, КАК СЛЕДСТВИЕ, БЕСПОЛЕЗНОСТЬ ПСИХОЛОГА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Ю. В. Лебедева,

кандидат психологических наук, доцент

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

Затрагиваемая нами тема не ограничена актуальностью изучаемых учеными вопросов, связанных с тактическими особенностями участия психолога в уголовном судопроизводстве. В настоящее время в недостаточной степени уделяется внимание совершенствованию процессуального статуса психолога, что приводит к правовой неопределенности его участия в следственных действиях и требует незамедлительного определения роли психолога в уголовном судопроизводстве.

Необходимость такого определения является производной от тех социальных проблем, которые связаны с увеличением числа преступлений, совершаемых как несовершеннолетними, так и в отношении несовершеннолетних. В данном случае именно психолог способен не только содействовать обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетних, но также, обладая специальными знаниями, повысить эффективность проведения следственных действий и в целом способствовать скорейшему раскрытию преступления.

В свою очередь, выделенная нами проблема порождает необходимость разработки отдельной статьи УПК РФ, в которой были бы закреплены права психолога как участника уголовного судопроизводства, его обязанности, функции, формы участия (процессуальные), требуемая квалификация, регламент деятельности, поскольку неопределенность статуса психолога в действующем законодательстве порождает проблемы в правоприменительной практике.

Выделенная нами проблематика обсуждалась на конференциях различного уровня и представлена многочисленными работами ученых. Вопросами в области прав и обязанностей психолога занимались такие ученые, как В. Ю. Бородин, С. В. Сурменова, проблемами участия психолога в рассмотрении уголовных дел с участием несовершеннолетних занимались И. О. Антонов, Г. А. Миронова, об уровне квалификации психолога писали Х. А. Аккаева, А. С. Медведева и другие, вопросами участия психолога в предварительном расследовании и использования специальных психологических знаний в целях обеспечения уголовного судопроизводства интересовались Ю. М. Антонян,

Р. С. Белкин, В. В. Гульдман, А. В. Дулов, М. И. Еникеев, А. Р. Ратинов, Г. Г. Шиханцов и многие другие авторы.

В диссертационном исследовании С. В. Суверновой «процессуальный статус психолога как специалиста обосновывается обладанием специальными знаниями, которые применяются им в уголовном процессе с целью содействия в обнаружении, закреплении, изъятии доказательств, исследовании материалов уголовного дела для оказания помощи в постановке вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию» [2, с. 9]. Данного мнения об определении статуса психолога придерживается и М. А. Шувалова, которая подчеркивает «необходимость закрепления за педагогами и психологами статуса самостоятельного участника уголовного судопроизводства» [3, с. 202].

Говоря о производстве следственных действий, например таких как допрос, В. М. Бозров говорит о специфических функциях психолога, отличных от описываемых в ст. 58 УПК РФ. По его мнению, «специалист-психолог не может выполнять описанные в данной норме закона функции, и деятельность его должна быть сведена к работе не с вещественными доказательствами, а с доказательствами личными, причем такими, которые получают при допросе» [1, с. 90].

В целом отсутствие четкого процессуального статуса психолога не приводит к единству правоприменительной практики и порождает дискуссионность вопросов об объеме их полномочий, что служит обязательным условием участия конкретного лица в уголовном процессе. Поэтому первоочередными вопросами, требующими незамедлительной проработки, являются:

1) раскрытие уголовно-процессуального статуса психолога как основного субъекта психологического сопровождения несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве;

2) определение организационно-правовой основы участия специалиста-психолога в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу в суде первой инстанции, назнача-

емого постановлением, выносимым следователем, дознавателем или судьей;

3) выделение проблем правоприменительной практики с участием психолога в уголовном судопроизводстве и разработка рекомендаций для внесения в УПК РФ (действующие статьи) пунктов, закрепляющих права и обязанности психолога, а также разработка новых статей закона, определяющих и закрепляющих статус участника уголовного судопроизводства — психолога (по аналогии ст. 57 и 59 УПК РФ («Эксперт» и «Переводчик»)).

В предлагаемой статье УПК РФ должно найти закрепление статуса психолога в качестве специалиста на этапе досудебного и судебного производства по уголовному делу, что позволит исключить восприятие психолога как формального участника следственных действий и определить функции психолога, которые в настоящее время также не сформулированы в УПК РФ. Все сказанное обуславливает необходимость предложить внести в действующее законодательство следующие изменения:

1. Предлагается в п. 63 ст. 5 УПК РФ внести дополнения следующего содержания: психолог, детский психолог, педагог-психолог, занимающийся исследованиями поведения человека, имеющий профильное высшее оконченное образование и практикующий осуществление психологической помощи.

2. В части 1 ст. 191 УПК РФ исключить упоминание о возрасте в 16 лет, после которого педагога или психолога приглашаются в процесс

по усмотрению следователя, установив общий возраст обязательного участия в следственном действии в виде допроса педагога и психолога до исполнения лицу 18 лет. Соответственно, т. к. возраст обязательного участия педагога и психолога при проведении допроса составит 18 лет, исключить из ст. 191 УПК РФ часть 4.

3. Разработать ст. 58.1 УПК РФ, в которой будут прописаны цели привлечения специалиста-психолога, его права и обязанности, вопросы, которые он может решать исключительно с согласия следственного органа, ответственность, процессуальные формы взаимодействия с несовершеннолетними в рамках производства по уголовным делам, формы психологической помощи следственным органам при проведении следственных действий. Также необходимо указать, что деятельность специалиста-психолога на следствии может осуществляться только после вынесения постановления, момент участия специалиста-психолога (с момента возбуждения уголовного дела) и его обязательности.

Предложенные нами изменения в действующее законодательство, с нашей точки зрения, позволят перевести работу психологов в рамках участия в уголовном процессе на новый уровень, также более эффективно защищать права и законные интересы несовершеннолетних, устранить риски нарушения их прав следователями, дознавателями или судом. Кроме того, профессиональная помощь психологов существенным образом повысит эффективность решаемых следствием задач.

Литература

1. Бозров В. М. Психолог в качестве специалиста при производстве допросов в суде // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2018. Т. 28. Вып. 1.
2. Сурменова С. В. Участие психолога в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009.
3. Шувалова М. А. Участие психолога и педагога в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

К. К. Логачев

Барнаульский юридический институт МВД России

Предварительное следствие является ключевой формой предварительного расследования в уголовном процессе. Оно применяется при расследовании значительных преступлений, особенно тяжких и особо тяжких, где обеспечение защиты прав и законных интересов участников

играет решающую роль. Этот этап необходим для обеспечения справедливого и эффективного разбирательства по наиболее значимым уголовным делам.

В уголовно-процессуальном законодательстве нет четкой формулировки понятия оконча-

ния предварительного следствия, а в теории уголовного процесса понятие и сущность данной области науки разъясняются на основе разнообразных подходов.

Также в науке уголовного процесса нет строго определенной последовательности действий следователя при окончании предварительного следствия для всех случаев. Также не существует такой регламентации и в уголовно-процессуальном законодательстве. Поэтому, изучив законодательство и научные исследования, можно сказать, что окончание предварительного следствия — это комплекс действий, последовательность которых зависит от выбранной формы окончания расследования.

Например, по мнению С. Б. Россинского, на этапе окончания предварительного следствия следователь выполняет ряд важных действий и принимает решения, направленные на формирование обвинительного заключения или принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Вот некоторые ключевые аспекты деятельности следователя на этом этапе:

– анализ собранных материалов. Следователь рассматривает все собранные в ходе предварительного следствия материалы: показания свидетелей, заключения экспертов, документы, фото- и видеоматериалы и пр.;

– определение уровня достаточности доказательств. Следователь анализирует собранные доказательства и оценивает их достаточность для вынесения обвинительного приговора. Он должен убедиться, что у него есть достаточно оснований для предъявления обвинения;

– установление обстоятельств преступления. Следователь стремится полностью воссоздать обстоятельства преступления, выявить все ключевые моменты и детали, которые могут быть использованы в суде;

– решение о дальнейших действиях. На основе анализа доказательств следователь принимает решение о том, следует ли предъявить обвинение, завершить расследование из-за отсутствия достаточных доказательств или передать дело в суд;

– составление обвинительного заключения. В случае принятия решения о предъявлении обвинения следователь готовит обвинительное заключение, в котором излагаются основания для обвинения, описание преступления и приведение доказательств;

– подготовка к судебному процессу. Если дело направляется в суд, следователь готовится к участию в судебном процессе, подготавливает необходимые материалы и документы, а также

обеспечивает присутствие свидетелей и экспертов;

– взаимодействие с защитой и судебными органами. Следователь может взаимодействовать с адвокатами защиты, представителями обвинения и судьей для уточнения деталей дела, обсуждения вопросов по доказательствам и других важных аспектов [2, с. 155].

Таким образом, на этом этапе следователь принимает ключевые решения, которые могут существенно повлиять на ход судебного процесса и итоговое решение суда.

С. И. Голова считает, что в современном законодательстве уголовного процесса предусмотрено пять различных видов завершения следствия, каждый из которых представляет собой ответ на разнообразные ситуации, возникающие в процессе уголовного расследования:

– первый вид — постановление о прекращении уголовного дела — используется в случаях, когда имеющихся доказательств недостаточно для дальнейшего судебного разбирательства, либо когда отсутствует состав преступления. Это решение следователя направлено на эффективное управление судебными ресурсами и исключение ненужного продолжения уголовного расследования;

– второй вид — постановление о направлении уголовного дела в суд с вопросом о применении принудительных мер медицинского характера — возникает в случаях, когда подсудимый нуждается в медицинском вмешательстве, которое может быть применено только по решению суда. Это важное решение обеспечивает сбалансированность между правами подсудимого и общественной безопасностью;

– третий вид — составление обвинительного заключения — является заключительным этапом предварительного следствия и предполагает сбор и систематизацию всех доказательств, подтверждающих совершение преступления. Обвинительное заключение представляет собой обоснованный акт, который передается прокурору для рассмотрения дела в суде;

– четвертый вид — постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа — применяется в случаях, когда судебное разбирательство нецелесообразно и более подходящим вариантом является назначение штрафа;

– пятый вид — постановление о прекращении уголовного преследования в отношении несовершеннолетнего лица с применением принудительной меры воспитательного воздействия — предусматривает альтернативный спо-

соб реагирования на преступления несовершеннолетних, направленный на их социальную реабилитацию и воспитание [1, с. 89].

Таким образом, разнообразие видов завершения следствия позволяет эффективно учитывать особенности каждого уголовного дела, обеспечивая баланс между защитой прав подсудимых и обеспечением общественной безопасности.

В связи с вышеизложенным можно отметить, что термин «окончание предварительного следствия» объединяет различные виды (формы) завершения этапа предварительного расследования. Подобное объединение не случайно, т. к. эти виды имеют общую правовую природу

и подчинены схожим нормам регулирования. Поэтому изучение этих видов без учета общей направленности ограничивает полное понимание сущности заключительного этапа предварительного расследования. Интегрированный подход позволяет выявить взаимосвязи и взаимодействие между различными видами, что необходимо для более глубокого и полного понимания процессуальных особенностей заключительной стадии уголовного расследования. Такой подход способствует более эффективному анализу и пониманию заключительного этапа предварительного следствия, что, в свою очередь, может улучшить систему уголовного правосудия.

Литература

1. Голова С. И. Окончание предварительного следствия составлением обвинительного заключения: понятие, сущность, историческая ретроспектива // Общество и право. 2022. № 4.
2. Россинский С. Б. Обвинительное заключение как правоприменительный акт, завершающий предварительное следствие по уголовному делу // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ПРАВА НА ВОЗБУЖДЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ

О. Г. Михайлова,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

Первая обязательная стадия уголовного судопроизводства — возбуждение уголовного дела — традиционно является предметом острых юридических дискуссий. Очевидно, что правовая регламентация статуса различных участников стадии недостаточна. Полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела требуют, на наш взгляд, иного подхода и совершенствования.

Являясь должностным лицом, надзирающим за законностью проведения предварительной проверки в порядке ст. 144 УПК РФ [9], прокурор также наделен полномочием направлять в орган расследования постановление для принятия решения об уголовном преследовании, а также материалы прокурорской проверки, проводимой в соответствии с нормами федерального закона Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» [6]. Названное постановление и направленные вместе с ним материалы в ст. 140 УПК РФ рассматриваются как повод к возбуждению уголовного дела. Вместе с тем, осуществляя прокурорскую проверку, прокурор способен выявить признаки преступления, от-

граничить их от признаков административного правонарушения. Следует отметить, что, проводя проверку, прокурор весьма ограничен в процессуальных средствах. Органы предварительного следствия и дознания, напротив, обладают возможностью осуществления следственных, процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий. Итоговыми решениями проверки, проводимой в рамках ст. 144 УПК РФ, являются постановление о возбуждении уголовного дела либо постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, оба решения проверяются прокурором на предмет законности и обоснованности принятия.

Статистические данные свидетельствуют о том, что ежегодно отменяется значительное количество процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Означает ли это, что точка зрения прокурора на наличие признаков преступления часто не совпадает с позицией должностных лиц, проводящих проверку принимающих решение? Очевиден положительный

ответ на этот вопрос. Обратим внимание, что все значимые процессуальные решения — о движении уголовного дела, о прекращении уголовного преследования и (или) уголовного дела, окончание расследования с направлением дела в суд и др. — являются объектом оценки со стороны прокурора. При этом окончательное процессуальное решение принимается в соответствии с указаниями прокурора.

Широкие полномочия прокурора по отношению к органам предварительного расследования позволяют расценивать процессуальную фигуру прокурора как направляющую ход уголовного дела и влияющую на возникновение самого факта осуществления уголовного преследования. В ходе осуществления прокурорского надзора прокурором принимается ряд процессуальных решений, которые нацелены на обеспечение законности и обоснованности решений следователя и дознавателя.

Как один из ведущих представителей стороны обвинения, прокурор объединяет в своей деятельности надзорные полномочия и обвинительную функцию, что отвечает целям, стоящим перед уголовным судопроизводством. Вместе с тем отметим, что, отменяя постановление об отказе в возбуждении уголовного дела как незаконное, прокурор не вправе возбудить уголовное дело по имеющимся материалам, т. е. не вправе реализовать обвинительную функцию на данном этапе уголовного судопроизводства.

Согласимся с мнением В. М. Быкова о том, что в настоящее время полномочия прокурора необоснованно урезаны, особенно в стадии возбуждения уголовного дела [1, с. 32]. Норма ч. 2 ст. 21 УПК РФ указывает на то, что обязанность осуществления уголовного преследования возложена на прокурора наряду со следователем, органом дознания и дознавателем, обязывая указанных лиц при обнаружении признаков преступления принимать меры по установлению события преступления, а также изобличению лиц, виновных в его совершении. Ряд ученых-процессуалистов солидарны в том, что правильная оценка решений, принимаемых в стадии возбуждения уголовного дела, базируется на компетенции прокурора определять наличие или отсутствие состава, события преступления, его признаков и иных значимых обстоятельств, что имеет решающее значение для законности реше-

ния [2, с. 52; 7; 8, с. 15; 10, с. 33] и дает прокурору потенциальную возможность такое решение принять.

Вместе с тем в действующем уголовно-процессуальном законодательстве существует усложненная юридическая конструкция, предусматривающая фактическое «обращение» прокурора к следователю, дознавателю при объективной необходимости возбуждения уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ). Направление прокурором соответствующего постановления не означает, что будет принято решение о возбуждении уголовного дела. Кроме того, если решение об отказе в возбуждении уголовного дела по названному поводу принимается следователем, то оно может быть принято только с согласия руководителя следственного органа. Такая ситуация создает «процессуальный перекося», который в практике правоприменения осложняет взаимодействие правоохранительных органов, отрицательно влияет на процессуальные сроки и оперативность принятия решений, которая необходима в стадии возбуждения уголовного дела.

Верной представляется точка зрения Р. В. Жубрина о том, что «прокурор хотя и ограничен в полномочиях по осуществлению уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного судопроизводства, но продолжает играть основную роль в решении вопроса о продолжении уголовного преследования при утверждении обвинительных заключения, акта, постановления» [5, с. 23]. Разделяем мнение В. М. Быкова, который также отмечает дисбаланс полномочий прокурора: «...прокурор обращается со своим постановлением о возбуждении уголовного дела и решении вопроса об уголовном преследовании к следователю, за деятельностью которого он сам должен осуществлять надзор» и обосновывает необходимость предоставления прокурору права на возбуждение уголовного дела [1, с. 34].

Обобщая вышеизложенное, приходим к выводу, что возвращение прокурору права на возбуждение уголовного дела значительно облегчит процессуальное взаимодействие органов прокуратуры и предварительного расследования, сэкономит процессуальные сроки, документооборот, будет способствовать правильному и единообразному применению уголовно-процессуального закона.

Литература

1. Быков В. М. Правовое положение прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2016. № 11. С. 30–34.
2. Васильев О. Л. Поправки к Конституции РФ и изменение роли прокурора в отечественном уголовном процессе // Закон. 2017. № 3. С. 46–59.

3. Гатауллин З. Уголовное преследование как функция прокурора // Законность. 2010. № 2. С. 9–13.
4. Едигарьев Д. Е. Проблемы подготовки и применения актов прокурорского реагирования при надзоре за органами предварительного следствия // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 5. С. 27–32.
5. Жубрин Р. В. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2 (76). С. 22–31.
6. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.03.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Рыжаков А. П. Основные процессуальные решения стадии возбуждения уголовного дела. Комментарий к ст. 145 УПК РФ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Спесивов Н. В. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования // Законность. 2024. № 2. С. 13–17.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.05.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Шекшуева О. Н. Возбуждение уголовного дела: когда и почему // Российский следователь. 2022. № 9. С. 32–35.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В ПОРЯДКЕ, РЕГЛАМЕНТИРОВАННОМ ГЛАВОЙ 40 УПК РФ

М. В. Монид,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД России

Формулируя норму о назначении уголовного судопроизводства, в ст. 6 УПК РФ законодатель выделил в качестве одного из элементов защиту прав и законных интересов пострадавших от преступлений лиц и организаций. Непосредственные механизмы реализации указанных предписаний находят отражение в целом ряде норм УПК РФ, но насколько эти механизмы действенны в условиях устойчивой тенденции дифференциации процессуальной формы? В текущий период одним из наиболее востребованных целерантных производств в рамках российского уголовного судопроизводства продолжает оставаться особый порядок принятия судебного решения (гл. 40 УПК РФ).

Значимость рассматриваемого вопроса можно оценить даже исходя из того, что в ст. 42 УПК РФ, формирующей в общем виде процессуальный статус потерпевшего, включено положение, устанавливающее право потерпевшего заявить возражения против заявленного обвиняемым ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке. Согласие или несогласие потерпевшего

становится определяющим при выборе процессуальной формы, а также способно повлиять на возможности обжалования принятого судом итогового решения в дальнейшем. При этом потерпевший, так же как и обвиняемый, отказывается от реализации части своих прав в судебном заседании. Соответственно, решение потерпевшего должно быть осмысленным и основанным на понимании его сущности и правовых последствий как для самого потерпевшего, так и для обвиняемого (подсудимого). И если механизмы, гарантирующие добровольность и осознанность ходатайства обвиняемого, проработаны детально, то для потерпевшего они лишь обозначены в общих чертах. Согласно ст. 316 УПК РФ, обязанность произвести разъяснения потерпевшему о специфике процессуального порядка и последствиях постановления приговора без проведения ординарного судебного разбирательства, а также разъяснить у него отношение к ходатайству подсудимого возложена на председательствующего. Частный обвинитель не упомянут, предположительно ввиду особенности построения предложения в данной норме, начинающегося со слов:

«При участии в судебном заседании потерпевшего...», т. к. в отсутствие частного обвинителя некому будет поддерживать обвинение в суде. В некоторой степени рассматриваемые положения конкретизируются в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, уточнившего, что особенности процедуры должны быть разъяснены потерпевшему и частному обвинителю председательствующим [1], а также мировому судье необходимо выяснить позицию потерпевшего в рамках примирительной процедуры. Гораздо сложнее ситуация обстоит, если потерпевший дал согласие на уведомление посредством СМС-сообщений. Суд обязан убедиться в отсутствии у такого потерпевшего возражений против ходатайства обвиняемого о рассмотрении уголовного дела в порядке, регламентированном гл. 40 УПК РФ [2]. Кто именно, в каком порядке и в каком объеме при этом обязан сделать необходимые разъяснения потерпевшему, не конкретизировано.

Нормативно установлено (ст. 315 УПК РФ), что обвиняемый может заявить ходатайство о рассмотрении уголовного дела в порядке, регламентированном гл. 40 УПК РФ, по окончании предварительного расследования, после того, как ознакомится с материалами уголовного дела, либо в рамках предварительного слушания. По делам частного обвинения — в период от момента вручения заявления, поданного потерпевшим, и до момента отражения решения о назначении судебного заседания в соответствующем постановлении мирового судьи [2]. Для обвиняемого гарантии осознанности заявленного ходатайства подразумевают содействие и контроль со стороны как минимум двух юристов-профессионалов (защитник, участие которого обязательно, и судья, имеющий нормативно установленный алгоритм проверки заявленного ходатайства (ч. 4 ст. 316 УПК РФ)). Помимо этого, при разъяснении права на заявление соответствующего ходатайства, руководствуясь принципом, установленным ст. 11 УПК РФ, следователь (дознатель) также обязан будет сделать предварительные пояснения о содержании подобного рода ходатайства и специфике особого порядка принятия судебного решения. Потерпевший подобных гарантий не имеет. На момент окончания ознакомления потерпевшего с материалами уголовного дела соответствующее ходатайство обвиняемым еще не заявлено, и разъяснения следователя в указанный момент преждевременны и потенциально избыточны, если обвиняемый так и не решит воспользоваться своим правом заявить ходатайство. Кроме того, не обеспечивается выяснение, понятно ли потерпевшему существо обвинения, предъявленного обвиняемому.

Потерпевший уведомляется о наличии самого ходатайства и о сущности, последствиях особого порядка принятия судебного решения фактически судом. Выразить свою позицию по заявленному ходатайству он должен «здесь и сейчас», не имея достаточного времени обдумать свое решение и возможности получить дополнительную квалифицированную юридическую помощь, помимо разъяснений, сделанных председательствующим. Учитывая изложенное, представляется целесообразным нормативно регламентировать порядок разъяснения до начала рассмотрения уголовного дела в суде потерпевшему (частному обвинителю) сущности и последствий применения норм гл. 40 УПК РФ с составлением протокола, включающего развернутую информацию о положениях соответствующих норм, и вручением его копии потерпевшему (частному обвинителю).

Принимая во внимание значимость решения потерпевшего, полагаем, гарантии осознанности данного решения должны быть установлены законодательно и сформированы в формате процедуры, позволяющей потерпевшему получить квалифицированную юридическую помощь. Следует учитывать, что потерпевший, излагая свою позицию по существу ходатайства обвиняемого, существенным образом влияет как на процедуру рассмотрения уголовного дела судом, так и на судьбу самого обвиняемого. При этом потерпевший не обязан пояснять мотивы принятого решения. Подобный подход законодателя актуализирует проблему осознанности позиции потерпевшего в разрешении рассматриваемого вопроса.

Обязанность по разъяснению потерпевшему специфики процессуальной формы и нормативно установленных последствий (как материально-правовых, так и уголовно-процессуальных) регламентированного гл. 40 УПК РФ порядка может быть возложена на следователя (дознателя) — при заявлении ходатайства обвиняемым после ознакомления с материалами уголовного дела, суд — при заявлении ходатайства в ходе предварительного слушания, мирового судью — в ходе примирительной процедуры. Это даст возможность потерпевшему получить достаточно подробную, детальную информацию в письменном виде, обдумать ее, в т. ч. посредством изучения копии протокола, а не на слух, как это осуществляется в настоящее время. При необходимости потерпевший сможет принять меры по самостоятельному отысканию дополнительной информации или обратиться за консультацией к юристу-профессионалу, после чего уже непосредственно в судебном заседании изложить осмысленное, взвешенное решение.

Литература

1. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2010 № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2006 № 60. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ЗАКОННОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К. В. Муравьев,

доктор юридических наук, доцент

Академия управления МВД России

1. В отечественной правовой доктрине не утихает полемика о сущности и содержании законности и справедливости, их ценностном значении и критериях. Осмысление данных категорий выходит, собственно, за рамки уголовно-процессуального контекста, обращение к ним происходит при изучении в целом теоретико-правовых проблем построения государства, в связи с разработкой предложений по оптимизации правотворчества и правоприменения, что предполагает обращение исследователей не только к букве, но скорее к духу закона, к философии права.

Так, законность (в широком понимании) выступает в качестве политико-правового режима, а в узком (отраслевом, позитивном) значении представляет собой принцип, отражающий требование соблюдения содержания и формы закона [1, с. 46]. Причем законность предлагается рассматривать как общеправовой принцип, поскольку она является важнейшим условием правопорядка в различных сферах общественных отношений.

2. Особое значение законность приобретает в уголовно-процессуальном праве. В действующем УПК РФ название наиболее общего положения уголовного судопроизводства изменено по сравнению с наименованием идеи законности, действующей как общеправовой принцип в иных сферах. Вместе с тем «процессуальную» законность неправильно ограничивать лишь производством по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ), тем самым исключая его распространение на деятельность по рассмотрению сообщений о преступлениях и в особых производствах. Считаем, что более точным наименованием данного принципа может стать «законность уголовно-процессуальной деятельности».

Кроме того, норма, закрепляющая данный принцип, отражает обязанность соблюдения компетентными органами лишь должной процедуры производства. Однако главным правовым ориентиром, первоосновой ведения самой уголовно-процессуальной деятельности является законное применение норм УК РФ. На практике точность юридической оценки деяний явно недооценивается [3, с. 3]. Полагаем, что в формуле рассматриваемого принципа не менее важно отобразить необходимость основанного на всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств правильного применения уголовного, а в случаях ведения уголовно-процессуальной деятельности в рамках процедуры, предусмотренной ст. 399 УПК РФ, — и уголовно-исполнительного закона.

3. В Уголовном кодексе РФ принцип законности (ст. 3) закрепляется в тандеме с принципом справедливости. Последний предполагает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступное посягательство, должны соответствовать характеру и степени общественной опасности, а также обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ). В статутном уголовном праве закреплена еще одна важная идея справедливости: за одно и то же противоправное деяние никто не может нести уголовную ответственность дважды (ч. 2 УК РФ).

4. В УПК РФ «справедливость уголовно-процессуальной деятельности» не зафиксирована в качестве принципиального положения (гл. 2), хотя предложения об этом высказывались в литературе [2, с. 16–17]. Причем формальная справедливость предполагает обеспечение процедурных гарантий (равенства сторон, права на защи-

ту, на переводчика и т. п.). Нарушение данных гарантий — критериев справедливости, по сути, означает и нарушение принципа законности уголовно-процессуальной деятельности.

При материальном подходе к справедливости во главу ставится результат уголовно-процессуальной деятельности, поэтому рассматриваемая категория используется в качестве одного из критериев оценки итогового решения по уголовному делу. Так, в ч. 2 ст. 6 УПК РФ провозглашается, что назначению уголовного судопроизводства соответствует справедливое наказание. В статье 297 УПК РФ отмечается, что приговор суда должен быть не только законным, обоснованным, но и справедливым, и таким условиям он отвечает в тех случаях, когда решение суда постановлено в соответствии с требованиями кодекса и основано на правильном применении уголовного закона. Схожая установка по отношению к приговору содержится и в ч. 4 ст. 226.9 УПК РФ. Наконец, в ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ определяются случаи, когда приговор должен считаться несправедливым (антиподом справедливому): если назначено наказание, которое не соответствует тяжести преступления, личности осужденного либо по своему виду или размеру является чрезмерно мягким или суровым. Таким образом, в ряде норм уголовно-процессуального закона заложено материальное понимание справедливости, предполагающее требование не собственно к процедуре производства, а лишь к одному из возможных его результатов — обвинительному приговору с назначением наказания. Важно отметить, что на оправдательные приговоры, а также на обвинительные приговоры, постановленные без назначения наказания, требование справедливости формально не распространяется.

5. Общие требования к процессуальным решениям предъявляются ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Здесь закрепляется, что определения и постановления, которые выносятся в рамках уголовного судопроизводства, должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Об их соответствии условию справедливости не упоминается. Вместе с тем уголовный процесс может завершаться принятием решения, отражающим применение иных мер уголовно-правового характера, в частности судебного штрафа (гл. 51.1 УПК РФ). В рамках уголовно-процессуальной деятельности выносятся не только итоговые, но и предварительные процессуальные решения, обусловленные применением диспозиции (и гипотезы), а также санкции уголовно-правовых норм. Полагаем, что акты применения уголовно-

го закона, отражающие избрание мер пресечения и иных мер процессуального принуждения, выступающих особыми средствами уголовно-правового воздействия, продление сроков их действия в ходе производства по делу также должны соответствовать критерию справедливости (в материальном смысле) [4, с. 143–168]. Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание, что требование справедливости должно распространяться, помимо приговора, и на иные судебные акты, в т. ч. в досудебном производстве, — например, при решении вопросов, связанных с содержанием под стражей в качестве меры пресечения, это предполагает исследование судом фактических и правовых оснований для избрания или продления данной меры пресечения [5]. О. И. Цоколова верно указывает, что «справедливость в уголовном процессе проявляется тогда, когда должностные лица, осуществляющие судопроизводство, действуют по своему усмотрению и выбирают между несколькими возможными вариантами процессуальных решений», а потому считает, что «проблема справедливости выбора возникает и при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого» [6, с. 104]. Установление компетентным органом условий для избрания меры пресечения (а позднее и для ее продления) позволяет оказывать на лицо, преследуемое в совершении преступления, принудительное воздействие. Но выбор мер процессуального принуждения должен осуществляться в пределах санкции нормы УК РФ, при этом важно учитывать данные о личности правонарушителя. Подозреваемый, обвиняемый вправе рассчитывать на применение к нему лишь тех запретов и ограничений, которые вызваны необходимостью. Избрание наиболее строгих мер пресечения допускается в случаях невозможности применения более мягкой меры воздействия (ч. 1 ст. 105.1, ч. 1 ст. 107 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ).

Таким образом, при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности законность и справедливость (в формальном, процедурном смысле) фактически совпадают. Вместе с тем «материальная» справедливость не должна ограничиваться лишь правильностью итогового решения по уголовному делу. Применяемые в ходе уголовного процесса к потенциальному правонарушителю меры процессуального принуждения должны быть в равной степени справедливыми, т. е. соответствовать и тяжести содеянного, и личности преследуемого лица, а выступающие их содержанием запреты и ограничения не могут являться чрезмерно мягкими или суровыми.

Литература

1. Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2006.
2. Гуляев А. П. Задачи и принципы уголовного процесса (состояние и перспективы правового закрепления) // Совершенствование норм и институтов Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: мат-лы межвуз. научно-практ. конф-ции. Омск, 2006.
3. Гуляев А. П. Концепция реформирования предварительного расследования преступления // Российский следователь. 2012. № 11.
4. Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017.
5. По делу о проверке конституционности ряда положений УПК РФ, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2005 г. № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Цоколова О.И. Есть ли справедливость на досудебных стадиях уголовного судопроизводства? // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе Российской Федерации: мат-лы Междунар. научно-практ. конф-ции, посвящ. 80-летию засл. юриста РФ, д. ю. н., проф. А. П. Гуляева. М., 2014.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМУЛИРОВАНИЯ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ТЕЗИСА ПРИ ХИЩЕНИИ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА, А РАВНО В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

А. В. Павлов,

кандидат юридических наук, доцент

Омская академия МВД России;

А. А. Сковородко

Следственное управление УМВД России по г. Омску

В связи с развитием технического прогресса, который дал возможность практически каждому гражданину Российской Федерации иметь в своем владении, пользовании и распоряжении банковские карты, оборудованные чипом, позволяющим осуществлять расчеты на кассах в различных торговых организациях с помощью бесконтактного способа оплаты, в обществе широко распространились преступления, связанные с кражей с банковского счета, состав которого предусмотрен п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ — кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств¹. Оп-

тимизации изобличительной деятельности могут способствовать рекомендации по формулированию обвинительного тезиса по данной категории противоправных деяний. Рекомендации подготовлены на основе примеров из отдельных обвинительных тезисов: 27.10.2023 не позднее 16 часов 28 минут, более точное время в ходе следствия не установлено, Клевцова Е. Г., находясь на крыльце ТК «Терминал», расположенного по адресу г. Омск, пр-т Мира, д. 9б, обнаружила утраченную Ивановым А. В. по собственной невнимательности банковскую карту ПАО «Сбербанк России» № 5484 0955 6972 1319², не представляющую материальной ценности.

Прежде всего необходимо установить время, в которое подозреваемый нашел банковскую карту, а также место ее обнаружения им.

1. Время обнаружения банковской карты. Временем обнаружения будет являться период, предшествующий совершению подозреваемым первой операции по списанию денежных средств с не принадлежащей ему банковской карты.

¹ По данным отчетности формы федерального статистического наблюдения 1-ЕМ, в ОРПТО ОП № 7 СУ УМВД России по г. Омску только за 2023 год было возбуждено 136 уголовных дел по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, что составляет 17,07 % от общего числа краж (ст. 158 УК РФ), зарегистрированных на территории Советского административного округа г. Омска. (Статистические данные указаны согласно отчетности формы федерального статистического наблюдения 1-ЕМ за 2023 г. в ОРПТО ОП № 7 СУ УМВД России по г. Омску.)

² Персональные данные изменены.

Предлагаем несколько способов решения данной задачи:

– истребовать выписку о движении денежных средств по счету / банковской карте у потерпевшего. Владелец банковского счета вправе истребовать у банка соответствующую выписку, в которой будут указаны дата, время, а также торговые точки, в которых совершались операции по списанию денежных средств в интересующий следствие период времени. Выписку следует осмотреть, признать вещественным доказательством;

– изъять скриншоты из приложения личного кабинета банка потерпевшего, в которых будут отражены время совершения операций по списанию денежных средств;

– направить запрос через Систему получения сведений (далее — СПС). Указанный способ является инновационным в системе МВД России. СПС — сервис в системе ИСОД МВД России (Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России), позволяющий с рабочего компьютера следователя напрямую и быстро направлять запрос в банк. Доступны несколько типов запросов: на предоставление сведений о движении денежных средств за определенный период по банковской карте / счету; на предоставление информации о счетах, открытых на определенное лицо (при указании его анкетных данных) в банке, на установление банковских карт, привязанных к определенному счету. Уникальность сервиса СПС состоит в том, что получить ответ на запрос можно в течение суток.

Нередки случаи, когда владелец утерянной банковской карты не может вспомнить ее номер, назвать номер счета, откуда произошли неправомерные списания денежных средств, а также место его открытия. СПС является средством быстрого получения доступа к указанной информации. В ответе на запрос банк предоставит расширенную выписку о движении денежных средств, где будет указано время операций с точностью до секунд, их типы, а также сумма каждой из них.

2. Место обнаружения банковской карты. Устанавливается в ходе допроса подозреваемого, а также через проведение проверки показаний на месте, осмотра места происшествия. В ходе них последний пояснит, в каком месте обнаружил банковскую карту, которой в последующем решил распорядиться по своему усмотрению.

На основе установленных обстоятельств сформулируем первый абзац обвинительного тезиса: «27.10.2023 не позднее 16 часов 28 минут, более точное время в ходе следствия не

установлено, Клевцова Е. Г., находясь на крыльце ТК “Терминал”, расположенного по адресу г. Омск, пр-т Мира, д. 9б, обнаружила утраченную Ивановым А. В. по собственной невнимательности банковскую карту ПАО “Сбербанк России” № 5484 0955 6972 1319, не представляющую материальной ценности».

Обращаем внимание на последнюю фразу: «...не представляющую материальной ценности». В данной категории деяний, как и при расследовании других преступлений против собственности, важно оценить все утраченное потерпевшим имущество. Как правило, сама банковская карта материальной ценности не представляет, т. к. она является лишь ключом доступа к банковскому счету, на котором находятся денежные средства, и лицо при открытии счета получает ее от банка безвозмездно.

Затем необходимо описать субъективную сторону преступления, указав вину, мотив и цель: «Осмотрев банковскую карту, зная, что банковская карта потеряна кем-то, Клевцова Е. Г. обнаружила, что банковская карта обеспечивает доступ к кредитному счету ПАО “Сбербанк России” № 40816510847702918928, открытому в отделении ПАО “Сбербанк России” по адресу г. Омск, ул. Заозерная, д. 26, на имя Иванова А. В. бесконтактным способом через сеть Wi-Fi без подтверждения доступа. Нуждаясь в деньгах, Клевцова Е. Г. решила совершить хищение денег с кредитного счета Иванова А. В. и распорядиться ими по своему усмотрению».

Следует указывать вид счета (кредитный или расчетный), номер счета, к которому привязана банковская карта и место его открытия, а также необходимо указать, что банковская карта бесконтактным способом обеспечивает доступ к счету через сеть Wi-Fi без подтверждения доступа (т. е. без ввода соответствующего ПИН-кода).

В обвинительном тезисе необходимо изложить способ и время совершения преступления, при этом продолжая описывать субъективную сторону: «Реализуя свой преступный умысел, направленный на хищение принадлежащих Иванову А. В. денежных средств с кредитного счета № 40816510847702918928, Клевцова Е. Г., действуя с целью наживы, из корыстных побуждений, используя банковскую карту ПАО “Сбербанк России” № 5484 0955 6972 1319, путем оплаты покупок безналичным способом через электронные средства платежа в различных торговых организациях, расположенных на территории г. Омска, вводя продавцов торговых организаций в заблуждение относительно принадлежности указанной карты, выступая в качестве вла-

дельца банковской карты и производя оплату приобретенных ею товаров, 27.10.2023 в период времени с 16 часов 28 минут до 16 часов 52 минут тайно, умышленно похитила с кредитного счета № 40816510847702918928, открытого в ПАО «Сбербанк России», принадлежащие Иванову А. В. денежные средства в общей сумме 5633 рубля 63 копейки (время омское):...».

Обратим внимание: в силу того что в выписках о движении денежных средств указывается московское время, в обвинительном тезисе перед описанием самих неправомερных операций стоит указать, что они были совершены по местному времени. Необходимо указать, что лицо при реализации своего преступного умысла осуществляло оплату покупок безналичным способом через электронные средства платежа в различных торговых организациях, вводило продавцов в заблуждение относительно принадлежности карты — выступало в качестве ее владельца.

Итак, по данному виду преступлений необходимо установить: место и время обнаружения

лицом банковской карты; представляет ли утраченная банковская карта материальную ценность для ее владельца; вид счета, к которому была привязана утраченная банковская карта и с которого были похищены денежные средства; место открытия счета, с которого были похищены денежные средства. При этом необходимо указать, что банковская карта бесконтактным способом обеспечивает доступ к счету через сеть Wi-Fi без подтверждения доступа (т. е. без ввода соответствующего ПИН-кода); лицо при реализации своего преступного умысла осуществляло оплату покупок безналичным способом через электронные средства платежа в различных торговых организациях, вводило их продавцов в заблуждение относительно принадлежности карты — выступало в качестве ее владельца; точные и юридически правильные наименования торговых организаций, в которых лицо совершило неправомερные операции; неправомερные операции были совершены по местному времени.

О НЕОБХОДИМОСТИ ДОПОЛНЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НОРМОЙ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНУЮ ДЕЕСПОСОБНОСТЬ

А. А. Свяженина

Уфимский юридический институт МВД России

Выступая в качестве особого вида отношений, правоотношения (также правовые отношения, юридические отношения) между субъектами общества нередко определяются как продукт взаимодействия людей, органически связанный с правом [3, с. 183]. Право, являясь одним из господствующих регуляторов общественных отношений, в чем заключается его превалирующее назначение, координируя, стабилизируя поведение людей, придает тем самым им (отношениям) правовую форму. Наряду с правовой обусловленностью одной из главных отличительных особенностей данного вида общественных отношений является его структура, состоящая из объекта, субъекта, субъективных прав и юридических обязанностей. Все представленные элементы правоотношений не являются объектами нашего исследования, поэтому в рамках данной научной статьи мы обратим пристальное внимание лишь на субъекты.

Являясь самостоятельными участниками правовых отношений, субъекты права, под которыми подразумеваются люди, объединения,

в зависимости от определенных условий и обстоятельств становятся полноправными носителями прав и обязанностей. Признаваемая в качестве абстрактной возможности иметь установленные законом права и обязанности способность быть непосредственным их носителем обусловливается как правоспособность лица. Подчеркнем, правоспособность не указывает на прямое правообладание, а лишь констатирует постулируемую способность. Другим немаловажным элементом правосубъектности является дееспособность, констатирующая не только возможность становиться правообладателем, но и способность реализовывать права и обязанности посредством своих действий, нести ответственность за наступившие последствия, а также становиться, повторимся, самостоятельным участником правоотношений.

Намечая контуры научного исследования, важно указать следующее: на сегодняшний день в господствующих воззрениях ведущих ученых, специализирующихся на вопросах теории государства и права, четко определены виды право-

способности и дееспособности. К примеру, авторы точно убеждены в необходимости выделения в качестве самостоятельных видов общей, отраслевой и специальной правоспособности [3, с. 184]. Касаясь способности осуществлять собственным поведением права, обязанности, быть ответственным за наступившие последствия, мы констатируем необходимость дифференциации субъектов правоотношений на полностью дееспособных (лица, достигшие совершеннолетия), ограниченно (частично) дееспособных (согласно общим представлениям теории государства и права — лицо в возрасте от 14 до 18 лет), а также недееспособных (соответственно, от 0 до 14 лет). Подчеркнем, иных классификаций относительно видов, типов, форм дееспособности фундаментальные науки не предлагают.

Тем не менее, исходя из особенностей многих отраслевых наук, невольно складывается четкое убеждение о необходимости введения на прикладном уровне «отраслевой дееспособности». Опережая возникновение научных дискуссий, поясним важность и значимость введения в понятийный аппарат данной категории.

Оценивая как положительный гражданско-правовой опыт, необходимо отметить, что в ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) дается определение понятия гражданско-правовой дееспособности, коррелирующее с общепринятыми положениями о ней, но с указанием на отраслевую принадлежность [2]. Ограниченно дееспособным признаются лица в возрасте: а) от 14 до 18 лет; б) от 6 до 14 лет. Представленная дифференциация участников гражданско-правовых отношений приведена не зря, а для того, чтобы соотнести психоэмоциональные, социально-психологические и когнитивные особенности лица с возможностью реализации определенного правового статуса (положения). То есть от достижения конкретно установленного законодательством возраста объем прав и обязанностей варьируется, разумеется, изменяется и способность к их реализации. Отметим, лиц в возрасте от 0 до 6 лет законодатель вообще определяет недееспособными, иными словами, не обладающими способностью реализовывать какие-либо отраслевые права и обязанности, таким образом, становиться участниками данных правоотношений.

Переноса данный опыт в иные отрасли наук, в частности в уголовно-процессуальное право, представляется необходимым отметить, что лица, обладающие определенной «уголовно-процессуальной самостоятельностью» в правоотношениях, вне зависимости от выполняемых функций уголовного процесса приобретают для

себя отраслевые субъективные права и юридические обязанности, предусмотренные законодательством. Реализация их возможна лишь в уголовно-процессуальных отношениях, где способность реализации все же зависит не только от достижения определенного возраста, но и от факта вовлечения в конкретные правоотношения.

Так, согласно ч. 2 ст. 28 ГК РФ малолетний, т. е. лицо в возрасте от 6 до 14 лет (который, согласно положениям теории государства и права, признается недееспособным), вправе самостоятельно совершать ряд малозначительных сделок, в т. ч. связанных с безвозмездным получением выгоды, по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем, и др. Подобного положения в уголовно-процессуальном законодательстве не предусмотрено. Уголовно-процессуальное законодательство, как правило, определяет общие права, обязанности, запреты, но с некоторыми изъятиями для ряда отдельных категорий участников судопроизводства (в частности, лиц, не достигших совершеннолетия).

Поэтому в целях конвергенции, ориентированной на сближение правовых положений некоторых отраслевых наук, предлагается дополнить отечественное уголовно-процессуальное законодательство похожей нормой (уголовно-процессуальная дееспособность), позволяющей достичь многих целей:

1. Определить таким образом способность участия в уголовно-процессуальных отношениях каждого участника, вне зависимости от осуществляемой им функции (защиты, обвинения либо же функции оказания содействия правосудию [2, с. 213]), но с учетом психоэмоционального состояния, социально-психологических и когнитивных особенностей лиц, не достигших 18 лет. Полагаем, что предпринятые меры позволят оградить ребенка от негативного влияния уголовного судопроизводства на его развитие.

2. Установить точный, зависящий от психоэмоционального состояния объем субъективных прав, юридических обязанностей, запретов и ограничений, приобретаемый при достижении конкретного возраста.

Представленная норма необходима в особой степени для унификации и приведения в соответствие отечественного законодательства, а также регулирования участия лиц, не достигших совершеннолетия, в отправлении правосудия.

В представленной статье вопрос, касающийся уголовно-процессуальной дееспособности, не раскрыт: он лишь поверхностно обозначен. Хотелось бы надеяться, что высказанные здесь авторские идеи найдут свое отражение, а также поддержку у исследователей, что позволит развить их и претворить в жизнь.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994. Часть первая: принят Государственной Думой Российской Федерации 21 октября 1994 г.; утв. Федеральным законом Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Латыпов В. С. Оказание содействия иными участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными главой 8 УПК РФ: монография. М., 2018.
3. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М., 2004.

УДОСТОВЕРЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОБРАЩЕНИЙ, ПОДАННЫХ В ФОРМЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТА В ОРГАН ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

А. Ю. Сологубов

Академия управления МВД России

Современный мир изобилует разнообразными техническими средствами и возможностями. Информационно-телекоммуникационные технологии проникают и внедряются во все сферы жизни общества. Уголовное судопроизводство не осталось в стороне, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) реформируется под действием перехода отдельных институтов на рельсы цифровой трансформации: использование при производстве отдельных следственных действий системы видео-конференц-связи (ст. 189.1 УПК РФ); электронные обращения участников уголовного судопроизводства в органы правосудия, предварительного расследования и прокуратуры (ст. 474¹, 474² УПК РФ) и т. д.

Безусловно, цифровые технологии привносят положительные моменты, к которым вполне объективно можно отнести разгрузку органов следствия, дознания, прокуратуры, суда; сокращение бумажного документооборота; сокращение сроков при направлении копии процессуальных решений и др. Однако, с другой стороны, появляются иные проблемы, вытекающие из такого рода нововведений.

Ни для кого не секрет, что подпись, выступая аутентификатором личности, является удостоверяющим механизмом в уголовном судопроизводстве. К тому же подпись служит предохраняющим механизмом от различных форм ложных свидетельств и т. п. Так, при применении новых технологий на смену подписи физической приходит электронная, понятие которой нормативно закреплено в п. 1 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ. Его суть состоит в представлении информации в электрон-

ной форме, которая, во-первых, присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и, во-вторых, используется для определения лица, подписывающего информацию. Профессор Л. В. Головкин считает, что нет разницы, какая подпись используется (собственноручная или электронная), речь все равно идет о сугубо технической, а не уголовно-процессуальной проблеме [2, с. 18].

Введенная не так давно в УПК РФ статья 474.2 полностью пронизана употреблением термина «электронная подпись». В частности, в указанной статье закреплено положение, позволяющее подать обращение в орган предварительного расследования, прокуратуру в форме электронного документа, который должен быть подписан усиленной квалифицированной электронной подписью. Целесообразно ли использование именно такой подписи?

А. И. Халлиулин задолго до введения нормы об электронном документообороте предлагал закрепить для процессуальных документов, выполненных в электронной форме, обязательный реквизит — усиленную квалифицированную подпись, подчеркивая, что у участника уголовного судопроизводства должна быть техническая возможность использовать ее [4, с. 1230].

В данном случае мы разделяем позицию профессора О. В. Химичевой и О. А. Мотякова, которые вполне логично констатируют, что «установление при подаче жалобы в электронном виде требования ее подписания только усиленной квалифицированной электронной подписью вряд ли целесообразно в силу того, что не каждый участник уголовного судопроизводства обладает такой подписью. В данном случае пра-

во участника на обжалование будет серьезно ограничено». Авторы считают, что идентифицировать личность заявителя можно будет в ходе проверки по каждой поступившей жалобе [5, с. 128]. Аналогичной позиции придерживаются профессора О. И. Андреева и О. А. Зайцев, отмечающие, что «использование цифровых технологий не должно вызывать затруднений у частных лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство» [1, с. 191].

Для полноценного перехода на рельсы электронного документооборота в уголовном судопроизводстве необходимо, как один из вариантов, обеспечить всех граждан такими подписями. Однако думается, что исполнить в действительности данный тезис на сегодняшний день трудно и не вполне осуществимо.

В качестве альтернативы можно использовать для удостоверения электронных обращений простую электронную подпись, которая состоит из различных кодов, паролей или иных средств, подтверждающая факт формирования электронной подписи определенным лицом. В данном случае необходимо создать качественную платформу для подачи и в последующем аккумулирования данных обращений. Думается, «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» способен стать таким прообразом. Факт подписания будет удостоверяться ознакомлением с информацией, а также введением СМС-кода, который будет приходить на абонентский телефон обращающегося пользователя. К примеру, О. В. Овчинникова для обеспечения цифрового равенства предлагает предусмотреть альтернативную форму подачи заявления о преступлении на портале государственных услуг с идентификацией по электронной подписи, номеру мобильного телефона или биометрическим данным [3, с. 267].

Как один из вариантов, стоит предложить использование электронного образа документа, т. е. документа, который изначально был создан на бумаге, а затем переведен в электронный вид (например, отсканированная письменная жалоба, где в графе «Подпись» будет стоять физическая подпись участника уголовного судопроизводства).

Резюмируя, подведем итог: электронное обращение в органы предварительного расследования — актуальное и перспективное направление на пути цифровой трансформации. Однако стоит пересмотреть нормы, позволяющие осуществлять его. Так, целесообразно рассмотреть вопрос о простой электронной подписи, которой могут быть заверены поданные обращения от всех невластных участников уголовного судопроизводства. В противном случае право на обращение в органы предварительного расследования будет существенно нарушаться. Оформление данной подписи может занять определенное время, что вызовет промедление и волокиту (например, если потерпевший находится вне места производства предварительного расследования и существует необходимость подать заявление об отказе в ознакомлении с материалами уголовного дела). В свою очередь, всех должностных (властных) участников стоит оснастить полным инструментарием усиленной квалифицированной подписи. Законодателю следует подходить более обдуманно к конструированию и информационному наполнению процессуальных норм, регламентирующих аспекты цифрового перехода. Необходимо опираться на научные труды и воззрения ученых-процессуалистов, передовой следственный опыт, сопутствующие ему типичные ошибки и проблемы.

Литература

1. Андреева О. И., Зайцев О. А. Правовое регулирование уголовно-процессуальных отношений в цифровую эпоху // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 190–198.
2. Головкин Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
3. Овчинникова О. В. Цифровизация уголовного процесса как фактор реализации прав потерпевшего // Виктимология. 2022. Т. 9, № 3. С. 264–271.
4. Халиуллин А. И. Электронная подпись в уголовном процессе России // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6 (43). С. 1228–1231.
5. Химичева О. В., Мотякова О. А. Электронная жалоба в досудебном уголовном производстве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 124–128.

МЕСТО И НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ

А. Ю. Телевицкая

Нижегородская академия МВД России

Место и в целом назначение уголовного судопроизводства рассматриваются в доктрине уголовного процесса на двух уровнях, а именно конституционном и уголовно-процессуальном.

Конституционный уровень представляет собой более широкое толкование назначения уголовного судопроизводства, а именно осуществление правосудия только судом, приоритет прав и свобод человека и гражданина, наличие презумпции невиновности и другие основополагающие идеи отечественного уголовного процесса. Уголовно-процессуальный уровень в узком смысле представляет собой назначение уголовного судопроизводства, которое закреплено в ст. 6 УПК РФ.

В данной статье раскрываются два основных направления уголовно-процессуальной деятельности, из которых и состоит назначение уголовного судопроизводства: защита потерпевшего и защита подозреваемого (обвиняемого). В свою очередь, два вышеупомянутых направления можно объединить четырьмя условиями, которые должны соблюдаться в ходе уголовного судопроизводства для полноты реализации его назначения.

1) Восстановление нарушенных прав.

Иными словами, речь идет о сумме причиненного ущерба в результате совершения преступления. Соответственно, на органы предварительного расследования возложены обязанности в установлении точной суммы причиненного ущерба; обязанность по возмещению данной суммы в рамках действующего законодательства, а также обязанность по урегулированию материальных отношений между потерпевшим и подозреваемым (обвиняемым). Данные обстоятельства всегда учитываются судьей при рассмотрении уголовного дела в суде, поскольку одной из задач судебного разбирательства является восстановление нарушенных прав граждан в части причиненного им ущерба.

2) Привлечение лица к уголовной ответственности.

Уголовное судопроизводство нацелено на привлечение виновного лица к уголовной ответственности. Сама процедура судебного разбирательства имеет воспитательный характер, заставляет лицо претерпевать негативные последствия,

нести ответственность за свои противоправные поступки [2, с. 213]. Уголовное судопроизводство является своего рода посредником между государством и виновным лицом, устанавливает между ними уголовно-правовые отношения, заключающиеся в обеспечении государством условий пребывания лица в местах лишения свободы и в претерпевании виновным лицом уголовного наказания [1, с. 109].

3) Объективное и правильное применение закона.

Суд — это орган, который уполномочен осуществлять правосудие, выносить приговоры подсудимым, избирать меру пресечения и место предварительного заключения. При этом судебный орган является своего рода эталоном правильного толкования настоящего законодательства и гарантирует объективность и законность принятых решений. В связи с этим судья всегда тщательно подходит к материалам уголовного дела, к тем постановлениям и ходатайствам, которые приносит следователь (дознатель), поскольку от его решения зависит судьба человека.

Уголовное судопроизводство отличается от всех других видов судопроизводства тем, что речь всегда идет о жестких ограничениях конституционных прав и свобод человека, что всегда будет подлежать обжалованию. Вышеперечисленным и объясняется уголовно-правовая специфика судебного разбирательства, поскольку она требует от судьи объективности, беспристрастности и законности при вынесении того или иного приговора.

4) Справедливое судебное разбирательство.

Когда речь заходит о справедливости судебного приговора, то всегда вспоминаются ст. 297 и ст. 6 УПК РФ, где говорится о соразмерности уголовного наказания, которое было применено к лицу, с тем общественно опасным правонарушением, которое было совершено последним. То есть законодатель четко обозначил следующую позицию: на виновное лицо не может быть возложено то наказание, которое не предусмотрено настоящим уголовным законодательством, а также наказание, превышающее допустимые рамки. УК РФ написан таким образом, что для судьи четко обозначены те рамки наказания, которые дозволено применять к виновному лицу.

При этом судья в своем приговоре обосновывает, по какой причине было выбрано то или иное наказание и его срок [3, с. 36].

Назначение уголовного судопроизводства всегда способствует развитию и расширению судебной практики, поскольку каждое судебное заседание и каждое уголовное дело должно рас-

сматриваться индивидуально, с учетом своих особенностей и обстоятельств, что будет способствовать соблюдению объективности и законности при принятии решения и способствовать реализации назначения уголовного судопроизводства.

Литература

1. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учеб. пособие. М.: Проспект, 2020. 304 с.
2. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Ленанд, 2016. 344 с.
3. Скурко Е. В. Состязательный процесс. М.: Юридический Центр, 2018. 66 с.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ОТВОДА СУДЬИ

А. А. Топчиев

Академия управления МВД России

Всеобщая декларация прав человека 1948 г. определила целый спектр исходных положений, которые нашли свое отражение как в Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), так и в принципах уголовно-процессуального права России. В этой связи в рамках данного исследования особую роль играют принцип равенства каждого перед законом и судом, а также наличие права на справедливое и гласное судебное разбирательство компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основе закона [2]. Выполнение требования беспристрастности и независимости является одним из ключевых факторов в вынесении судьями законных, обоснованных и мотивированных решений в целях соблюдения и реализации прав граждан. Как справедливо отмечает профессор В. Е. Чугунов, «в составе суда не должны участвовать лица, которые по причине тех или иных обстоятельств лично, прямо или косвенно заинтересованы в исходе дела, и можно ожидать, что они не будут действовать с необходимой беспристрастностью и объективностью и их участие поставит под сомнение в глазах граждан объективность и правильность поставленного акта» [6, с. 83–85].

Однако требования о беспристрастности и независимости судей остаются декларативными, если в государстве не существует надежных процессуальных гарантий и четко выработанного механизма их реализации, в частности в сфере уголовного судопроизводства. Глава 9 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) представляет собой правовой

институт, выполняющий роль в том числе и механизма реализации процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства.

Целый ряд статей гл. 9 УПК РФ направлен на обеспечение возможности отстранения судей из уголовного дела в случае обоснованных сомнений в их беспристрастности и независимости: общие обстоятельства, исключающие участие в уголовном деле, закрепленные в ст. 61 УПК РФ; особые основания отвода судей, закрепленные в ст. 63 УПК РФ; механизм отвода судьи в случае его заинтересованности, отраженный в ст. 64 и 65 УПК РФ. Однако, по нашему мнению, некоторые аспекты актуального механизма отвода судей имеют дискуссионный характер [5].

Статья 65 УПК РФ, посвященная порядку рассмотрения заявления об отводе судьи, в части 4 определяет процедуру вынесения решения по поступившему заявлению в случаях, когда судья рассматривает дело единолично. Так, при поступлении заявления об отводе судья принимает решение в совещательной комнате самостоятельно. По нашему мнению, данный подход законодателя невозможно в полной мере назвать обоснованным. Действительно, требования об объективности и беспристрастности, предъявляемые к судьям, в т. ч. отраженные и в Кодексе судейской этики, обязывают указанных лиц принимать только законные обоснованные решения [3]. Конституция РФ также декларирует независимость и самостоятельность судей, в т. ч. и при принятии ими своих решений [4].

Однако безусловно верно сформировавшаяся тенденция на осуществление самостоятельной деятельности судьями может порождать некоторые злоупотребления правом, которые в результате приводят к нарушению прав участников уголовного судопроизводства. Возможность судьи лично разрешить в отношении себя заявленный отвод является потенциальным способом нарушения порядка уголовного судопроизводства и порождением вседозволенности, в т. ч. при наличии у данного субъекта отвода личной заинтересованности в исходе уголовного дела.

Анализ судебной практики показывает, что подобные случаи имеют место. Так, в апелляционной жалобе, поступившей в Саратовский областной суд, представитель потерпевшего указывал на незаконность вынесенного решения судьи нижестоящей инстанции об отказе в удовлетворении поступившего ходатайства об отводе судьи. Для обоснования своей позиции представитель потерпевшего приводит следующие аргументы: суд незаконно отказал представителям потерпевшего в удовлетворении заявленных в ходе рассмотрения дела ходатайств, в т. ч. о возвращении дела прокурору в связи с неполнотой проведенного расследования; умышленно не назначил проведение предварительного слушания; судом допущены процессуальные нарушения, выразившиеся в неизвещении представителей потерпевшего о том, какие свидетели будут допрашиваться в следующем судебном заседании, тем самым лишив их возможности подготовиться к допросу; воспрепятствование представителю потерпевшего задать вопросы свидетелям Смиркину В. И. и Песчанскому Д. В. и проведение судебного заседания в отсутствие

одного из представителей потерпевшего (Ушакова Б. В.) при наличии возражений; непредоставление возможности ознакомиться с показаниями свидетелей, допрошенных в суде; рассмотрение ходатайств об отводе без удаления в совещательную комнату [1].

Вышеприведенный пример не является системным, однако наличие подобных решений говорит о существующем пробеле в действующих нормах уголовно-процессуального права, что требует принятия соответствующих мер. По нашему мнению, решением обозначенной проблемы является пересмотр положений о порядке рассмотрения заявлений об отводе судей. Думается, что возложение обязанности на председателя суда по принятию решения по всем заявляемым отводам в отношении судей усложнит уголовное судопроизводство и велик риск нарушения принципа разумных сроков уголовного судопроизводства. В связи с этим считаем необходимым ст. 65 УПК РФ дополнить частью 7, в которой будет указано, что вынесенное решение судьи по заявленному отводу может быть обжаловано председателю суда.

Данное предложение, думается, не будет нарушать принципы самостоятельности и независимости судей, а привлечение субъекта, заинтересованного в отправлении правосудия на основании принципа законности всеми подчиненными судьями положительно скажется на работе всей судебной системы. В то же время у участников уголовного судопроизводства появится реальная возможность реализовывать свое право на вынесение законного и обоснованного решения в рамках текущей стадии уголовного процесса без необходимости дальнейшего обжалования.

Литература

1. Апелляционное постановление Саратовского областного суда от 05.08.2023 № 22-2586/2023. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 19.05.2024).
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1998. 10 дек.
3. Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей Российской Федерации 19.12.2012) (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Уголовный процесс зарубежных социалистических государств Европы / под ред. проф. В. Е. Чугунова. М., 1967. 660 с.

ВНОВЬ К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ЛИЦА, ЗАКЛЮЧИВШЕГО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Т. В. Топчиева,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

В настоящее время наиболее актуальным вопросом, связанным с обеспечением прав подозреваемого, обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве (далее — ДСС), а также осужденного, выполнившего условия заключенного соглашения, дающих показания в отношении соучастников преступления, является определение их процессуального статуса. Формально законодателем статус лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, определен (ст. 56.1 УПК РФ) [5]. По основному уголовному делу данное лицо выступает в качестве свидетеля, дающего показания в отношении соучастников преступления либо об обстоятельствах совершения иных преступлений. Бесспорно, такой свидетель отличается «особым» процессуальным статусом, поскольку фактически является соучастником совершенного преступления. В таком случае возникает вопрос: какую процессуальную функцию он выполняет? Нейтральную, как и иные участники уголовного судопроизводства, поскольку нормы закона, регламентирующие статус «особого» свидетеля, размещены в гл. 8 УПК РФ с одноименным названием? Или функцию защиты, поскольку, являясь соучастником преступления, располагает информацией об обстоятельствах совершенного преступления и дача показаний обусловлена условиями заключенного соглашения, невыполнение которого влечет негативные последствия?

В науке уголовного процесса определенная позиция по данному вопросу пока отсутствует. В этой связи хотелось бы обратиться к зарубежному опыту. В некоторых странах (США, Германия, Швейцария) уголовно-процессуальное законодательство разводит понятия «свидетель» и «сообвиняемый». В частности, в УПК Швейцарии используется термин *die Auskunftsperson* — лицо, являющееся источником сведений, который определяет статус участника уголовного судопроизводства, являющегося синтезом свидетеля и обвиняемого [4, с. 9]. В буквальном переводе на русский язык рассматриваемый термин обозначает «информационное или справочное

лицо». Примечательно то, что при проведении сравнительного лексического анализа значений однокоренных слов в латинском и немецком языках их значение тождественно. В основе слов заложено значение «справка». Соответственно, в уголовном процессе участвует лицо, которое совершило преступление, располагает сведениями об обстоятельствах его совершения и может об этом информировать правоохранительные органы. Таким образом, исходя из семантического анализа рассматриваемого понятия, лицо, совершившее преступление и обладающее сведениями об обстоятельствах его совершения, участника и дающее об этом показания, не может выступать свидетелем по уголовному делу в его традиционном понимании, закрепленном в ст. 56 УПК РФ. Более того, возникает вопрос и о доказательственном значении показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку, фактически являясь «сообвиняемым», имеет свой процессуальный интерес в разрешении уголовного дела. Показания такого лица не могут быть положены в основу обвинения соучастников преступления, а могут носить лишь справочный характер. Следует учесть и правовую позицию Европейского суда по правам человека, который неоднократно указывал на то, что показания соучастников преступления могут использоваться только для установления события инкриминируемого подсудимому преступления, а также обстоятельств своего собственного участия в совершенном преступлении [1, 2, 3].

Обозначенные проблемы требуют скорейшего разрешения на законодательном уровне, поскольку надлежащее обеспечение прав участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, вовлеченных в процедуру досудебного соглашения о сотрудничестве, будет соответствовать международным и конституционным нормам, способствовать реализации принципов состязательности, охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Литература

1. Дело «Александр Валерьевич Казаков (Aleksandr Valeryevich Kazakov) против Российской Федерации» [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда по правам человека от 04.12.2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Дело «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда по правам человека от 24.07.2008. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Дело «Шолер (Scholer) против ФРГ» [Электронный ресурс]: постановление Европейского суда по правам человека от 18.12.2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Уголовно-процессуальное уложение Швейцарии / пер. А. А. Трефилова. М., 2011.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ «НЕМЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ» В ДОКАЗЫВАНИИ

В. С. Удовиченко

Барнаульский юридический институт МВД России

В современной уголовно-процессуальной практике одним из важнейших аспектов является использование вещественных доказательств в процессе доказывания виновности или невиновности обвиняемого. Концептуальное значение вещественных доказательств как объектов материального мира отмечается ведущими процессуалистами. Так, профессор О. В. Левченко обоснованно указывает на определение в юридической литературе вещественных доказательств как «немых свидетелей», которые не способны, в отличие от личных доказательств, заведомо исказить информацию о происшедшем криминальном или ином событии [2, с. 112].

Действительно, в силу своей конкретности и объективности вещественные доказательства играют важную роль в уголовном процессе. Они могут быть представлены в самой разнообразной форме: от физических предметов, таких как орудия преступления или следы преступной деятельности, до цифровых данных, видеозаписей, аудиозаписей и прочих электронных носителей информации.

Другими словами, доказательство можно представить в виде совокупности определенных фактов, веществ или электронной информации, которые используются при установлении истины.

Стоит отметить, что любые материалы и факты могут быть приобщены к рассматриваемому делу, если они имеют к нему какое-либо отношение.

Например, предположим, что в судебном разбирательстве по уголовному делу о краже

важными факторами являются место преступления и наличие отпечатков пальцев на предметах, связанных с преступлением. В процессе расследования обнаруживается, что на месте преступления велось видеонаблюдение, которое осуществляется в круглосуточном режиме.

Хотя видеозапись за все часы прошедших суток и не относится к предмету доказывания, однако через ее просмотр возможно найти имеющий отношение к хищению фрагмент. И это может быть важным доказательством при определении того, кто мог бы быть причастен к преступлению или каким образом они могли попасть на место преступления. Таким образом, этот пример иллюстрирует, что даже материалы, не прямо связанные с преступлением, могут иметь доказательную ценность, если они являются источниками получения искомой информации и имеют отношение к рассматриваемому делу. Остается открытым вопрос и том, что цифровая запись не должна быть доказательством, а скорее относится к иному документу, т. к. ее можно копировать и монтировать, однако если запись осуществлялась напрямую на CD-диск, который является носителем в единственном варианте, можно говорить о цифровых следах в данном случае как вещественном доказательстве. Второй такой записи, сделанной этим пишущим устройством, в это время просто не существует.

Говоря об использовании вещественных доказательств по уголовным делам, В. А. Кузнецов отмечает, что их значение колоссально [1, с. 224]. Подкрепляется этот тезис тем, что ве-

вещественные доказательства являются основным подтверждением вины или, напротив, устанавливают непричастность лица к деянию.

При использовании таких доказательств в уголовных делах необходимо учитывать ряд специфических признаков: наличие материальной формы объекта, уникальность вещественного доказательства; исходный характер вещественного доказательства (существует необходимость сохранения первоначального состояния вещественных доказательств); наличие связи с событием преступления, возможность с помощью вещественного доказательства устанавливать истину по уголовному делу; наличие процессуального документа, содержащего данные о способе обнаружения вещественного доказательства; наличие протокола осмотра предметов (документов), где подробно описаны основные признаки объекта, наличие постановления о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств.

Рассмотренные выше признаки относятся и к содержанию вещественных доказательств, и к их формам. Объект материального мира превращается в вещественное доказательство только при сочетании описанных признаков в совокупности, т. е. сам факт обнаружения его в месте преступления без учета формы изъятия исследования содержания ведет к недопустимости его использования в приговоре суда (ч. 3 ст. 7 и ч. 1 ст. 75 УПК РФ).

Однако этим использование вещественных доказательств не исчерпывается, важнейшей формой их применения в уголовном деле является предъявление их допрашиваемому лицу. Целью этого процесса является конкретизация показаний лица и побуждение его к даче правдивых показаний.

Как отмечают Е. И. Сидорова и Н. А. Моругина, а также другие исследователи, предъявление доказательств допрашиваемым лицам акти-

вирует у них ассоциативные связи. В результате этого процесса они часто предоставляют более детальные сведения, связанные с событием или происходящими обстоятельствами [3, с. 313].

Таким образом, подводя итоги, хотелось бы отметить, что использование вещественных доказательств в уголовном процессе представляет собой неотъемлемый и важнейший элемент при выяснении обстоятельств уголовных дел. Вещественные доказательства обладают конкретностью и объективностью, что делает их основным средством подтверждения вины или невинности обвиняемого.

Как подчеркнуто исследователями, вещественные доказательства играют колоссальную роль в уголовном процессе, предоставляя суду материальные объекты, предметы, документы или цифровые данные, которые могут являться ключевыми для разрешения дела. Важными аспектами использования вещественных доказательств являются наличие материальной формы объекта, его уникальность, связь с событием преступления, а также возможность установления истины по уголовному делу.

Следует отметить, что соблюдение процессуального порядка в представлении вещественных доказательств имеет решающее значение. Суд имеет право признать доказательства недопустимыми, если их сбор, представление или экспертиза не соответствуют установленным законом нормам. Причины могут включать получение сведений противозаконным путем, отсутствие источника или отсутствие защитника обвиняемого при получении от последнего вещественных доказательств.

Кроме того, важной формой использования вещественных доказательств является предъявление допрашиваемому лицу, направленное на конкретизацию его показаний и стимулирование дачи правдивых показаний.

Литература

1. Кузнецов В. А. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2021. № 51 (393).
2. Левченко О. В. Классификация доказательств в уголовном процессе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 3 (152).
3. Сидорова Е. И., Моругина Н. А. Использование, выдача и хранение материальных доказательств по уголовному делу // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ НАПРАВЛЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ ЗАКЛЮЧЕНИЕМ

А. А. Фельк

Барнаулский юридический институт МВД России

Окончание предварительного следствия с составлением обвинительного заключения является формой завершения досудебного производства, которая обуславливается окончательной позицией следователя о виновности обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении и необходимостью направления уголовного дела для последующего рассмотрения в суде [2, с. 214].

Существует стереотипное мнение, что следователь в массе своей лишь мелкий чиновник, занятый главным образом заполнением бланков процессуальных документов [3, с. 27]. Мы не согласны с данным суждением по следующим причинам.

Реализация полномочий следователя при направлении уголовного дела прокурору с обвинительным заключением считается значимым этапом предварительного расследования, от которого зависит дальнейшее движение дела и обеспечение прав участников процесса, кроме этого, он обусловлен необходимостью подготовки уголовного дела к рассмотрению судом. При этом он реализуется путем осуществления следователем ряда процессуальных действий.

По окончании предварительного расследования следователь наделен определенными полномочиями, такими как: а) уведомление потерпевшего, его представителя, гражданского истца, гражданского ответчика, обвиняемого и его защитника о завершении предварительного расследования; б) ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, получение и разрешение от них ходатайств; в) составление обвинительного заключения и, конечно же, представление расследованного уголовного дела с составленным и согласованным обвинительным заключением прокурору для утверждения.

По окончании предварительного расследования следователь представляет прокурору подписанное им обвинительное заключение. К обвинительному заключению прилагаются все без исключения материалы уголовного дела.

После получения уголовного дела прокурор в течение десяти суток проверяет соответствие обвинительного заключения требованиям закона и полноту проведенного расследования (ч. 1 ст. 221 УПК РФ).

Согласно итогам проверки уголовного дела, поступившего с составленным обвинительным заключением, прокурор принимает одно из решений в соответствии со ст. 221 УПК РФ [1, с. 3–4].

До настоящего времени на законодательном уровне остается неурегулированным вопрос закрепления в УПК РФ нормы, определяющей сроки составления и предоставления в адрес следователя письменных ходатайств, которые могут быть заявлены после ознакомления с материалами уголовного дела. Внесение данной нормы могло бы расширить и дополнить полномочия следователя на этапе окончания предварительного следствия. Однако если обвиняемому или защитнику необходимо некоторое время для обдумывания и формирования ходатайства, следователь должен предоставить им такую возможность. В свою очередь, затягивание срока заявления ходатайств обвиняемым и адвокатом обусловлено злоупотреблением правом о предоставлении ходатайств, а также целями защиты от обвинения.

С целью соблюдения разумных сроков осуществления судопроизводства в рамках расследования уголовного дела, соблюдения прав на защиту обвиняемого, а также прав потерпевшего на рассмотрение уголовного дела в суде видится внесение изменений в ч. 4 ст. 217 УПК РФ с изложением ее в следующей редакции: «По окончании ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела следователь выясняет, какие у них имеются ходатайства или иные заявления, предоставляя время в пределах трех суток для подготовки и подачи ходатайства».

Реализация полномочий следователя на этапе направления уголовного дела прокурору является важнейшей гарантией законности и обоснованности принимаемых им решений. Прокурорский надзор позволяет выявить и устранить нарушения, допущенные в ходе предварительного расследования, что позволяет свести к минимуму возможность вынесения необоснованных и незаконных обвинительных заключений.

Надлежащее выполнение следователем своих полномочий на данном этапе обеспечивает всестороннее и объективное расследование, сбор

необходимых доказательств и подготовку материалов дела к рассмотрению судом. Это позволяет суду вынести обоснованное и законное решение.

От ненадлежащего проведения следователем следственных и процессуальных действий на этапе направления дела прокурору могут наступить следующие последствия: 1) возвращение дела прокурором для производства дополнительного расследования; 2) возвращение уголовного дела прокурору судом в порядке

ст. 237 УПК РФ; 3) постановление оправдательного приговора.

Реализация полномочий следователя при направлении уголовного дела прокурору с обвинительным заключением является важнейшей процессуальной стадией, гарантирующей законность и обоснованность решений, принимаемых в отношении участников уголовного процесса. Строгое соблюдение установленной процедуры позволяет обеспечить надлежащую защиту прав и интересов обвиняемого, а также способствует эффективному рассмотрению дела судом.

Литература

1. Глущенко В. В. Полномочия прокурора при проверке уголовного дела, направленного для утверждения обвинительного заключения // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2021. № 6.
2. Россинский С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: учебник. М.: Норма, Инфра-М, 2022;.
3. Титаев К. Д., Шкляр М. С. Российский следователь: призвание, профессия, повседневность: монография. М.: Норма, 2016.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВРЕМЕННОГО ПОМЕЩЕНИЯ В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ, ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО В КАЧЕСТВЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ ИЗБРАНО ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ

Н. В. Фотьянов

Барнаульский юридический институт МВД России

Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью. К таковым Основной закон государства относит и право на свободу и личную неприкосновенность. Тем не менее в ряде случаев эти права могут быть ограничены. К данному случаю в т. ч. относится наличие у лица психического расстройства, обуславливающего непосредственную опасность для него самого или для окружающих. В уголовном процессе упомянутое основание, при котором ограничиваются конституционные права и свободы личности, встречается при производстве о применении принудительных мер медицинского характера, в т. ч. и при предусмотренном ст. 435 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) временном помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (далее — временное помещение).

Институт временного помещения, предусмотренный ст. 435 УПК РФ, сравнительно не-

давно, с принятием Федерального закона Российской Федерации от 30.12.2021 № 500-ФЗ, претерпел определенные изменения, которые, с одной стороны, как считаем, помогли отчасти урегулировать процессуальный порядок применения указанного института, а с другой — оставили ряд нерешенных вопросов.

Данные изменения законодателем были направлены на устранение пробельности в самой регламентации процессуального порядка оказания специализированной психиатрической помощи подозреваемым, обвиняемым, по отношению к которым в соответствии с гл. 51 УПК РФ еще не принято само решение о применении принудительных мер медицинского характера, при этом имеется заключение психиатрической судебной экспертизы, исходя из результатов которой, такие лица нуждаются в оказании неотложной специализированной психиатрической помощи. Кроме того, был определен срок и сам порядок временного помещения обвиняе-

мого, подозреваемого в судебном порядке, а также некоторые иные положения.

Вместе с тем законодательные новеллы не разрешили, как мы считаем, достаточно важные процессуальные вопросы, в частности: как исчисляются и будут продолжать исчисляться сроки содержания под стражей подозреваемого или обвиняемого, когда в отношении него по решению суда будет принято решение о временном помещении (при условии избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица); будут ли считаться в суммарные сроки применения мер пресечения сроки временного нахождения подозреваемого, обвиняемого в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Вопросы, связанные с мерами пресечения в отношении лица, помещаемого в психиатрический стационар, до момента принятия исследуемых поправок в УПК РФ рассматривал в своем постановлении Конституционный Суд Российской Федерации [3], который указал на то, что отменять ранее избранную меру пресечения при применении к лицу «специальной» меры принуждения, предписанной в ст. 435 УПК РФ, не нужно. Однако необходимо учитывать, что, когда основания применения к лицу такой меры отпали, к нему должна применяться ранее избранная мера пресечения в виде заключения под стражу, с соблюдением условия, что срок, на который она была избрана, не истек, и основания для ее применения не отпали. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации прямо говорит о том, что сроки нахождения подозреваемого (обвиняемого) под стражей, избранной в отношении него судом, должны суммироваться со сроками временного нахождения.

Судебная практика по исследуемому вопросу неоднозначна. Так, Верховный суд Республики Карелия в своем апелляционном постановле-

нии от 16.10.2020 № 22К-1454/2020 по делу № 3/12-3/2020 соглашается с решением Пряжинского районного суда Республики Карелия о переводе содержащегося под стражей Х. в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях общего типа. При этом избранная мера пресечения в виде заключения под стражу по постановлению Пряжинского районного суда в отношении Х. отменена с момента помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях общего типа [1]. В свою очередь, Краснодарский краевой суд в апелляционном постановлении от 28.11.2023 № 22-8665/2023 по делу № 1-168/2023 находит законным решение Лабинского городского суда Краснодарского края о продлении срока содержания под стражей в отношении Д., содержащегося в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. При этом ранее избранная мера пресечения в виде заключения под стражу не отменяется, срок временного нахождения суммируется со сроком заключения под стражу [2].

Таким образом, исходя из анализа судебной практики, предлагается усовершенствовать существующее уголовно-процессуальное законодательство, в частности ст. 110 УПК РФ («Отмена или изменение меры пресечения»), в которой предлагается предусмотреть положение о том, что в случае применения меры, предписанной в ст. 435 УПК РФ, исполнение ранее избранной меры пресечения приостанавливается, при этом срок временного нахождения суммируется в конечном итоге со сроком нахождения подозреваемого (обвиняемого) под стражей. Представляется, что указанные изменения помогут решить проблемы, возникающие в практической деятельности при применении исследуемого института.

Литература

1. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Карелия от 16.10.2020 № 22К-1454/2020 по делу № 3/12-3/2020. URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/B9cnZnWvP5Q/> (дата обращения: 03.05.2024).
2. Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 28.11.2023 № 22-8665/2023 по делу № 1-168/2023. URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/Xmk3A9zuUZo/> (дата обращения: 03.05.2024).
3. По делу о проверке конституционности статьи 435 УПК РФ в связи с жалобами граждан Д. и К. [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.05.2018 № 20-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

СИНЕРГИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДОКТРИНЫ И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Ю. В. Царева,

кандидат юридических наук

Нижегородская академия МВД России

Синергия уголовно-процессуальной науки и судебной практики достижима посредством усиления роли научного знания в механизме совершенствования существующих уголовно-процессуальных предписаний, являющихся руководящей основой деятельности правоприменительных органов. Она должна способствовать достижению назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Уголовно-процессуальную доктрину можно определить как совокупность развитых учений, теорий, концепций, гипотез, идей и взглядов, отражающую сложившуюся, логически завершенную, согласованную и доминирующую в современных реалиях систему взглядов на уголовно-процессуальную реальность, включающую нормативные предписания, правосознание, принципы, формы, средства и методы правового регулирования общественных отношений, *востребованную* следственно-судебной практикой и способную определенным образом влиять на законодателя (при создании, отмене и изменении уголовно-процессуальных норм) и правоприменителя в рамках осуществляемой им правоохранительной деятельности.

В сфере уголовного судопроизводства судебная практика формируется из итоговых и промежуточных решений судов общей юрисдикции, а также судебных актов по пересмотру приговоров (иных решений) в порядке апелляционного, кассационного либо надзорного производства. По итогам отчетного периода деятельности суды посредством анализа судебной статистики, обобщения судебной практики подготавливают соответствующие обзоры. К термину «судебная практика» в основном обращаются, когда возникает необходимость изучения совокупности однотипных судебных актов, решений или дел, имеющих выраженное сходство. Они могут касаться итоговых решений судов, а могут относиться к актам предварительного, текущего или последующего судебного контроля (в т. ч. по итогам рассмотрения судом жалоб).

Проследим корреляционные связи теории (закона), доктрины и практики в области уголов-

ного судопроизводства. В самом широком смысле они представляют собой систему взаимообусловленных, взаимодополняющих компонентов, способствующих формированию общего исчерпывающего представления об искомом правовом явлении.

Механизм правового регулирования деятельности практических органов функционирует четко и согласованно, благодаря чему они в первую очередь руководствуются требованиями закона, а в случае возникновения спорных, проблемных ситуаций, разрешить которые невозможно в пределах существующей плоскости правовой регламентации, обращаются к авторитетным ориентирам толкования — разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Действительно, УПК РФ содержит понятия и термины, у которых отсутствует толкование. Но именно такая позиция и является оправданной, иначе закон приобрел бы сходство с юридической энциклопедией или комментарием. При этом в самих судебных решениях содержатся ссылки лишь на соответствующие нормы УПК РФ (статьи, их части, пункты и подпункты, отражающие определенные нормативные требования).

Проведение глубокого анализа положений действующего законодательства характерно для научных исследований в области юридических знаний, проводимых учеными, правоведами, процессуалистами, соискателями и аспирантами. Им же свойственно и изучение судебной практики, без которого не представляется возможным прийти к каким-либо обоснованным выводам, заключениям, эффективному результату проведенного исследования в виде аргументированных предложений по оптимизации действующих законов и иных нормативных правовых актов.

Тема значимости судебной практики для нормотворчества распространена среди ученых юридической специальности [2, 4, 6]. Так, М. Н. Придворова придерживается *теории поднормативности* судебной практики, заключающейся в использовании судьями выводов и оснований судебных решений как модели для последующих процессов по подобным делам, выделяя тем самым из содержания судебных решений

самостоятельные нормы права [6]. В противовес этому К. К. Панько полагает, что ни разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, ни иные виды судебной практики не обладают свойствами нормативности и общеобязательности [4, с. 246].

Следующий вопрос, который нами акцентирован, — об актуальности достижений науки для законодателя и органов, деятельность которых носит практический характер, исследован гораздо меньше [1, 3]. Но если связь науки и механизма нормотворчества прослеживается, то о прямой взаимообусловленности научных теорий и готовности к их претворению в жизнь говорить уже затруднительно. Так, в позитивном ключе возможность совершенствования норм уголовно-процессуального права с опорой на теоретические разработки юридической науки рассматривали ряд исследователей [1, 5]. С. Б. Поляков отмечал потребность в усилении роли науки в сфере правоприменения. По мнению автора, на сегодняшний день судьи, прокуроры, следователи практически не читают научные статьи и монографии, а значит, и их содержание в правоприменительных актах не отражается [5]. Мы солидаризируемся с позицией теоретиков, отмечающих позитивную роль научных открытий в области юриспруденции в алгоритме оптимизации законодательных положений.

Нам представляется, что связь уголовно-процессуальной науки и судебной практики по уголовным делам двуединая. С одной стороны, судебная практика находит отражение в исследованиях научного характера, благодаря чему строятся научно обоснованные гипотезы, доктрины и концепции, с другой стороны, будучи воспринятой законодателем, наука начинает оказывать воздействие на издание новых норм, на акценты в нормотворчестве, на акты толкования правовых норм и на преодоление пробелов в законе. И тем самым оказывает косвенное, опосредованное влияние на практику их применения. И правотворчество в этом смысле является *неким* проводником между наукой и практикой.

Утверждение о predetermined использовании достижений отечественной уголовно-процессуальной доктрины в судебной практике должно спровоцировать эффект обратной связи путем активизации предстоящих научных исследований и способствовать повышению авторитета данной правовой науки. Отрицание факта воздействия последней на судебную практику может свести доктрину к исключительному исследованию теоретических проблем без учета реалий общественного развития и решения насущных вопросов законодательного и практического уровней, а также к подмене ее основных задач, целей и приоритетов.

Литература

1. Баранов А. М., Баранов М. А., Луговик В. Ф. Влияние теории и практики на уголовно-процессуальный закон // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 26. С. 5–11.
2. Бондаренко О. В. Судебная практика и уголовное правотворчество // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 1.
3. Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 81–102.
4. Панько К. К. Аргументация в уголовном правотворчестве // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 1). С. 245–249.
5. Поляков С. Б. О влиянии юридической науки на юридическую практику // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 3 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vliyanii-yuridicheskoy-nauki-na-yuridicheskuyu-praktiku> (дата обращения: 11.05.2024).
6. Придворова М. Н. Значение судебной практики как источника современного российского права // Вестник Тамбовского университета. VI Державинские чтения. 2011. С. 34–35.

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Л. В. Черепанова,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

Ю. А. Андриенко,

кандидат юридических наук

Железнодорожный районный суд г. Барнаула

Особенностью исполнения приговора как стадии уголовного процесса является то, что на данном этапе осуществляются разнородные правовые отношения: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные, оперативно-розыскные. Как гласит народная мудрость, «у семи нянек дитя без глазу», поэтому на стадии исполнения приговора важнейшие вопросы, связанные с применением процессуального принуждения к осужденному, остались урегулированными не в полной мере, о чем свидетельствует разнородность правоприменительной практики и проблемы, препятствующие реализации непосредственных задач стадии.

Не подключаясь к дискуссии о том, какие из отношений следует считать приоритетными [1, с. 30; 3, с. 12–13; 5, с. 39–62], обратимся к тому, что не вызывает сомнения: отсутствие эффективного механизма надлежащего исполнения судебного решения не только подрывает авторитет судебной власти, но и посягает на основы государственности (ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации) [2].

В случае умышленного, без уважительной причины, уклонения от явки по вызову или на регистрацию надлежащим образом уведомленного осужденного уголовно-исполнительная инспекция принимает решение о его приводе (п. 100–101 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества (далее — Инструкция)) [4]. При злостном уклонении от отбывания отдельных видов уголовного наказания уголовно-исполнительным законодательством предусматривается возможность задержания осужденного на срок до 48 часов с последующим судебным его продлением до 30 суток, с целью обеспечения судебной процедуры замены наказания на более строгое (ст. 39, 49, 58 УПК РФ) [7]. Инструкция по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, детализирующая по-

рядок исполнения положений уголовного закона (ст. 49, 50, 53 УК РФ), предписывает после задержания осужденного направлять в суд представление о его заключении под стражу (п. 59 Инструкции) [4].

Основания, порядок привода, задержания, продления срока задержания УИК РФ не регламентируются, за исключением указания на то, что задерживается на срок до 48 часов лицо, объявленное в розыск (ст. 30, 39, 58 УИК РФ) [6]. В уголовно-процессуальном законе оснований для привода и задержания осужденного нет, что не может вызывать нарекания, поскольку эти отношения находятся в зоне регулирования УИК РФ. Розыск, задержание, доказывание злостности уклонения — это деятельность досудебная, полагаем, также нуждающаяся в законодательной проработке в рамках правового обеспечения деятельности по исполнению уголовного наказания.

Уголовно-процессуальные отношения возобновляются при поступлении в суд представления об изменении вида исправительного учреждения, о замене наказания на более строгое в связи со злостным уклонением осужденного от его отбывания (п. 2, 2.1 ст. 397 УПК РФ). С этого момента приоритетным в нормативно-правовом регулировании становится УПК РФ. Задержание осужденного на 48 часов, продление задержания до 30 суток не регламентируются УПК РФ. Статья 397 УПК РФ предусматривает в качестве меры, обеспечивающей судопроизводство при исполнении приговора, заключение под стражу. Поэтому Инструкция, конкретизируя действия сотрудников уголовно-исполнительной системы после установления местонахождения осужденного, предписывает после его задержания направлять представление о заключении под стражу на срок не более 30 суток, до рассмотрения вопроса о замене наказания (п. 2 ст. 397 УПК РФ; п. 145 Инструкции), но не о продлении задержания, как говорится в УИК РФ.

Цель применения меры пресечения — обеспечить беспрепятственное, с соблюдением всех процессуальных гарантий, рассмотрение в порядке уголовного судопроизводства вопроса о наказании (о его изменении). Соответственно, если уголовно-исполнительной системой не инициировано производство о замене вида наказания, то постановка вопроса о заключении под стражу для решения вопроса о замене наказания, подобно «телеге перед лошадьё», преждевременна.

Мы не беремся давать оценку правоприменительной практике, она разнообразна. Мы всего лишь возвращаемся к базовым понятиям института мер пресечения: цель, основания, мотивы, условия применения. Нужно заметить, что такой подход в науке уголовного процесса также не бесспорен. Например, С. И. Вершинина обосновывала необходимость выделять самостоятельную природу мер пресечения, применяемых при исполнении приговора и при экстрадиции [1, с. 30].

Соглашаясь с доводами ученого в части необходимости введения «полицейского задержания», полагаем, что заключение под стражу, применяемое для обеспечения судопроизводства, при наличии специфики в основаниях, сроках, порядке применения является элементом общей системы мер процессуального принуждения уголовно-судопроизводства. Положения ст. 225 УПК РФ на данную ситуацию не распространяются. Применение меры пресечения, установленный судом срок содержания осужденного под стражей могут быть обжалованы в апелляционном порядке, однако продление срока свыше 30 суток не предусмотрено.

Для того чтобы суд оказался в правовом поле, регламентируемом ст. 397 УПК РФ (приступил к разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора), в суд (по месту отбывания наказания) должно было поступить одно из представлений: о замене наказания в случае злостного уклонения от его отбывания (п. 2 ст. 397 УПК РФ); о замене принудительных работ лишением свободы в случае уклонения осужденного от отбывания принудительных работ либо признания осужденного к принудительным работам злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ в соответствии со ст. 53.1 УК РФ (п. 2.1 ст. 397 УПК РФ); об изменении вида исправительного учреждения, назначенного по приговору суда осужденному к лишению свободы, в соответствии со ст. 78, 140 УИК РФ (п. 3 ст. 397 УПК РФ); о направлении осужденного в колонию-

поселение под конвоем в порядке, установленном ст. 75, 76 УИК РФ (п. 18.1 ст. 397 УПК РФ).

Представление о замене, например, злостно уклоняющемуся от отбывания исправительных работ и скрывшемуся с места жительства уголовно-исполнительная инспекция должна направить в суд после выполнения первоначальных розыскных мероприятий в течение 30 суток с момента обнаружения факта злостного уклонения (раздел IX Инструкции) [4].

Если осужденный был обнаружен в ходе первоначальных розыскных мероприятий, то можно предположить, что он может быть задержан на срок до 48 часов. «Злостно уклоняющийся от отбывания наказания осужденный, местонахождение которого неизвестно, объявляется в розыск и может быть задержан на срок до 48 часов» [6].

Установление процедуры задержания Инструкцией, предусматривающей задержание только объявленного в розыск (например, п. 145 Инструкции), ставится под сомнение законность действий по его задержанию на этом этапе (поскольку в розыск он будет объявлен по истечении 30 суток при нерезультативных первоначальных розыскных мероприятиях). В этом случае представление о замене наказания может быть направлено в течение трех суток с момента обнаружения осужденного, но не подвергаемого задержанию на 48 часов (ч. 3 ст. 74 УК РФ; п. 104, 141–145 Инструкции).

Если в суд по месту отбывания наказания поступило представление о замене наказания на более строгое, то в отношении скрывающегося и объявленного в розыск осужденного по месту его обнаружения, после его задержания уголовно-исправительной инспекцией, может быть направлено представление о применении заключения под стражу на срок, соотносящийся с неотбытым сроком и видом наказания, содержащее сведения в т. ч. о направлении в суд ходатайства о замене наказания.

Подвергнув анализу современные правовые основания применения мер процессуального принуждения на стадии исполнения приговора, мы попытались дать ответ на практически значимый вопрос: может ли суд по месту задержания объявленного в розыск осужденного, злостно уклоняющегося от отбывания обязательных или исправительных работ, рассмотреть представление о применении к нему меры заключения под стражу, если в суд по месту исполнения наказания представление о замене наказания на лишение свободы не поступало? Наш ответ: нет, не может.

Литература

1. Вершинина С. И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: нормативно-правовая природа и механизм функционирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тольятти, 2017. 41 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2020).
3. Ложкина Л. В. Заключение под стражу осужденных, злостно уклоняющихся от отбывания наказания в виде штрафа, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2007. 26 с.
4. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества [Электронный ресурс]: приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142 (ред. от 22.08.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Пупышева Л. А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2002. 458 с.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.03.2024). URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 23.03.2024).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.04.2024). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.04.2024).

УЧАСТКОВЫЙ УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПОЛИЦИИ — САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ УЧАСТНИК СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (ВОПРОСЫ АЛГОРИТМИЗАЦИИ ДЕЙСТВИЙ ПРИ ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЯ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА)

Л. В. Черепанова,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

А. А. Торков

Барнаульский юридический институт МВД России

Участковые уполномоченные полиции (далее — УУП) входят в состав полиции, относятся к органу дознания и, соответственно, имеют право принимать процессуальное решение, связанное с вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Доля решений об отказе в возбуждении уголовного дела, принимаемых УУП, значительна. Например, в Алтайском крае она составляет около 63 %, в Кемеровской области — около 53 %.

Ошибки при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, влекущие принятие незаконного решения, приводят к нарушению прав и охраняемых законом интересов граждан, препятствуют реализации регламентированного Конституцией РФ и рядом федеральных законов права на судебную защиту и являются критичными.

Анализ причин отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесен-

ных УУП, свидетельствует о том, что допускаются, как правило, типичные нарушения, связанные с неполнотой проведенной проверки по сообщению о преступлении, неверным исчислением процессуальных сроков проверки, превышением своих должностных полномочий, нарушением или несоблюдением установленного законом порядка принятия решения, неправильным определением основания для отказа в возбуждении уголовного дела, ошибочным применением норм права.

В связи с тем, что УУП в пределах своей компетенции имеет право принимать решение об отказе в возбуждении уголовного дела, нами предлагаются определенные алгоритмы его действий при принятии такого решения.

Алгоритм действий УУП при отказе в возбуждении уголовного дела зависит от того, какое основание лежит в основе принятия решения (реабилитирующее или нет), обнаружены ли

признаки административного правонарушения, установлены ли обстоятельства, способствующие совершению противоправного деяния.

Алгоритм действий УУП при отказе в возбуждении уголовного дела по реабилитирующим основаниям включает в себя следующие этапы:

1. Оценка наличия оснований для принятия решения.

2. Принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела с оформлением соответствующего постановления с его последующим утверждением начальником органа дознания.

3. Направление копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в течение 24 часов с момента его вынесения прокурору, заявителю и (при наличии) лицу, в отношении которого принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

4. Разъяснение заявителю и лицу, в отношении которого отказано в возбуждении уголовного дела, права обжаловать данное постановление, порядок обжалования, а также уведомление о том, когда, где и в каком объеме он вправе реализовать свое право.

5. Разрешение поступивших ходатайств об ознакомлении с материалами проверки сообщения о преступлении.

Алгоритм действий УУП при отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям включает в себя такие же этапы, как мы указали ранее, между тем также необходимо получить согласие лица, в отношении которого проводилась проверка, а равно в отношении которого будет принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующему основанию, в случае смерти лица — согласие законного представителя. Также в этом случае УУП необходимо принять меры по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступления (составление, направление представления, вынесение предписания в пределах полномочий).

При вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела при отсутствии состава преступления и обнаружении признаков административного правонарушения УУП также обязан:

– рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего сообщение о преступлении конкретного лица, если таковое является ложным;

– указать признаки административного правонарушения, усматриваемого в действиях лица, в отношении которого принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела;

– составить рапорт об обнаружении признаков административного правонарушения и направить его для регистрации в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (далее — КУСП).

Если постановление, вынесенное УУП, будет признано прокурором незаконным и будет возвращено для проведения дополнительной проверки в орган дознания, то в установленный срок УУП проводит дополнительную проверку с безусловным исполнением письменных указаний прокурора при проведении дополнительных проверочных действий.

Таким образом, стоит отметить, что УУП, отказывая в возбуждении уголовного дела, как уполномоченное на процессуальные действия должностное лицо органа дознания, как дознаватель, реализующий волю государства, в части отказа от уголовного преследования по сообщениям о деяниях, заявленных как содержащие признаки преступлений, при отсутствии к тому предусмотренных законом оснований и условий, обеспечивает законные интересы лиц и организаций, ставших объектами противоправного посяательства и одновременно предупреждает необоснованное уголовное преследование и выступает в роли участника уголовного судопроизводства.

ОСМОТР ЖИЛИЩА И ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В ЖИЛИЩЕ: К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕПОЛАГАНИИ

Э. Х. Широ́ва,

кандидат юридических наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России;

С. А. Ситникова

Барнаульский юридический институт МВД России

Долгие годы не теряет актуальности проблема разграничения осмотра жилища с осмотром места происшествия, производство которого возможно и в жилом помещении. Особенно остро данный вопрос встает на этапе следственной проверки. Так, в ч. 1 ст. 144 УПК РФ законодатель, перечисляя виды осмотра, которыми наделены должностные лица при проведении проверки сообщения о преступлении, не включил в этот перечень осмотр жилища. В то время как в ч. 1 ст. 176 УПК РФ осмотр жилища находит свое самостоятельное место в системе остальных видов осмотра, где одновременно определено основание их производства.

Логика законодателя по обособлению осмотра жилища как отдельного следственного действия в целом ясна: она направлена исключительно на защиту конституционных прав и свобод граждан, а именно лиц, проживающих в жилище (ст. 25, 55 Конституции РФ). Причем функция защиты конституционных прав включается именно тогда, когда проживающие в жилище граждане возражают против осмотра их жилья, но производство этого следственного действия вопреки их желанию допустимо при условии соблюдения судебного порядка получения разрешения, установленного ст. 165 УПК РФ. В результате такое следственное действие приобретает характер принуждения.

Стоит напомнить, что изначально идея законодателя базировалась на совершенно иных условиях проведения следственной проверки. Во-первых, ее познавательные ресурсы ограничивались лишь одним следственным действием — осмотром места происшествия, производство которого допускалось при наличии исключительного случая, не терпящего отлагательства, а равно наличия к тому оснований, сопровождающихся немедленным возбуждением уголовного дела после проведения такого осмотра (ч. 2 ст. 178 УПК РСФСР 1960 г.); во-вторых, несмотря на продолжающуюся модернизацию стадии возбуждения уголовного дела, она по-прежнему призвана служить важной процессуальной гаран-

тией от необоснованного применения мер уголовно-процессуального принуждения [6].

Таким образом, процедура получения судебного разрешения на производство осмотра жилища в принудительном порядке может быть реализована лишь в рамках возбужденного производства по уголовному делу. Причем этот вариант очевиднее всего возможен, если до принятия решения о возбуждении уголовного дела компетентное должностное лицо будет заранее располагать к тому достаточными основаниями, чтобы одновременно с решением о возбуждении уголовного дела обратиться с ходатайством в суд для получения судебного решения. Однако такая ситуация не всегда возникает в практической деятельности, чаще всего подобный вариант решения проблемы попросту не подходит. Это объясняет, почему в ряде случаев практика выбирает путь производства осмотра места происшествия в жилище, в котором произошло преступное деяние. Насколько правилен этот путь? Изучение практики показывает, что он отнюдь не всегда надежен и нередко влечет за собой массу непоправимых ошибок. Так, в условиях процессуального цейтнота встречаются следующие фатальные ошибки: осмотр места происшествия в жилище проводился в отсутствие согласия одного из проживающих в нем лиц, в комнате которого были изъяты обнаруженные вещества и предметы [3]; осмотрена территория домовладения вопреки прямому отказу домовладельца в производстве этого следственного действия [2]; одновременно с фактическим задержанием проведен осмотр места происшествия в жилище, на производство которого задержанная согласие не дала [1].

В каждом из перечисленных случаев суд установил допущенные нарушения установленных законом требований (ч. 5 ст. 177 УПК РФ) и признал протокол осмотра места происшествия, а равно с тем производные от него доказательства (заключение эксперта, протоколы осмотра предметов (веществ) и т. п.) недопустимыми (ст. 75 УПК РФ).

По нашему мнению, это стало возможным в силу того, что законодатель не дает четких установок применительно к таким ситуациям, которые имеют место в каждодневной следственной практике, равно как и не дано по этому поводу разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. В этой связи необходимо поставить вопрос о целеполагании между осмотром жилища и осмотром места происшествия в жилище.

Исходя из значения понятия, целеполагание — смыслообразующее содержание практики, состоящее в формировании цели как субъективно-идеального образа желаемого (целеформирование) и воплощении ее в объективно-реальном результате деятельности (целереализации) [7]. Опираясь на данную категорию, в уголовно-процессуальном понимании целеполагание можно представить как процесс определения и формулирования наиболее оптимальной цели для ее эффективной реализации, в частности при производстве такого важного и нужного следственного действия, как осмотр.

Обращаясь к целям осмотра, мы видим, что в ч. 1 ст. 176 УПК РФ в качестве единой цели для всех возможных видов осмотра закреплено обнаружение следов преступления и выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Также это объясняется целеполаганием следственного действия — осмотра места происшествия, которое наряду с доказательственной функцией выполняет и проверочную, т. е. следователь, дознаватель (орган дознания) проверяют информацию из сообщения о преступлении на предмет наличия или отсутствия признаков преступления, т. к. не всегда на момент проведения осмотра могут быть основания для возбуждения уголовного дела, в то время как осмотр жилища направлен исключительно на фиксацию сведений, имеющих отношение к расследуемому преступлению, и поэтому возможен только после возбуждения уголовного дела.

Возникает следующий вопрос: в каких случаях осмотр жилища может рассматриваться как самостоятельное следственное действие? Обращаясь к судебной практике, мы можем сказать, что эта ситуация возможна, когда жилое помещение будет выступать предметом преступного посягательства. И целью данного осмотра будет являться фиксация сведений о предмете преступного посягательства.

К примеру, по фактам мошенничества с недвижимым имуществом осмотр жилища уместен как автономное следственное действие. Так, гражданка А., полагая, что подписывает документы на получение премии, подписала представленный ей договор купли-продажи. В итоге понесла ущерб в особо крупном размере, лишившись права на жилое помещение. Был проведен осмотр жилища как самостоятельное следственное действие, где жилое помещение выступило в качестве предмета преступления [4], причем местом происшествия оно не являлось.

Аналогичная ситуация просматривается и в другом уголовном деле по факту мошенничества, согласно которому застройщик, разработав преступный план, собрал с дольщиков денежные средства, обещая построить многоквартирный дом, при этом не имел намерений его достраивать. В ходе расследования был произведен целый ряд осмотров жилых помещений с целью выявления признаков преступления и фиксации результата проведенных работ, обещанных застройщиком [5].

Таким образом, целеполагание осмотра места происшествия в жилище заключается в визуальном обнаружении, восприятии, изучении и фиксации материальных объектов, в т. ч. следов преступления, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения, имеющих значение как для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, так и для его расследования (ст. 176–178 УПК РФ). При этом целеполагание осмотра жилого помещения как самостоятельного следственного действия направлено на обнаружение сведений, относящихся к уже расследуемому преступлению. Данные следственные действия являются одноименными по родовой категории, но их отличие в том, на что они направлены, а именно какую цель преследует следователь (дознаватель), принимая тактическое решение об их производстве. Ведь проводятся они чаще всего на разных стадиях уголовного процесса, в разных условиях (обстоятельствах), имея собственные самоцели.

В связи с этим решением обозначенной проблемы могли бы стать дополнительные руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам производства анализируемых следственных действий с учетом их целеполагания, что позволило бы сформировать единообразное применение уголовно-процессуального законодательства.

Литература

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда от 10 марта 2022 г. по делу № 22-1071/2022. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/oZoQ1B1W2wZu/> (дата обращения: 05.09.2024).
2. Апелляционный приговор Волгоградского областного суда № 22-1620/2020 от 25 мая 2020 г. по делу № 22-1620/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gSFiKsQ2iGWn/> (дата обращения: 05.09.2024).
3. Кассационное постановление Московского областного суда № 44У-251/2016 4У-2176/2016 от 31 августа 2016 г. по делу № 1-148/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MYdWLga3dZU/> (дата обращения: 05.09.2024).
4. Приговор Адлерского районного суда г. Сочи Краснодарского края № 1-280/2021 от 28 июня 2021 г. по делу № 1-280/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZciE9wwjZTR/?page> (дата обращения: 05.09.2024).
5. Приговор Таганрогского городского суда Ростовской области № 1-13/2021 1-399/2020 от 9 июля 2021 г. по делу № 1-819/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zRfrMd9A6ydK/?page> (дата обращения: 05.09.2024).
6. Стельмах В. Ю. Принуждение в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1 (44). С. 268–275.
7. Толковый словарь по социологии. URL: <http://sociology.niv.ru/> (дата обращения: 05.09.2024).